

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал
Mongolian Studies
(Elista)

2023. Т. 15. № 1

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)

Выходит 4 раза в год

Журнал «Монголоведение (Монгол судлал)» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76106 от 03.07.2019.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Издается с 2002 г.

Журнал «**Монголоведение**» — востоковедное издание историко-филологического направления. На страницах журнала освещаются вопросы истории, языка, фольклора и литературы монголоязычных народов, которые в основном проживают в Монголии, Китае и России. Публикуются материалы российских и зарубежных монголоведов: статьи, сообщения, комментированные переводы письменных памятников, устные нарративы с комментариями, рецензии, обзоры. Тематика журнала «Монголоведение» — история, этнология и антропология, источниковедение, языкознание, фольклористика, литературоведение.

Главная **цель** издания журнала — способствовать развитию академического монголоведения, имеющего более чем двухсотлетнюю историю, располагающего огромной источниковой базой и являющегося одним из важных и традиционных направлений востоковедения, а также развивать традиции, заложенные в российской монголоведной научной школе, и применять новые методы и приемы в исследовании актуальных проблем и вопросов монголоведения.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), включен в перечень рецензируемых изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология), языки, литература и фольклор монгольских народов

Подписной индекс: 39464

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved@kigiran.com;

Сайт: <https://mongoloved.kigiran.com/>

MONGOLIAN STUDIES

Published four times a year

The Mongolian Studies journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskommnadzor) on July 3, 2019.

Certificate of registration ПИ No. ФС77-76106.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Issued since 2002

The *Mongolian Studies* is an Orientalist journal focusing on historical and linguistic aspects. The articles published cover the questions of history, language, folklore, and literature of Mongolic peoples primarily residing in Mongolia, China, and Russia. Typologically, works authored by Russian and foreign Mongolists include as follows: scholarly articles, reports, commented translations of written monuments, commented oral narratives, reviews and surveys. The journal comprises a range of sections, such as History, Ethnology and Anthropology, Source Studies, Linguistics, Folkloristics, and Literary Studies.

The journal chiefly *aims* to facilitate further development of academic Mongolian studies as an important and traditional branch of Oriental studies in Russia that started over two centuries ago and are characterized by a widest source base. It also seeks to sustain research traditions of the Russian Mongolist school and apply new methods and techniques for the investigation of topical issues relating to Mongolian studies.

The journal publishes articles in Russian, Mongolian, Kalmyk and English.

The journal is issued four times a year.

The journal is indexed with Russian Science Citation Index, and is included in the list of peer-reviewed publications that publish key scientific results of Candidate of Sciences and Doctor of Sciences theses.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies,
Ethnology and Anthropology);
Languages, Literature and Folklore of the Mongolian Peoples

Subscription index in Russian Catalogue: 39464

Founding Institution, Editorial office, Publisher —

Federal State Budgetary Institution of Science

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Founding Institution, Editorial Board, Publisher's address:

8, Ilishkin St., Elista 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved@kigiran.com;

Web-site: <https://mongoloved.kigiran.com/>

© Kalmyk Scientific Center of the
Russian Academy of Sciences, 2023

© Collective of authors, 2023

Главный редактор
канд. филол. наук **В. В. Куканова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора
д-р ист. наук **Э. П. Бакаева**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

- д-р филол. наук **А. Алимая**, Институт языка и литературы АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);
- д-р ист. наук **Б. В. Базаров**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);
- канд. филол. наук **А. Т. Баянова**, Калмыцкий научный центра РАН
(Россия, г. Элиста);
- д-р филол. наук **А. Бирталан**, Университет ELTE (Венгрия, г. Будапешт);
- д-р филол. наук **И. В. Булгутова**, Бурятский государственный университет
им. Д. Банзарова (Россия, г. Улан-Удэ);
- д-р ист. наук **В. В. Грайворонский**, Институт востоковедения РАН
(Россия, г. Москва);
- д-р филол. наук **Л. С. Дампилова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);
- д-р ист. наук **С. В. Джунджузов**, Оренбургский государственный педагогический
университет (Россия, г. Оренбург);
- д-р ист. наук **Н. Л. Жуковская**, Институт этнологии и антропологии РАН
(Россия, г. Москва);
- д-р ист. наук **Д. Н. Музраева**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
- д-р филол. наук **В. Н. Мушаев**, Калмыцкий государственный университет
им. Б. Б. Городовикова (Россия, г. Элиста);
- д-р ист. наук **Л. В. Курас**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);
- д-р ист. наук **У. Б. Очиров**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
- д-р ист. наук **К. В. Орлова**, Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);
- д-р ист. наук **А. М. Плеханова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);
- д-р филол. наук **Г. Ц. Пюрбеев**, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
- д-р ист. наук **К. Хамфри**, Кембриджский университет
(Великобритания, г. Кембридж);
- д-р ист. наук **Н. Хишигт**, Институт истории и этнологии АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);
- д-р филол. наук **А. Д. Цендина**, Институт восточных культур и античности РГГУ,
Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики»,
Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);
- д-р филол. наук **Р. М. Ханинова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста);
- канд. филол. наук **Г. М. Ярмаркина**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста).

Переводчик: С. В. Джагунов
Дизайн и верстка: Д. В. Татнинов
Ответственный секретарь: С. В. Мирзаева

Editor-in-Chief:

V. V. Kukanova, Cand. Sc. (Philology) Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Elista, Russia)

Deputy Editor-in-Chief:

E. P. Bakaeva, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Russia, Elista)

Editorial Board:

- A. Alimaa**, Dr. Sc. (Philology), Institute of the Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- B. V. Bazarov**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- A. T. Bayanova**, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- A. Birtalan**, Dr. Sc. (Philology), ELTE University (Budapest, Hungary);
- I. V. Bulgutova**, Dr. Sc. (Philology), Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude, Russia);
- L. S. Dampilova**, Dr. Sc. (Philology), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- S. V. Dzhundzhuzov**, Dr. Sc. (History), Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia);
- V. V. Graivoronsky**, Dr. Sc. (History), Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- C. Humphrey**, Dr. Sc. (History), University of Cambridge (Cambridge, Britain);
- R. M. Khaninova**, Dr. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- N. Khishigt**, Dr. Sc. (History), Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- L. V. Kuras**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- V. N. Mushaev**, Dr. Sc. (Philology), Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russia);
- D. N. Muzraeva**, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- U. B. Ochirov**, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- K. V. Orlova**, Dr. Sc. (History), Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- A. M. Plekhanova**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- G. Ts. Pyurbeev**, Dr. Sc. (Philology), Institute of Linguistics RAS (Moscow, Russia);
- A. D. Tsendina**, Dr. Sc. (Philology), Russian State University for the Humanities, Professor, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- N. L. Zhukovskaya**, Dr. Sc. (History), Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia);
- G. M. Yarmarkina**, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia).

Translator: S. V. Dzhagrunov

Design and page layout: D. V. Tatninov

Executive Secretary: S. V. Mirzaeva

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю.
 Улуг битикчи — тюрко-монгольский институт, интегрированный в систему мусульманской администрации чингизидских государств XIII–XIV вв. (по материалам «Дастур ал-катиб») 8

Курапов А. А.
 Взаимодействие иеромонаха Гурия с Астраханским епархиальным комитетом Православного миссионерского общества (по материалам Государственного архива Астраханской области) 29

Долеева А. О.
 О «Каталоге книг рукописным, употребляемым правоверными ойратами» Г. С. Лыткина 40

Манджиева З. И., Мирзаева С. В.
 Архивные записи Г. С. Лыткина как источник по этнографии калмыков XIX в. 57

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Ширапов А. А., Плеханова А. М.
 «Серебряный путь» из Европы в Азию: роль Кяхтинского отделения Русско-Китайского банка в экспорте драгоценных металлов в Цинскую империю 83

Ванчикова Ц. П.
 Буддийская конфессия в Российской империи во второй половине XIX в. 95

Базаров Б. В., Плеханова А. М., Нолев Е. В.
 Республика Бурятия в панораме 100-летия: исторические вехи и достижения 115

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Содномпилова М. М.
 «Язык» леса в информационном пространстве кочевой культуры (на примере тюрко-монгольских народов) 129

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Тишин В. В., Нанзатов Б. З.
 Историческая фонетика бурятского языка в русскоязычной документации XVII в. (к постановке проблемы). Часть 1 142

CONTENT

SOURCE STUDIES

Abzalov L. F., Gatin M. S., Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu.
 Ulug Bitigchi: A Turko-Mongol Institution in the Islamic Government System of Chinggisid States, 13th–14th Centuries (Analyzing Materials of Dastur al-Katib) 8

Kurapov A. A.
 Rev. Hieromonk Gury and Astrakhan Diocesan Committee (Orthodox Missionary Society): Analyzing Materials from the State Archive of Astrakhan Oblast 29

Doleeva A. O.
 Revisiting G. S. Lytkin’s Catalogue of Manuscripts Used by Faithful Oirats 40

Mandzhieva Z. I, Mirzaeva S. V.
 Archival Records of G. S. Lytkin as a Source in Nineteenth-Century Kalmyk Ethnography 57

NATIONAL HISTORY

Shirapov A. A., Plekhanova A. M.
 ‘Silver Road’ from Europe to Asia: Kyakhta Office of the Russo-Chinese Bank in Precious Metals Exports to the Qing Empire 83

Vanchikova Ts. P.
 Buddhism in the Mid-to-Late Nineteenth-Century Russian Empire 95

Bazarov B. V., Plekhanova A. M., Nolev E. V.
 Republic of Buryatia in the Panorama of the 100th Anniversary: Historical Milestones and Achievements 115

ETHNOLOGY & ANTHROPOLOGY

Sodnompilova M. M.
 The ‘Language’ of Forest in Information Space of Nomadic Culture: A Case Study of Turkic and Mongolic Peoples 129

LINGUISTICS

Tishin V. V., Nanzatov B. Z.
 Buryat Historical Phonetics in Seventeenth-Century Russian-Language Documents: Problem Statement Approached. Part One 142

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 930.2, 94(517), 94(55)
DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-8-28

Улуг битикчи — тюрко-монгольский институт, интегрированный в систему мусульманской администрации чингизидских государств XIII–XIV вв. (по материалам «Дастур ал-катиб»)

Ленар Фиргатович Абзалов¹, Марат Салаватович Гатин²,
Ильяс Альфредович Мустакимов³, Роман Юлианович Почекаев⁴

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет (д. 44, ул. Лево-Булачная, 420111 Казань, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент

 0000-0003-3952-6715. E-mail: len_afzal[at]mail.ru

² Казанский (Приволжский) федеральный университет (д. 44, ул. Лево-Булачная, 420111 Казань, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент

 0000-0002-7698-0450. E-mail: marat_gata[at]mail.ru

³ Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (д. 2, ул. К. Сатпаева, 010000 Астана, Республика Казахстан)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-0052-5136. E-mail: imus2007[at]mail.ru

⁴ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (д. 3, ул. Кантемировская, 194100 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор,
заведующий кафедрой

 0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev[at]hse.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье на основе ярлыка из персидского средневекового трактата «Дастур ал-катиб» дается характеристика института улуг битикчи (старшего писца или главы писцов), имевшего распространение в Монгольской империи и государствах потомков Чингис-хана, выделившихся из него впоследствии. Целью исследования является междисциплинарный анализ исторического памятника — ярлыка о назначении на должность улуг битикчи, включенного в состав сочинения «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней»), составленного в середине XIV в. иранским чиновником Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани. *Материалы и методы.* Источниковую базу исследова-

ния составляет в первую очередь сам исследуемый ярлык, а также другие материалы из сочинения «Дастур ал-катиб», иные средневековые источники о монгольском Иране и других государствах Чингизидов рассматриваемого периода, в том числе сочинения Джувейни, Рашид ад-Дина, Фасиха Хавафи и др., актовые материалы средневековых чингизидских канцелярий. Исследование осуществлялось с помощью исторических и юридических методов: источниковедческого, дипломатического, сравнительно-исторического, формально-юридического, историко-правового, сравнительно-правового. *Результаты.* В рамках настоящего исследования впервые вводится в отечественный научный оборот ярлык о назначении на должность улуг битикчи, входящий в средневековый персидский трактат «Дастур ал-катиб», проведен детальный анализ этого документа на основе междисциплинарного анализа, дана характеристика правового статуса улуг битикчи (включая его права и обязанности, а также требования к кандидату на эту должность) в составе администрации государств Чингизидов, прослежена его эволюция. Выявлены причины, по которым данный тюрко-монгольский институт сохранился в указанных государствах даже после принятия ислама в качестве официальной религии и выстраивания системы управления в соответствии с мусульманскими традициями, действовавшими в Иране, Поволжье, Средней Азии еще до монгольского завоевания этих стран и регионов. *Выводы.* Сохранение института улуг битикчи в государствах Чингизидов после принятия ими ислама в качестве официальной религии должно было демонстрировать, во-первых, преемственность ильханов от Монгольской империи, откуда и был заимствован этот институт, во-вторых – стремление ильханов Ирана (равно как и их родственников — правителей Золотой Орды и Чагатайского улуса в Средней Азии) к компромиссу в управлении своими разнообразными подданными, среди которых были кочевые и оседлые народы, носители тюрко-монгольских и иранских языков, мусульмане и представители иных религий.

Ключевые слова: монгольский Иран, ильхан, Монгольская империя, Золотая Орда, Чагатайский улус, тюркский язык, монгольский язык, ярлык, улуг битикчи

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Социально-политическая организация евразийского пространства в Средние века (исторический опыт Золотой Орды и Ирана XIII–XIV вв.)» (№ 23-18-00147).

Для цитирования: Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. Улуг битикчи — тюрко-монгольский институт, интегрированный в систему мусульманской администрации чингизидских государств XIII–XIV вв. (по материалам «Дастур ал-катиб») // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 1. С. 8–28. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-8-28

Ulug Bitigchi: A Turko-Mongol Institution in the Islamic Government System of Chinggisid States, 13th–14th Centuries (Analyzing Materials of Dastur al-Katib)

Lenar F. Abzalov¹, Marat S. Gatin², Ilyas A. Mustakimov³, Roman Yu. Pochekaev⁴

¹ Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya St., 420111 Kazan, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0003-3952-6715. E-mail: len_afzal[at]mail.ru

² Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya St., 420111 Kazan, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-7698-0450. E-mail: marat_gata[at]mail.ru

³ L. N. Gumilyov Eurasian National University (2, Satpayev St., 010000 Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-0052-5136. E-mail: imus2007[at]mail.ru

⁴ National Research University Higher School of Economics (3, Kantemirovskaya St., 194100 St. Petersburg, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Professor, Head of Department

 0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev[at]hse.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Abzalov L. F., Gatin M. S., Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu., 2023

Abstract. *Introduction.* The article examines a *yarliq* from the medieval Persian treatise *Dastur al-Katib* to characterize the institution of *ulug bitigchi* that used to be widespread in the Mongol Empire and states of Genghis Khan's descendants. *Goals.* The study attempts an interdisciplinary analysis of the historical monument — one *yarliq* appointing an *ulug bitigchi* (head of scribes) and contained in *Dastur al-Katib fi Tayin al-Maratib* (A Scribe's Guide to Determining Ranks) compiled in the mid-14th century by Persian official Muhammad ibn Hindushah Nakhchivani. *Materials and methods.* The paper focuses on *Dastur al-Katib* and the mentioned *yarliq* proper, involves related medieval sources on Mongol Iran and other Chinggisid states, including works by Juvayni, Rashid al-Din, Fasih Khwafi, etc., official documents of the Chinggisid chancelleries. The work employs a series of historical and legal research methods, such as those of source criticism, diplomatics analysis, comparative historical research, formal legal approach, historical legal and comparative legal analyses. *Results.* The paper introduces the *yarliq* appointing an *ulug bitigchi* from the medieval Persian treatise *Dastur al-Katib* into Russian-language scientific discourse and supplements it with a detailed interdisciplinary analysis. The work clarifies specific features of an *ulug bitigchi*'s legal status — including his functions, rights, requirements for candidates in Chinggisid chancelleries — and traces its evolution. It also shows reasons for the survival of the institution in those states even after the official conversion to Islam and shaping of a corresponding government system in accordance with traditions that had existed across the Volga Region, Iran and Central Asia long before the Mongol conquest. *Conclusions.* The fact that the institution of *ulug bitigchi* did survive the subsequent Islamization was to primarily position of Ilkhans as heirs of the Mongol Empire where it had first been established as well as to seek a compromised approach in governing their various subjects — nomadic and sedentary peoples, Turko-Mongols and those who spoke Iranian languages, Moslems and adherents of other religions.

Keywords: Mongol Iran, *il Khan*, Mongol Empire, Golden Horde, Chagatai Ulus, Turkic language, Mongolian language, *yarliq*, *bitigchi*, *ulug bitigchi*

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-18-00147 ‘Social and Political organization of the Eurasian area in the Middle Ages (by the example of the Golden Horde and Iran of 13th–14th cc.)’.

For citation: Abzalov L. F., Gatin M. S., Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu. *Ulug Bitigchi: A Turko-Mongol Institution in the Islamic Government System of Chinggisid States, 13th–14th Centuries (Analyzing Materials of Dastur al-Katib).* *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(1): 8–28. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-8-28

Введение

Продолжая серию исследований, посвященных особенностям развития управленческой и канцелярской культуры в государствах Чингизидов на основе материалов средневекового персидского трактата «Дастур ал-катиб», начатую публикацией, посвященной должности бахши [Абзалов и др. 2022б], авторы обращаются к изучению еще одной канцелярской должности — улуг битикчи¹, название которой можно буквально перевести как «великий писец». Помимо расширения представлений об особенностях деятельности канцелярии ханов-Чингизидов в XIII–XIV вв., этот институт также интересен тем, что продолжил свое существование в государствах — преемниках Монгольской империи (откуда, собственно, он и был заимствован) даже после того, как в этих государствах был принят в качестве официальной религии ислам, и многие мусульманские управленческие и правовые институты стали неотъемлемой частью системы власти, что в полной мере распространилось и на организацию делопроизводства и канцелярского дела.

Авторы видят свою задачу в том, чтобы на основе вновь вводимого в отечественный научный оборот историко-правового памятника — ярлыка о назначении на должность улуг битикчи, включенного в трактат «Дастур ал-катиб» (после перевода, осуществленного в 1980-х гг. С. Хатиби, о чем подробнее будет сказано ниже), проанализировать роль и значение этого чиновника в чингизидской системе управления, а также выяснить, по какой причине он сохранялся в государствах потомков Чингис-хана после принятия ислама и замещения ряда тюрко-монгольских институтов их мусульманскими аналогами.

История вопроса, материалы и методы исследования

Изучением канцелярской культуры Монгольской империи и отдельных чингизидских государств занимался целый ряд исследователей-востоковедов. Среди них можно, в частности, назвать Н. Н. Поппе [Поппе 1941], Д. Синора [Sinor 1982], Э. Шаванна [Chavannes 1904; Chavannes 1905; Chavannes 1908], Ф. В. Кливза [Cleaves 1951], И. де Рахевильца [Rachewiltz 1966], А. П. Григорьева [Григорьев 1978], И. Т. Зограф [Зограф 1984], М. А. Усманова [Усманов 1979], Л. Ф. Абзалова [Абзалов 2013], Д. Мацуи [Matsui 2016; Matsui 2018], М. Вера [Ver 2019]. Насколько нам известно, должность улуг битикчи не выступала объектом отдельного исследования, тем более — на основе вышеупомянутого ярлыка из «Дастур ал-катиб».

Данный документ приведен во втором томе трактата, причем является единственным примером такого ярлыка — в отличие от большинства других ярлыков, который Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани, как правило, приводит по три образца. Он помещен в разделе, озаглавленном «О поручении постов и должностей везирам, членам Великого Дивана и их помощникам». Необходимо отметить, что ранее перевод ярлыка о назначении улуг битикчи

¹ По мнению некоторых исследователей, слово bitigči происходит от китайского pí, piēt, что означает кисточку для письма [Севортян 1978: 155–158]. См. также: [Поппе 1938: 118; Бартольд 1968: 508; Габен 1986: 161; Севортян 1978: 155–158; Баскаков 1987: 72]. Составители словаря [ДТС 1969: 104] приводят также параллель с сирийским petqa ‘памятник’ [ДТС 1969: 104].

на русский язык издал С. Хатиби [Хатиби 1985: 110–111]. Публикатор пользовался материалами из архива В. Г. Тизенгаузена, хранящимися в Институте восточных рукописей РАН [Хатиби 1985: 94, прим. 1]. Перевод, опубликованный С. Хатиби, несколько сокращен: опущена пространная преамбула, некоторые фрагменты также нельзя признать вполне точными. В связи с этим мы сочли целесообразным подготовить новый перевод этого документа на русский язык.

В настоящем исследовании авторы предпринимают междисциплинарный анализ указанного документа, включая его перевод и сравнение с другими известными современной науке источниками, в том числе официальными актами и историческими сочинениями. Для этого, кроме ярлыка о назначении на должность улуг битикчи, привлекаются официальные документы Монгольской империи, ильханского Ирана и других государств Чингизидов XIII–XIV вв., свидетельства современников (китайских дипломатов Пэн Да-я и Сюй Тина, папского посла Иоанна де Плано Карпини), официальная придворная историография чингизидских государств (труды Ата-Малика Джувейни, Рашид ад-Дина, китайская династийная хроника «Юань ши», сочинения Фасиха Хавафи и др.), словарные материалы (средневековый словарь «Мукаддимат ал-адаб» и «Древнетюркский словарь»).

Поскольку исследуемый ярлык (равно как и сочинение «Дастур ал-катиб в целом) представляет многоплановый интерес, являясь и историческим, и историко-правовым, и, в какой-то мере, историко-филологическим источником, его анализ носит междисциплинарный характер. Авторы настоящей статьи в силу своей специализации используют:

- источниковедческий метод, позволяющий дать общую характеристику памятника и его место среди источников по исследуемой тематике;
- дипломатический анализ, в рамках которого исследуется структура, форма и содержание изучаемого документа, производится сопоставление с другими тюрко-монгольскими актовными материалами;
- сравнительно-исторический метод позволяет сравнить степень влияния тюрко-монгольских и персидских традиций организации системы управления и канцелярского дела в чингизидских государствах рассматриваемого периода;
- историко-правовой метод обеспечивает понимание закономерностей развития канцелярской традиции в Монгольской империи и государствах — ее наследниках, выявление причин их эволюции, включая развитие института улуг битикчи;
- формально-юридический метод дает возможность исследовать ярлык как правовой документ, структурировать информацию о правовом статусе улуг битикчи, его права, обязанности, требования к кандидатам на должность;
- наконец, сравнительно-правовой подход позволяет найти сходства и различия в развитии института улуг битикчи в разных государствах Чингизидов, понять причины этих различий.

<p style="text-align: center;">Перевод документа</p> <p>Перевод Й. фон Хаммера-Пургштала [Hammer-Purgstall 1840: 486–487]¹ XVI. Грамота [ярлык] улуг битикчи, т. е. писцу страны (первый [образец])</p>	<p style="text-align: center;">Перевод с оригинала</p> <p>[Нахчивани 1976: 105–108]² [Часть вторая. О поручении постов и должностей везирам, членам Великого Дивана и их помощникам, содержащая двадцать пять разделов]. Раздел четвертый. О препоручении должности улуг битикчи государства⁵</p>
<p>Поскольку вечная и бесконечная благодать Бога, частью которой мы являемся, более велика, чем слова, которые мы можем выразить и что может постичь [наш] разум, то благодарить за милость и безграничное милосердие Предвечного и Всевышнего Господа является долгом высокодуховного человека. Одним из способов выражения этой благодарности является зачисление на службу выдающихся людей и передача им больших дел и благородных должностей, при этом исполнение ими службы должно производиться самым изысканным образом, и каждая должность, вверенная им, есть великая честь, потому что кормление³ такой должностью свободно от всякого сожаления и лишено всякой неудобоваримости и страдания. Поскольку ходжа⁴ Юмнеддин — один из величайших и лучших мужей, всегда признает божественную силу и ценит благодать Господа, так как он опоем чистой и безмерной милостью и удостоен наград на самых высоких вершинах славы, прилежно совершенствует все вверенные ему дела, направляя свое прекрасное стремление к одному — быть благодушно полезным Творцу и его созданиям, поелику мы слышим о его энергичных усилиях по надзору за важными делами, что является одной из его самых благородных привычек, так как это стало известно нам отчасти вследствие рассказов, отчасти благодаря собственным размышлениям, и в любом случае</p>	<p>Поелику Единым и Вечным [Богом] нам пожалованы столь неисчислимы милости и столь бесконечное благополучие, выразить которые не может ничто говорящее и осмыслить которое не может ничто мыслящее, в качестве благодарности за этот дар, пожалованный от щедрот Господа Бесконечного и полноты бесчисленных уделов Господа Всемогущего, [на нас] лежит обязанность. Полагая, что одним из способов донесения благодарности [Богу] является забота о способных, укрепление положения достойных и препоручение им видных постов, высоких должностей и [важных] занятий. При этом каждое порученное им дело должно исполняться ими точнейшим образом, каждая доверенная им должность должна исправляться наилучшим путем и результаты их деятельности не должны давать повод сожалеть об оказанном [им] доверии. Исполнение порученного им дела должно быть лишено дурных последствий. Поскольку ходжа Ямин ад-Дин относится к лучшим из знаменитых мужей и всегда прибегает к помощи Божественной благодати, будучи напоен Божией милостью, почитая [своим] долгом бесконечные благости Вечного [Бога] у сладостных источников Божьих щедрот, заняв высокие должности и значительные посты, исполняет всю совокупность порученных [ему] дел, и исполняет их наилучшим образом так, чтобы его добросовестность вызвала похвалу и довольство Творца и людей, и</p>

¹ Перевод на русский язык выполнен М. С. Гатиным.

² Перевод на русский язык выполнен И. А. Мустакимовым.

³ У Й. фон Хаммер-Пургштала дано «die Tränke» — ‘питье’ [Hammer-Purgstall 1840: 486].

⁴ В данном случае под ходжой следует понимать ученого мужа, высокопоставленного сановника.

⁵ Букв. «провинций» (كلى امم).

благоволило нас даровать ему высокие должности: таким образом, исходя из всего этого, службу улуг битикчи¹ — великого писца хорошо оберегаемых земель от границ Египта, Евфрата до Амударьи, от берегов Ормуза² до Врат Ворот³ (Дербента) поручена ему благодаря его совершенной справедливости, убедительной надежности и честности, безусловного уважения и притягательности, его усердию и умению, и рука его в этом важнейшем деле укрепится и сделается властной, чтобы он занимался всеми делами и вопросами, касающимися средств и расходов Дивана, согласно своему ясному благоразумию, дабы во всех делах и оказиях он заботился вместе с членами Дивана о рассмотрении самых незначительных вопросов, касающихся увеличения доходов, назначения интендантов и сборщиков налогов, чтобы он следил за приходно-расходными книгами и при необходимости нес за это ответственность. По этим причинам этот указ вступает в силу, дабы с началом этого года эмиры туменов и областей, члены Великого Дивана, эмиры тысяч и сотен, командующие и управляющие землями признали ходжу Юмнеддина улуг битикчи хорошо оберегаемых земель, обращались к нему по всем вопросам, касающимся Дивана, проявляли к нему полное уважение, воспринимали его советы как руководство к действию и распоряжение, ничего не предпринимали без его учености и знаний, решительно и безоговорочно признавали его руководство в сохранении и исполнении этой благородной должности, признавали

благой результат [его] стараний в устройстве важных дел, проистекающий от его благородных обыкновений и славных навыков, известен нашему величеству как по молве и разговорам, так и по [нашим] наблюдениям и [личному] видению. В обоих случаях они заслуживают одобрения и похвалы и являются следствием поручения ему высоких должностей. Посему ему препоручается исправление должности улуг битикчи Богохранимых пределов от границ Египта до берегов реки Аму-Дарьи и от побережья Ормуза до Железных ворот (باب الابواب) с условием соблюдения полной справедливости, большой надежности и богобоязненности, совершенной проницательности и сообразительности, абсолютной компетентности и ответственности. Пусть власть⁴ его в этой важной миссии и большом деле будет твердой и полной, чтобы его светлый ум и блистательный разум были направлены на принятие решений и взимание налогов и податей, относящихся к компетенции Дивана⁵. Пусть будет в совете и согласии с членами Дивана в том, что касается [текущих] дел и важных вопросов народа, соблюдает осмотрительность и бдительность в том, что касается увеличения налогов (اموال) и назначения интендантов (امنا) и сборщиков налогов (عمال). Пусть [лично] проверяет реестры доходов и расходов, дабы в случае необходимости он мог ответить на адресованные ему вопросы. По этой причине сей указ вступает в силу так, что с начала года эмиры улуса, туменов, провинций (اولكا), члены Великого Дивана, эмиры тысяч и сотен,

¹ У Й. Фон Хаммер-Пургшталя дано: *Ulugh Bitekdschi* — улуг битекджи [Hammer-Purgstall 1840: 486].

² Ормуз (Хормуз) — крупный средневековый порт на одноименном острове в Персидском заливе. О нем упоминает Марко Поло: «...На берегу город Кормоз, тут пристань. Сюда, скажу вам, приходят на своих судах купцы из Индии; привозят они пряности и драгоценные камни, жемчуг, ткани, шелковые и золотые, слоновые зубы и другие товары; все это продают они другим купцам, а те, перепродавая, развозят по всему свету. В городе большая торговля» [Марко Поло 1997: 216].

³ Дословный перевод арабского наименования Железных Ворот — Баб-ал-Абваб (باب الابواب).

⁴ Букв. «рука» (دست).

⁵ Букв. «диванных налогов и податей».

назначаемых им заместителей, уполномоченных и доверенных лиц, регистрация налоговых поступлений и установление [новых] сборов во всех хорошо оберегаемых землях не может осуществляться без его ведома и знаний, налоги, которые с незапамятных времен определялись и устанавливались в реестрах от имени великих писцов земли, подлежат уплате его доверенным лицам, и пусть направляются помощники в места, на которые они укажут.

хакимы и мутасаррифы областей (ولایات) признавали Ямин ад-Дина [в качестве] улуг битикчи Богохранимых пределов во всех делах, связанных с деятельностью Дивана, обращались к нему, соблюдали [в отношении него] предписания почтения и повиновения, признавали его полномочным принимать решения по всем важным вопросам государства, не приступали ни к одному важному делу, не поставив его в известность, признавали его власть в исправлении данной высокой¹ должности полной и абсолютной. Пусть признают назначенных им его помощников (نواب) в каждой области его наместниками, уполномоченными, заместителями и порученцами. Пусть не передают дела (اعمال)² и не назначают сборщиков налогов во всех Богохранимых пределах, не поставив его в известность. Денежное жалование и внешние сборы (مرسوم مالی و رسوم خارجی), положенные по этой должности и расписанные в реестрах на имя прежних улуг битикчи, пусть таким же образом выплачиваются ему и его уполномоченным. Браты³ пусть будут составлены на те [доходные] места, которые он захочет. Пусть действуют согласно изложенному здесь и верят [этой грамоте]. Писано...

Институт битикчи и улуг битикчи в тюрко-монгольских государствах: возникновение и эволюция

Должность улуг битикчи в административную структуру Ирана была принесена монголами после его завоевания в середине XIII в. В предшествующие периоды, Хорезмшахов и Великих Сельджукидов, такой должности с указанной номинацией не существовало.

В монгольский язык термин «битикчи» (монг. бичэчи), очевидно, вошел из уйгурского языка [Владимирцов 1910: 160] и распространился благодаря чингизидской администрации не только в Иране, но и в Китае⁴, в которых, как известно, существовали многовековые бюрократические традиции.

В самом начале XIII в. в ставке Чингис-хана появляется новая должность — битикчи. Первым упоминаемым в источниках писцом-битикчи был керейт Си-

¹ Букв. «благородной» (شريف).

² Контекст допускает также возможность перевода термина اعمال как «подвластные местности».

³ О братах см. историко-правовой комментарий.

⁴ В китайских документах династии Юань писцов часто обозначали термином «бичэчи» [Зораф 1984: 42].

ра-Огул, назначенный самим Чингис-ханом в 1206 г. или чуть ранее [Rachewiltz 1966: 101]. Можно также допустить, что уйгур Тата Гунга (варианты написания имени: Та-та-тун-а, Татар Тона), плененный хранитель печати найманского правителя Таян-хана, в новом Монгольском государстве, наряду с обязанностями тамгачи, выполнял также функции битикчи [Кадырбаев 1983: 255–256].

Первоначально в монгольской административной системе не было строгого терминологического разделения должностей в сфере писмоводства, не случайно южносунский посол Сюй Тин отмечал: «У них также не существует должностей. Например, если человек ведаёт документами, то он называется бичэчэ» [Хэй-да ши-люе 1960: 140]. Очевидно в это время слово «битикчи» в административном плане носило универсальный характер и являлось общим наименованием приближенных хана, занятых канцелярской службой и гражданским управлением. Следует также заметить, что руководители канцелярии зачастую называли себя традиционными терминами, характерными для управленческой структуры Китая или Государства Хорезмшахов. Сюй Тин по этому поводу пишет: «Ила Чу-цай и Чжэньхай, которые сами называют себя титулами чжун-шу сян гун, вместе управляют государственными делами; Чжэньхай управляет не только мусульманами. У татар нет названия сян (министр. — Л. А., М. Г., И. М., Р. П.) и называют их [т. е. вышеуказанных лиц. — М. Г.] только бичэчэ, а бичэчэ на китайском языке означает линши (писарь. — Л. А., М. Г., И. М., Р. П.)» [Хэй-да ши-люе 1960: 137]. Как видно, эти весьма высокопоставленные в системе власти лица, вне зависимости от того, как они себя называли, для большинства монголов, в том числе для власть имущих, оставались просто битикчи.

По мере развития монгольской администрации и роста численности чиновного аппарата среди писцов выделяется улуг битикчи (йеке бичэчэ), в подчинении которого были рядовые битикчи и бахши. Интересно заметить, что должность, занимаемая Чинкаем, Иоанном де Плано Карпини именуется первым (старшим) секретарем (protonotarium, ср. с улуг битикчи) [Плано Карпини 2022: 113, 183], Сюй Тин — чжун-шу сян гуном и бичэчэ [Хэй-да ши-люе 1960: 137], Рашид ад-Дином — найбом, великим везиром и просто везиром каана [Рашид ад-Дин 1960: 101, 120, 138].

Вероятно, аналогичный пост занимал при хане Мунке (1251–1259) Булгай, которому в 1253 г. было поручено «заведовать битекчи¹, которые пишут и публикуют высочайшие указы и ярлыки, а также должностями всех чиновников-сэ-мужэнь» [Золотая Орда 2009: 190]. Ко времени завоевания Ирана должность битикчи или, вернее, улуг битикчи по своему функционалу уже была приравнена к должности государственного секретаря [Кычанов 1997: 194; ср.: Григорьев 2004: 95], который занимался, прежде всего, финансово-фискальными вопросами. Энн К. С. Лэмбтон переводит термин «битикчи» как «налоговый чиновник (revenue official) в ильханский период» (см. [Doerfer 1965: 266]). Г. Дёрфер и И. А. Вуллерс переводят термин «улуг битикчи» как «великий секретарь» (große Sekretär, magnus secretarius) [Doerfer 1965: 265–266]. В. Ф. Минорский приводит значение улуг битикчи как «ответственный чиновник особой канцелярии, в которой велась переписка уйгурским письмом» [Minorsky 1956: 269]. Эта традиция сохраняется и в последующем, когда в административную структуру

¹ Так в цитируемом источнике.

государств Чингизидов начинают проникать местные бюрократические элементы. Но в силу ряда причин в дальнейшем произойдет своего рода девальвация значения этой должности и ее вытеснение аналогичными, но более привычными для не-монголов номинациями. По мере упадка чингизидской политической системы битикчи утрачивает свое значение, и начинается своего рода обратный процесс, словом *битикчи* станут называть лишь писцов-делопроизводителей, в то время как государственных секретарей будут обозначать на китайский манер в Китае или арабо-персидский — в Иране [Hope 2016: 116, 119].

Первоначально битикчи осуществляли свои обязанности без вспомогательного аппарата, так как объем документооборота в орде был незначительным. Но при этом функции, исполняемые битикчи, были достаточно обширны, что было характерно для рассматриваемой эпохи. Битикчи являлись не только писцами-делопроизводителями, занимаясь оформлением указов правителя и тех или иных решений аппарата управления, а также, что немаловажно, и финансово-фискальными вопросами. Следует помнить о том, что фискальная политика монгольских ханов предполагала необходимость строгого учета облагаемых единиц, налоговых сборов и поступлений [Абзалов 2013: 156–174]. Битикчи в зависимости от способностей также были административными и фискальными советниками, знатоками календарей и астрологии [Rachewiltz 1966: 101], наставниками подрастающего поколения. Помимо этого, битикчи занимались дипломатической перепиской, более того, они могли иметь и воинские титулы. Рашид ад-Дин пишет об одном из старших эмиров Хулагу: «В это время Ханду-битикчию, одному из старших эмиров, попала в глаз стрела» [Рашид ад-Дин 1946: 43]. В другом фрагменте у этого же автора читаем: «Этот Куйду имел двадцать четыре сына; старшего звали Тукур-битикчи; он был эмиром сотни и прибыл в Иран на службу к Хулагу-хану в качестве секретаря; он вывез для него из Багдада казну и [все] добро [халифа] и отлил множество золотых балышей» [Рашид ад-Дин 1952: 134]. В «Юань ши» также упоминается битикчи Таргун, носивший титул «хорчи» ‘лучник’ [Анналы 2019: 39]. У Г. Дёрфера «хорчи» («корчи») переведен как Köcherträger=Leibgarde der Herrscher (оруженосец=телохранитель правителя) [Doerfer 1963: 429]. В поэме персидского автора XIII в. Тадж ад-Дина б. Баха’ ад-Дина (Пур-и Баха’), написанной в период правления ильхана Абаки (1265–1282), подчеркивается, что «мудрый улуг битикчи великого хана (здесь: ильхана. — Л. А., М. Г., И. М., Р. П.) тот, кто знает секретарское (т. е. чиновничье. — Л. А., М. Г., И. М., Р. П.) дело и обладает воинской доблестью» [Minorsky 1956: 265]. Правда, В. Ф. Минорский выдвигает предположение, что в данном случае монгольские титулы описывают «экзотические атрибуты» персидского покровителя поэта [Minorsky 1956: 269].

Уже во времена Чингис-хана рассматриваемая должность имела чрезвычайно важное значение для функционирования государственного аппарата. Для ее исполнения требовались особые компетенции, в первую очередь связанные с грамотностью и образованием, а таких в среде номадов было крайне мало [Бартольд 1968: 264]. Поэтому потребности ханской ставки в писцах удовлетворялись иноплеменниками — уйгурами, керейтами, киданями, китайцами, тангутами и хорезмийцами. Преобладающие позиции в этом деле занимали уйгуры, которые были прекрасными знатоками уйгурской графики и, очевидно, многие из них

владели монгольским языком. По своему культурно-экономическому потенциалу уйгурское население отличалось от остальных народов, окружавших владения Чингис-хана [Бартольд 1968: 255; Sinor 1982: 307; Базарова 2006: 127; Тугушева 1977: 281–282]. Вероятно, количество уйгуров, находящихся на службе у монголов, еще более возросло после установления союза с идикутом Барчуком в 1209 г. Исходя из этих фактов можно утверждать, что при назначении на те или иные должности гражданского управления монголы руководствовались, прежде всего, способностями и лояльностью претендентов, вне зависимости от их этноконфессиональной принадлежности, что можно наблюдать и в нашем случае. Должность улуг битикчи поручалась некоему Ямин ад-Дину, который, по-видимому, имел персидское происхождение.

Характеризуемая в статье должность в сохранившихся золотоордынских материалах не представлена. Но в джучидских актовых материалах мы встречаем сообщения о писцах-делопроизводителях ханской канцелярии — *dīwan bitkāčeläre* [Березин 1851: 13, 18], что может свидетельствовать о роли, которую играли делопроизводители в системе государственного управления. Третья часть инскрипции джучидских жалованных актов включает в себя обороты, перечисляющие высших и местных исполнителей предписаний указа, и является наиболее обязательным компонентом статьи: «Он представлен в 34 случаях из 37 возможных. Показательно и месторасположение его внутри третьей части адресата: 30 раз он стоит на первом месте, 3 раза — на втором и лишь один раз — на третьем» [Усманов 1979: 213, 220]. В целом этот термин характерен для всех разновидностей чингизидских жалованных ярлыков. Но следует особо подчеркнуть, что в приведенной части инскрипции джучидских жалованных грамот говорится о главных инспекторах-делопроизводителях правительственной канцелярии, поэтому их следует отличать от писцов-исполнителей, называемых в ярлыках бакши, катиб [Усманов 1979: 221].

Таким образом, в номенклатуре должностей Монгольской империи улуг битикчи имел достаточно высокий статус, поскольку его компетенции в первую очередь были связаны с вопросами финансового обеспечения деятельности государственного аппарата. По мнению авторов, складывание полномочий этого должностного лица начинается еще при Чингис-хане и окончательно оформляется при Угэеде. Установление монгольской власти в Иране привело к внедрению в бюрократическую структуру завоеванной страны новой должности, характерной для монгольской администрации, что объяснялось необходимостью установления контроля за сбором налогов и пошлин со стороны новой династии. Текст анализируемого документа дает основание утверждать, что существование этой должности было привычно для монгольской власти, и сохранялась она до тех пор, пока в Иране были сильны позиции и авторитет Чингизидов. Уже в первой половине XIV в. должность улуг битикчи утрачивает свое значение, и его функции переходят к более привычным для персидской системы фиска должностным лицам — везирам, мустауфи и пр. [Hope 2016: 119]. Не последнее значение, надо полагать, имел и процесс исламизации, который также выражался в замещении старых тюрко-монгольских терминов мусульманскими аналогами. Близкую картину можно наблюдать и в историко-культурном пространстве Золотой Орды, где со временем наименование должности битикчи также вытесняется.

Историко-правовой комментарий

Обращает на себя внимание обширная преамбула исследуемого ярлыка, в которой издавший его правитель выражает благодарность Аллаху за его «неисчислимы милости». Характерно, что в понимании адресанта такая благодарность может проявляться в том числе и в выдвижении на высокие посты лиц, имеющих отношение к духовной жизни и в то же время отличающихся соответствующими качествами и способностями для исполнения должностных обязанностей «точнейшим образом» и «наилучшим путем», чтобы правителю впоследствии не пришлось «сожалеть об оказанном [им] доверии»¹.

Витиеватый стиль и содержание этого элемента ярлыка, несомненно, свидетельствуют о существенном влиянии на делопроизводство в монгольском Иране персидской канцелярской традиции и в то же время сразу показывают, что этот ярлык ориентирован на мусульманскую аудиторию, т. е. оседлое население ильханата. В тюрко-монгольской канцелярской традиции, как правило, такие обширные и витиеватые преамбулы отсутствуют: адресант ограничивается достаточно кратким изложением конкретных причин издания соответствующих указов [Усманов 1979: 230–233]. Аналогичную ситуацию мы имели возможность наблюдать и в отношении ярлыков из «Дастур ал-катиб», которыми назначались на должности представители тюрко-монгольской «военной» администрации [Абзалов и др. 2022а: 778; Абзалов и др. 2022в: 300].

На должность улуг битикчи, согласно анализируемому документу, назначается некий ходжа Ямин ад-Дин. Поскольку в ярлыке (как, собственно и в других ильханских указах, вошедших в «Дастур ал-катиб») отсутствует датировка документа и даже указание имени издавшего его правителя, можно только строить предположения о том, кем являлся этот сановник. Из исторических деятелей периода ильханата, носивших это имя, наиболее известен некий эмир Йамин ад-Дин Мухаммад Туграйи ал-Фарйумади (умер в 1323 г.), являвшийся представителем знатного хорасанского рода и, к тому же, поэтом² [Фасих 1980: 51, прим. 222]. Каких-либо подробных сведений о его государственной деятельности не сохранилось, поэтому прямых оснований для отождествления ходжи Ямин ад-Дина именно с этим эмиром у нас нет. Тем не менее мы полагаем, что вероятность занятия им должности улуг битикчи не столь мала.

Дело в том, что в Монгольской империи и чингизидских государствах не существовало четкой зависимости между происхождением и профессиональной деятельностью. Соответственно, должность битикчи могли занимать как потомственные чиновники, так и представители других социальных групп. Были среди них представители знати — например, Сагиз, битикчи Тэмугэ-отчигина (брата Чингис-хана), был сыном уйгурского правителя [Анналы 2019: 80], а Абачи-битикчи — братом Борака, правителя Чагатайского улуса (1266–1271), т. е. прямым потомком Чингис-хана [Рашид ад-Дин 1946: 74]. В имперской придворной историографии даже упоминаются обладатели должности «эмир-би-

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по вышеприведенному переводу анализируемого ярлыка с персидского оригинала.

² Как и его сын Фахр ад-Дин Махмуд (умер в 1368 г.), более известный как «Ибн Йамин» и считающийся «официальным» придворным поэтом правителей государства сербедаров в Хорасане (1337–1381) [Фасих 1980: 59, прим. 268].

тикчи», либо эмиры, занимающие должность битикчи [Рашид ад-Дин 1960: 91, 98, 143–144]. В монгольском Иране XIV в. битикчи могли делать карьеру сами либо же обеспечивать ее своим детям. Вышеупомянутый канцлер Чинкай сделал выдающуюся карьеру, начав службу в качестве ханского телохранителя, в дальнейшем став судьей-дзаргучи, затем основателем и правителем (даругачи) селения, названного его именем и, наконец, высокопоставленным придворным сановником [Buell 1994: 171–182]. Мать ильхана Газана (1295–1304) являлась дочерью Кяхтера-битикчи [Рашид ад-Дин 1946: 138]. Ходжа Ходжеги был наибом и битикчи при Султан-Ахмеде из династии Джалаиридов (1382–1410), один из его сыновей стал наместником Султани, другой же — везиром [Хафиз Абру 2011: 239].

В ярлыке, как и в других ильханских указах о назначении на должность, подробно перечисляются качества претендента на должность улуг битикчи. Согласно тексту, Ямин ад-Дин был известен своими достоинствами («лучший из знаменитых мужей»), благочестием («прибегает к помощи Божественной благодати»), имел опыт работы на руководящих должностях, занимая которые, проявил себя «наилучшим образом» — опять же, демонстрируя приверженность к исламу и нормам шариата и, самое главное, был хорошо известен правителю, являвшемуся адресантом исследуемого ярлыка, «как по молве и разговорам, так и по [нашим] наблюдениям и [личному] видению».

Ямин ад-Дин назначается на должность улуг битикчи, т. е. главы писцов в масштабе всего государства — «Богохранимых пределов от границ Египта до берегов реки Аму-Дарья и от побережья Ормуза до Железных ворот». Таким образом, речь идет о руководителе центральной ханской канцелярии. Упоминание «пределов» в данном ярлыке имеет весьма важное значение, поскольку еще в эпоху Монгольской империи улуг битикчи мог быть главой писцов не только при хане, но и при ханском наместнике в каком-либо регионе. Например, хорезмиец Шараф ад-Дин был улуг битикчи при Аргуне из племени ойрат, наместнике Хорасана, назначенном на эту должность регентшей Туракиной-хатун (1241–1246); после его смерти эту должность по указу уже хана Гуюка (1246–1248) занял Ходжа Фахр ад-Дин Бихишти, а когда и он умер, по распоряжению золотоордынского правителя Бату (1227–1256), улуг битикчи Хорасана стал Ходжа Наджм ад-Дин Джилабади [Juvaini 1997: 507, 509, 523].

В 1306 г. ильхан Улджайту (1304–1316) своим ярлыком назначил Тагай-Бугу на должность улуг битикчи Герата [Хафиз Абру 2011: 51]. Под конец правления Тамерлана были казнены за должностные преступления «Ходжа Махмуд Давуда и Мухаммад Джалуда, которые были старшими [т. е. начальниками. — Л. А., М. Г., И. М., Р. П.] писцов и до сих пор, когда государь был в походе, они вели канцелярию Самарканда» [Йазди 2008: 335].

Далее в ярлыке перечисляются должностные полномочия Ямин ад-Дина, позволяющие сформировать достаточно полное представление о том, какое место занимал улуг битикчи в административной системе монгольского Ирана (и, вероятно, других государств Чингизидов рассматриваемого периода) и какие должностные функции за ним закреплялись.

Прежде всего, в его обязанности входило «принятие решений и взимание налогов и податей, относящихся к компетенции Дивана». Таким образом, основной сферой деятельности улуг битикчи являлись налоговые правоотношения. Согласно историческим источникам, в Монгольской империи и государствах Чингизидов институт битикчи в целом нередко был связан именно с отношениями в области налогов, сборов и повинностей и т. п. Так, в 1253 г. битикчи Берке провел перепись населения русских земель с целью определения суммы налогов в ханскую казну [Золотая Орда 2009: 190]. В конце XIII в. ильхан Газан (1295–1304) издал ярлык (фирман) об упорядочении налогообложения, для чего «во все владения» были направлены битикчи, в задачу которых входили, опять же, перепись населения и установление «денежного налога и податей» [Рашид ад-Дин 1946: 257]¹. В какой-то мере примыкает к этой сфере и деятельность битикчи, назначенных наместником золотоордынского хана Джанибека после победы над правителем Азербайджана Маликом Ашрафом для розыска и переписи его имущества, а также залогов и ссуд [СМИЗО 1941: 95].

Однако если в Монгольской империи налоговые функции битикчи сочетали с другими (собственно канцелярскими, следственными, административными, судебными и пр.), то в монгольском Иране и, скорее всего, в других чингизидских государствах рубежа XIII–XIV вв. в их компетенции оставались именно налоги и сборы, тогда как остальные их обязанности перешли к мусульманским чиновникам, инкорпорированным в систему управления улусами Чингизидов после принятия ими ислама. Неслучайно в ярлыках ильханов, начиная с этого периода, битикчи фигурируют в качестве адресатов только в документах, касающихся налогов, повинностей и налоговых иммунитетов [Рашид ад-Дин 1971: 206, 289], тогда как в остальных указах ильханов они упоминаются только как исполнители (писцы диванов, секретари судов и пр.) [Рашид ад-Дин 1946: 235–240] — руководящее положение в соответствующих органах занимают уже представители мусульманской администрации.

Следует обратить внимание, что в данном ярлыке речь идет об организации и осуществлении сбора налогов в масштабе всего государства, но при этом не со всех территорий. В ярлыке прямо указывается, что речь идет о владениях, «относящихся к компетенции Дивана», т. е. так называемых «диванных землях», которые можно соотнести с современным понятием «казенных» — в отличие от тех, которые непосредственно принадлежали ханам и правящему семейству, составляли инджу (наследственные владения) или вакфы [Петрушевский 1960: 257]. Именно поэтому улуг битикчи предписывается в рамках своих полномочий советоваться и согласовывать свои действия «с членами Дивана».

Далее налоговые функции улуг битикчи детализируются. Именно его прерогативой было «увеличение налогов, назначение интендантов и сборщиков налогов». Как видно из анализируемого документа, в его обязанности также входила проверка реестров доходов и расходов, равно как и составление отчетности по ним, «дабы в случае необходимости он мог ответить на адресованные ему

¹ Этим указом родовые вожди и эмиры — наместники областей фактически лишались права собирать налоги по причине многочисленных злоупотреблений, допускавшихся ими ранее в этой сфере, и функции сборщиков переходили именно к битикчи [Норе 2016: 171].

вопрось». Кроме того, он имел право составлять бераты¹ — грамоты, в которых устанавливалось жалование ему самому и его подчиненным из определенных «доходных мест».

Таким образом, согласно ярлыку, улуг битикчи выступает фактически главой налоговой инспекции, представители которой («назначенные им его помощники») также действовали в каждой области — естественно, речь идет о землях, находящихся в ведении Дивана. Финансирование их деятельности состояло из жалования и дополнительных местных сборов, суммы которых фиксировались в специальных реестрах.

Достаточно широкий круг адресатов ярлыка включает в себя представителей как военной, так и гражданской администрации. К первым относятся «эмиры улуса, туменов, провинций.., тысяч и сотен», ко вторым, соответственно — «члены Великого Дивана, хакиды и мутасаррифы областей». Именно с этими чиновниками улуг битикчи следовало взаимодействовать по вопросам налогообложения.

Позволим себе предположить, что сохранение должности улуг битикчи и, в частности, ее тюрко-монгольского наименования могло быть связано с тем, что ее обладателям приходилось активно взаимодействовать с представителями кочевой знати — тюрко-монгольской военной администрации, которые из поколения в поколение привыкли решать вопросы, связанные с налогами и повинностями, именно с этими сановниками. Тем самым ильханы монгольского Ирана (равно как правители и других улусов Монгольской империи) даже после провозглашения ислама официальной религией и проведения соответствующих реформ управления подчеркивали, с одной стороны, преемственность административных институтов от державы Чингис-хана, их сохранение в своих владениях, с другой же демонстрировали, что учитывают традиции взаимоотношений среди своих кочевых подданных. Вместе с тем распространение полномочий улуг битикчи и на оседлые области, а также предписываемое им взаимодействие с представителями мусульманской центральной и региональной администрации, свидетельствуют о процессе симбиоза иранских и тюрко-монгольских институтов власти, управления и правового регулирования, который подтверждается и другими документами из «Дастур ал-катиб».

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1) улуг битикчи, несмотря на тюрко-монгольское происхождение названия должности, что прежде указывало на вхождение в сферу компетенции занимавшего такую должность чиновника дел, связанных с управлением тюрко-монгольским населением Ирана, относился к гражданской администрации

¹ Исходя из упоминаний бератов, в частности, в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, можно сделать вывод, что они могли фиксировать ставки налогов и сборов в каждой местности, выдачу денежных средств (в том числе в долг: сохранились уйгурские договоры займа домонгольского времени, которые также оформлялись битикчи [Тугушева 2013: 51]), предоставление отдельным лицам, семьям и т. п. налогового иммунитета — полного или частичного [Рашид ад-Дин 1946: 248–249; Рашид ад-Дин 1960: 54, 116, 119, 143]. Таким образом, берат мог представлять собой и административное постановление, и жалованную грамоту, и долговую расписку.

государства, которое, как правило, ведало управлением оседлым мусульманским населением государства¹;

2) сопоставление результатов исследования данного ярлыка с наблюдениями, сделанными авторами статьи на основе изучения других ярлыков из «Дастур ал-катиб», подтверждает сохранение в ильханате значительного объема тюрко-монгольских традиций, в том числе в системе власти и управления; сохраняя столь специфический институт как улуг битикчи (и даже, более того, вписывая его в систему управления именно оседлым населением), ильханы старались продемонстрировать свою преемственность от Монгольской империи и ее основателя Чингис-хана, происхождение от которого по-прежнему оставалось основным фактором легитимации в рассматриваемый период;

3) внедряя тюрко-монгольский институт в систему управления именно оседлыми подданными, Хулагуиды и, вероятно, их преемники Джалаиры фиксировали взаимопроникновение двух систем управления и делопроизводства — тюрко-монгольской и персидской.

Источники

- Анналы 2019 — «Анналы Хубилая», главный источник по истории правления первого императора династии Юань (цзюани 4–17 «Юань ши») / подгот. изд., пер. с кит., вступ. ст. и коммент. Р. П. Храпачевского. М.: ЦИВОИ, 2019. 744 с.
- Березин 1851 — *Березин И. Н.* Тарханные ярлыки Тохтамышша, Тимур-Кутлуга и Саадет-Гирея. Казань: Тип. ун-та, 1851. 58 с.
- Золотая Орда 2009 — Золотая Орда в источниках. Т. III. Китайские и монгольские источники / пер. с кит. яз., введ. ст. и комм. Р. П. Храпачевского. М.: Наука, 2009. 336 с.
- Йазди 2008 — *Шараф ад-Дин Али Йазди.* Зафар-наме. Книга побед Амира Темура / пер. со староузб., пред., коммент. и указ. А. Ахмедова. Ташкент: SAN'AT, 2008. 486 с.
- Марко Поло 1997 — Книга Марко Поло / пер. с фр. И. П. Минаева; 4-е изд. // Путешествия в восточные страны / вступ. ст., коммент. М. Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. С. 190–380.
- Нахчивани 1976 — *Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани.* Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней) / крит. текст, пред. и указ. А. А. Али-заде. Т. II. М.: Наука, 1976. 526 с.
- Плано Карпини 2022 — *Плано Карпини И. де.* История монголов: текст, перевод, комментарии / под ред. А. А. Горского, В. В. Трепавлова; пер. с лат. А. А. Вовина, П. В. Лукина; коммент. А. А. Горского, П. В. Лукина, С. А. Масловой. Р. Ю. Почкаева, В. В. Трепавлова; вступ. ст. А. А. Горского; В. В. Трепавлова. М.: Ин-т Дальнего Востока, 2022. 383 с.
- Поппе 1938 — *Поппе Н. Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб. Ч. 1–2. М.; Л.: АН СССР, 1938. 451 с.
- Рашид ад-Дин 1946 — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. III. М.; Л.: АН СССР, 1946. 340 с.
- Рашид ад-Дин 1952 — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. М.; Л.: АН СССР, 1952. 222 с.
- Рашид ад-Дин 1960 — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. II. М.; Л.: АН СССР, 1960. 248 с.

¹ При этом в империи Юань битикчи (или лин-ши) в течение всего ее существования являлись писцами именно по монгольским делам [Ratchnevsky 1972: 27].

- Рашид ад-Дин 1971 — *Рашид ад-Дин*. Переписка / пер., введ. и коммент. А. И. Фалиной. М.: Наука, 1971. 500 с.
- СМИЗО 1941 — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л.: АН СССР, 1941. 308 с.
- Тугушева 2013 — Уйгурские деловые документы X–XIV вв. из Восточного Туркестана / пред., транскр., пер. Л. Ю. Тугушевой. М.: Наука, Вост. лит., 2013. 326 с.
- Фасих 1980 — *Фасих Хавафи*. Муджмал-и Фасихи (Фасихов свод) / пер., пред., примеч. и указ. Д. Ю. Юсуповой. Ташкент: Фан, 1980. 346 с.
- Хафиз Абру 2011 — *Хафиз Абру (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавафи)*. Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида») / пер. с перс., пред., коммент., прим. и указ. Э. Р. Талышханова; отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: ЯЗ, 2011. 320 с.
- Хэй-да ши-люе 1960 — Хэй-да ши-люе (= «Краткие сведения о черных татарах») Пэн Да-я и Сюй-Тина / публ. и коммент. Линь Кюн-и и Н. Ц. Мункуева // Проблемы востоковедения. 1960. № 5. С. 133–158.
- Juvaini 1997 — *Ata-Malik Juvaini*. The History of the World-Conqueror / Transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle; intr. by D. O. Morgan. Manchester: Manchester University Press, 1997. 763 p.
- Minorsky 1956 — *Minorsky V. Pür-I Bahā's 'Mongol' Ode (Mongolica, 2)* // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. 18. Issue 2. June 1956. Pp. 261–278.
- Ratchnevsky 1972 — *Ratchnevsky P. Un code des Yuan*. Vol. 2. Paris: Presses Universitaires de France, 1972. 200 p.

Sources

- Abu H. Zail-i Jāmi‘ al-tawārīkh-i Rashidi (Supplements to Rashid al-Din’s Compendium of Chronicles). E. Talyshkhanov (transl., foreword, etc.), I. Mirgaleev (ed.). Kazan: YaZ, 2011. 320 p. (In Russ.)
- Berezin I. N. Tarkhan Yarliqs of Tokhtamysh, Timur Qutluq and Saadet Geray. Kazan: Imperial Kazan University, 1851. 58 p. (In Russ.)
- Carpine G. da P. del. Ystoria Mongalorum: [Original] Text, Translation, Comments. A. Gorsky, V. Trepavlov (eds.), etc. Moscow: Institute of Far Eastern Studies (RAS), 2022. 383 p. (In Russ.)
- Hubilai Annals (Juans 4 – 17 of Yuan Shi): A Major Source on the Era of the First Emperor of the Yuan Dynasty. R. Khrapachevsky (text prep., transl., foreword, etc.). Moscow: TsIVOI, 2019. 744 p. (In Russ.)
- Juvaini A.-M. The History of the World-Conqueror. J. Boyle (transl.), D. Morgan (introd.). Manchester: Manchester University Press, 1997. 763 p. (In Eng.)
- Khrapachevsky R. P. (comp., ed.) Golden Horde in Sources. Vol. 3: Chinese and Mongolian Sources. R. Khrapachevsky (transl., foreword, etc.). Moscow: Nauka, 2009. 336 p. (In Russ.)
- Khwaifi F. Mujmal i-Fasihi (Compendium of Fasih). D. Yusupova (transl., foreword, etc.). Tashkent: Fan, 1980. 346 p. (In Russ.)
- Minorsky V. Pür-I Bahā's 'Mongol' Ode (Mongolica, 2). *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1956, June. Vol. 18. Is. 2. Pp. 261–278. (In Eng.)
- Nakhchivani M. ibn H. A Scribe’s Guide to Determining Ranks. A. Ali-zade (text, foreword, etc.). Vol. II. Moscow: Nauka, 1976. 526 p. (In Russ.)
- Peng Daya, Xu Ting. Brief Accounts of the Black Tatars. Ling Kyung, N. Munkuev (eds., comment.) *Problemy vostokovedeniya*. 1960. No. 5. Pp. 133–158. (In Russ.)
- Polo M. [Rustichello da P.] Book of the Travels of Marco Polo. I. Minaev (transl.). 4th ed. In: Travels to the Eastern Parts. M. Gornung (foreword., comment.). Moscow: Mysl, 1997. Pp. 190–380. (In Russ.)

- Poppe N. N. *Mongolian Vocabulary of the Muqaddimat al-Adab*. Parts 1–2. Moscow, Leningrad: Nauka, 1938. 453 p. (In Mong. and Russ.)
- Rashid al-Din. *Compendium of Chronicles*. Vol. 1. Book 1. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1952. 222 p. (In Russ.)
- Rashid al-Din. *Compendium of Chronicles*. Vol. 2. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1960. 248 p. (In Russ.)
- Rashid al-Din. *Compendium of Chronicles*. Vol. 3. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1946. 340 p. (In Russ.)
- Rashid al-Din. *Correspondence*. A. Falina (transl., foreword, etc.). Moscow: Nauka, 1971. 500 p. (In Russ.)
- Ratchnevsky P. *Un code des Yuan*. Vol. 2. Paris: Presses Universitaires de France, 1972. 200 p. (In Fr.)
- Tiesenhause E. W. von. *History of the Golden Horde: Collected Materials*. Vol. 2: Selections from Persian Writings Collected by E. W. von Tiesenhause, Revised by A. A. Romaskevich and S. L. Volin. P. Ivanov (ed.). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 308 p. (In Russ.)
- Tugusheva L. Yu. *Official Uyghur Documents from Eastern Turkestan: 10th – 14th Centuries AD*. L. Tugusheva (foreword, translit., etc.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2013. 326 p. (In Uyg. and Russ.)
- Yazdi Sh. al-D. A. *Zafarnama*. Book of Victories [of Amir Timur]. A. Akhmedov (transl., foreword, etc.). Tashkent: SAN'AT, 2008. 486 p. (In Russ.)

Литература

- Абзалов 2013 — *Абзалов Л. Ф.* Ордынская канцелярия. Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. 311 с.
- Абзалов и др. 2022а — *Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю.* «Дастур ал-катиб» как источник по истории государства, права и канцелярской культуры Золотой Орды (на примере ярлыка о назначении эмира улуса) // *Золотоордынское обозрение*. Т. 10. 2022. № 4. С. 770–798.
- Абзалов и др. 2022б — *Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю.* К вопросу о монгольском делопроизводстве в Иране XIII–XIV вв. (на примере ярлыка о назначении бахши из «Дастур ал-катиб») // *Монголоведение*. 2022. Т. 14. № 1. С. 130–155. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-130-155
- Абзалов и др. 2022в — *Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю.* К истории обеспечения безопасности торговых путей в чингизидских государствах XIII–XIV вв. // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья*. № 14. 2022. С. 297–313.
- Базарова 2006 — *Базарова Б. З.* Монгольские летописи — памятники культуры. М.: Academia, 2006. 364 с.
- Бартольд 1968 — *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. V. М.: Наука, 1968. 759 с.
- Баскаков 1987 — *Баскаков Н. А.* К проблеме китайских заимствований в тюркском языке // *Советская тюркология*. 1987. № 5. С. 69–75.
- Владимирцов 1910 — *Владимирцов Б. Я.* Турецкие элементы в монгольском языке // *Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества*. Т. XX. СПб.: Тип. Академии наук, 1911. С. 153–184.
- Габен 1986 — *Габен А. фон.* Культура письма и печатания у древних тюрков // *Зарубежная тюркология*. Вып. 1: Древнетюркские языки и литература / сост. С. Г. Кляшторный, отв. ред. А. Н. Кононов. М.: Наука, 1986. С. 159–190.
- Григорьев 1978 — *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. (Чингизидские жалованные грамоты). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. 136 с.
- Григорьев 2004 — *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т, 2004. 276 с.

- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / ред.: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Те-нишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Зограф 1984 — *Зограф И. Т.* Монгольско-китайская интерференция. Язык монгольских канцелярий в Китае. М.: Наука, 1984. 148 с.
- Кадырбаев 1983 — *Кадырбаев А. Ш.* О культурной роли уйгуров в империи Юань XIII–XIV вв. (по китайским источникам) // Актуальные проблемы советского уйгуроведения: мат-лы I Республ. уйгуроведческой конф. (г. Алма-Ата, 29–31 мая 1979 г.). Алма-Ата: Наука, 1983. С. 254–259.
- Кычанов 1997 — *Кычанов Е. И.* Кочевые государства от гунов до маньчжуров. М.: Вост. лит., 1997. 320 с.
- Петрушевский 1960 — *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV вв. М.; Л.: АН СССР, 1960. 492 с.
- Поппе 1941 — *Поппе Н. Н.* Квадратная письменность. М.; Л.: АН СССР, 1941. 168 с.
- Севорян 1978 — *Севорян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общие и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 349 с.
- Тугушева 1977 — *Тугушева Л. Ю.* О структуре древнеуйгурских текстов // Тюркологический сборник. 1977. М.: Наука, ГРВЛ, 1981. С. 265–285.
- Усманов 1979 — *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. 318 с.
- Хатиби 1985 — *Хатиби С.* Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII–XIV вв. Ашхабад: Ылым, 1985. 134 с.
- Buell 1994 — *Buell P.* Chinqai (ca. 1169–1252); Architect of Mongolian Empire. *Opuscula Altaica: Essays Presented in Honor of Henry Schwarz* / Ed. by E. H. Kaplan. Bellingham: Western Washington University, 1994. Pp. 168–186.
- Chavannes 1904 — *Chavannes E.* Inscriptions et pieces de chancellerie chinoises de l'epoque mongole // T'oung Pao. Ser. II. Vol. 5. Leiden: Brill, 1904. Pp. 357–447.
- Chavannes 1905 — *Chavannes E.* Inscriptions et pieces de chancellerie chinoises de l'epoque mongole // T'oung Pao. Ser. II. Vol. 6, 1905. Pp. 1–42.
- Chavannes 1908 — *Chavannes E.* Inscriptions et pieces de chancellerie chinoises de l'epoque mongole // T'oung Pao. Ser. II. Vol. 9, 1908. Pp. 295–428.
- Cleaves 1951 — *Cleaves F. W.* A chancellery Practice of the Mongols in the thirteenth and fourteenth centuries. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1951. Vol. 14. Pp. 493–526.
- Doerfer 1963 — *Doerfer G.* Turkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. 1. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1963. 557 s.
- Doerfer 1965 — *Doerfer G.* Turkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. 2. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1965. 671 s.
- Hammer-Purgstall 1840 — *Hammer-Purgstall J. von.* Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pest: C. A. Hartleben's Verlag, 1840. 683 s.
- Hope 2016 — *Hope M.* Power, Politics and Tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran. Oxford: Oxford University Press, 2016. 238 p.
- Matsui 2016 — *Matsui D.* Uigur-Turkic Influence as Seen in the Qara-Qota Mongolian Documents // Актуальные вопросы тюркологических исследований. К 180-летию кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета: сб. ст. / под ред. Н. Н. Телицина, Й. Н. Шена. СПб.: СПбГУ, 2016. С. 559–565.
- Matsui 2018 — *Matsui D.* Old Uigur Legacy in the Mongol Decrees: Historical Background of the Timurid Work Ḥaṭṭ-i Turkī // *Machikaneyama ronsō*. Vol. 52 (History). 2018. No. 12. Pp. 1–27.
- Rachewiltz 1966 — *Rachewiltz I. de.* Personnel and Personalities in North China in the Early Mongol Period // *Journal of Economic and Social History of the Orient*. 1966. Vol. 9. № 1/2. Pp. 88–144.

- Sinor 1982 — *Sinor D.* Interpreters in Medieval Asia // Asian and African Studies. Journal of the Israel Oriental Society (16), 3. 1982. Pp. 321–336.
- Ver 2019 — *Ver M.* Chancellery and Diplomatic Practices in Central Asia during the Mongol Period as Shown in Old Uyghur and Middle Mongolian Documents // Eurasian Studies. Vol. 17. 2019. Pp. 182–201.

References

- Abzalov L. F. The Golden Horde Chancellery. Kazan: Tatarstan Book Publ., 2013. 311 p. (In Russ.)
- Abzalov L. F., Gatin M. S., Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu. “Dastur al-Katib” as a source on history of state, law and chancellery culture of the Golden Horde (By the example of yarlighs on the appointment of emirs of the Ulus). *Golden Horde Review*. 2022. Vol. 10. No. 4. Pp. 770–798. (In Russ.)
- Abzalov L. F., Gatin M. S., Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu. Mongolian records management in 13th–14th century Iran revisited: Analyzing one yarliq appointing a bakhshi from Dastur al-Kati. *Mongolian Studies*. 2022. Vol. 14. No. 1. Pp. 130–155. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-130-155
- Abzalov L. F., Gatin M. S., Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu. New historical insights on protection of the trade routes in Genghisids states, 13th to 14th century. *Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 2022. No. 14. Pp. 297–313. (In Russ.)
- Bartold V. V. [Collected] Writings. Vol. 5. Moscow: Nauka, 1968. 759 p. (In Russ.)
- Baskakov N. A. The issue of Chinese loanwords in Turkic revisited. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1987. No. 5. Pp. 69–75. (In Russ.)
- Bazarova B. Z. Mongolian Chronicles — Monuments of Culture. Moscow: Academia, 2006. 364 p. (In Russ.)
- Buell P. Chinqai (ca. 1169–1252): Architect of Mongolian Empire. In: Kaplan E. H. (ed.) *Opuscula Altaica: Essays Presented in Honor of Henry Schwarz*. Bellingham: Western Washington University, 1994. Pp. 168–186. (In Eng.)
- Chavannes E. Inscriptions et pieces de chancellerie chinoises de l’epoque mongole. *T’oung Pao*. 1904. Ser. II. Vol. 5. Pp. 357–447. (In Fr.)
- Chavannes E. Inscriptions et pieces de chancellerie chinoises de l’epoque mongole. *T’oung Pao*. 1905. Ser. II. Vol. 6. Pp. 1–42. (In Fr.)
- Chavannes E. Inscriptions et pieces de chancellerie chinoises de l’epoque mongole. *T’oung Pao*. 1908. Ser. II. Vol. 9. Pp. 295–428. (In Fr.)
- Cleaves F. W. A chancellery practice of the Mongols in the thirteenth and fourteenth centuries. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1951. Vol. 14. No. 3/4. Pp. 493–526. (In Eng.)
- Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*. Vol. 1. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1963. 557 p. (In Germ.)
- Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*. Vol. 2. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1965. 671 p. (In Germ.)
- Gabain A. von. Writing and printing culture of ancient Turks. In: Klyashtorny S. G. (comp.) *Turkic Studies Abroad*. A. Kononov (ed.). Vol. 1: Old Turkic Languages and Literatures. Moscow: Nauka, 1986. Pp. 159–190. (In Russ.)
- Grigoriev A. P. *Collected Yarliqs [Granted] by Khans to Russian Metropolitans: A Source Study of Golden Horde Documents*. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2004. 276 p. (In Russ.)
- Grigoriev A. P. *The 13th to 15th Century Diplomacy of Mongols: Revisiting Grant Charters Issued by Genghisids*. Leningrad: Leningrad State University, 1978. 136 p. (In Russ.)
- Hammer-Purgstall J. von. *Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pest: C. A. Hartleben’s Verlag, 1840. 683 p. (In Germ.)

- Hope M. Power, Politics and Tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran. Oxford: Oxford University Press, 2016. 238 p. (In Eng.)
- Kadyrbaev A. Sh. About Uyghur cultural roles in the Yuan Empire: Analyzing Chinese sources. In: Topical Issues of Uyghur Studies in the USSR. Conference proceedings (Alma-Ata, 29–31 May 1979). Alma-Ata: Nauka, 1983. Pp. 254–259. (In Russ.)
- Khatibi S. Socioeconomic History of Khorasan, 13th–14th Centuries AD: Persian Documentary Sources Reviewed. Ashkhabad: Ylym, 1985. 134 p. (In Russ.)
- Kychanov E. I. Nomadic States: From the Xiongnu to the Manchu. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1997. 320 p. (In Russ.)
- Matsui D. Old Uigur legacy in the Mongol decrees: Historical background of the Timurid work *Ḥaṭṭ-i Turkī*. *Machikaneyama ronsō*. 2018. Vol. 52 (History). No. 12. Pp. 1–27. (In Eng.)
- Matsui D. Uigur-Turkic influence as seen in the Qara-Qota Mongolian documents. In: Telitsin N. N., Shen J. N. (eds.) Actual Problems of Turkic Studies. Collected papers. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2016. Pp. 559–565. (In Eng.)
- Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. (eds.) Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. 676 p. (In Old Turk.)
- Petrushevsky I. P. Arable Farming and Agrarian Relations in Iran: 13th–14th Centuries AD. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1960. 492 p. (In Russ.)
- Poppe N. N. Phagspa Script. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 168 p. (In Russ.)
- Rachewiltz I. de. Personnel and personalities in North China in the early Mongol period. *Journal of Economic and Social History of the Orient*. 1966. Vol. 9. No. 1/2. Pp. 88–144. (In Eng.)
- Sevortyan E. V. Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Intra-Turkic Word Stems Beginning with ‘B’. Moscow: Nauka, 1978. 349 p. (In Russ.)
- Sinor D. Interpreters in medieval Asia. *Asian and African Studies. Journal of the Israel Oriental Society*. 1982. Vol. 16. No. 3. Pp. 321–336. (In Eng.)
- Tugusheva L. Yu. Structure of Old Turkic texts revisited. In: Turkological Collection — 1977. Moscow: Nauka — GRVL, 1981. Pp. 265–285. (In Russ.)
- Usmanov M. A. The Ulus of Jochi, 14th–16th Centuries: Grant Charters. Kazan: Kazan State University, 1979. 318 p. (In Russ.)
- Vér M. Chancellery and diplomatic practices in Central Asia during the Mongol period as shown in Old Uyghur and Middle Mongolian documents. *Eurasian Studies*. 2019. Vol. 17. Pp. 182–201. (In Eng.)
- Vladimirtsov B. Ya. Turkic elements in the Mongolian language. Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society. Vol. 20. SPb: Academy of Sciences, 1911. Pp. 153–184.
- Zograf I. T. Mongolian-Chinese Interference: The Language of Mongolian Chancelleries in China. Moscow: Nauka, 1984. 148 p. (In Russ.)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 94(470.46=512.37)

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-29-39

Взаимодействие иеромонаха Гурия с Астраханским епархиальным комитетом Православного миссионерского общества (по материалам Государственного архива Астраханской области)

Андрей Алексеевич Курапов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-0521-2710. E-mail: akurapov78[at]rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Курапов А. А., 2023

Аннотация. Целью данной работы является изучение неопубликованных документов, связанных с взаимодействием иеромонаха, доцента Казанской духовной академии Гурия с Астраханским епархиальным комитетом Православного миссионерского общества, отложившиеся в фонде 597 «Астраханский епархиальный комитет миссионерского православного общества». *Материалы и методы.* Объектами анализа стал комплекс архивных документов 1907 г., относящихся к сотрудничеству Астраханского епархиального комитета с Казанской духовной академией, к истории научной и преподавательской деятельности иеромонаха Гурия. В статье использованы сравнительный и историко-описательный методы исторического исследования. *Результаты.* В статье исследован и введен в научный оборот комплекс документов 1907 г. (прошение доцента Казанской духовной академии иеромонаха Гурия астраханскому епископу Георгию, резолюция епископа, постановление Астраханского епархиального комитета, письмо иеромонаха Гурия астраханскому епископу Георгию, обращение епископа в Астраханский епархиальный комитет, уведомление иеромонахом Астраханского епархиального комитета о получении литературы), отложившиеся в фонде 597 Государственного архива Астраханской области. Комплекс документов является важным источником по истории миссионерской деятельности Русской православной церкви в Калмыцкой степи, истории взаимодействия Астраханского епархиального комитета с Казанской духовной академией, позволяет дополнить биографические данные выдающегося ученого-монголоведа иеромонаха Гурия.

Ключевые слова: христианизация, исторический источник, архив, миссионерская деятельность, Калмыцкая степь, Астраханская губерния, Астраханский епархиальный комитет, Казанская духовная академия, Гурий

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Курапов А. А. Взаимодействие иеромонаха Гурия с Астраханским епархиальным комитетом Православного миссионерского общества (по материалам Государственного архива Астраханской области) // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 1. С. 29–39. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-29-39

Rev. Hieromonk Gury and Astrakhan Diocesan Committee (Orthodox Missionary Society): Analyzing Materials from the State Archive of Astrakhan Oblast

Andrey A. Kurapov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-0521-2710. E-mail: akurapov78[at]rambler.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Kurapov A. A., 2023

Abstract. *Goals.* The article aims to explore some unpublished documents relating to the interaction between Rev. Hieromonk Gury, Associate Professor of the Kazan Theological Academy, and Astrakhan Diocesan Committee of the Orthodox Missionary Society, the former contained in Collection 597 ‘Astrakhan Diocesan Committee of the Missionary Orthodox Society’ (State Archive of Astrakhan Oblast). *Materials and methods.* The study analyzes a set of archival documents of 1907 narrating about the cooperation between Astrakhan Diocesan Committee and Kazan Theological Academy, including ones describing scientific and teaching endeavors of Rev. Hieromonk Gury. The article employs comparative and historical-descriptive methods of historical research. *Results.* The paper examines and introduces into scientific circulation a number of documents dated 1907 — a petition by Associate Professor of Kazan Theological Academy hieromonk Gury to Bishop Georgy of Astrakhan, resolution of the Bishop, decision of Astrakhan Diocesan Committee, letter of Hieromonk Gury to Bishop Georgy of Astrakhan, the latter’s appeal to the Committee, and Rev. Gury’s notification confirming the delivery of publications — from Collection 597 of the State Archive of Astrakhan Oblast. The documents are an important historical source on missionary activities of the Russian Orthodox Church in Kalmyk Steppe, interaction between Astrakhan Diocesan Committee and Kazan Theological Academy, and are most instrumental in discovering additional data pertaining to the biography of the prominent Mongolist Rev. Hieromonk Gury.

Keywords: Christianization, historical source, archive, missionary activity, Kalmyk Steppe, Astrakhan Governorate, Astrakhan Diocesan Committee, Kazan Theological Academy, Rev. Gury

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Kurapov A. A. Rev. Hieromonk Gury and Astrakhan Diocesan Committee (Orthodox Missionary Society): Analyzing Materials from the State Archive of Astrakhan Oblast. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(1): 29–39. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-29-39

Введение

Гурий — крупнейший ученый-монголовед, внесший неоценимый вклад в изучение истории и культуры калмыцкого народа, в изучение истории распространения христианства в Калмыцкой степи. Исследователи истории христианизации калмыцкого народа, истории Казанской духовной академии, используя труды Гурия, высоко оценивали их научное значение. Так, Г. Ш. Дорджиева отмечала, что работа Гурия «Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен» — фундаментальный труд, с основательным научно-справочным аппаратом и большим объемом источников, введенных автором в научный оборот [Дорджиева 2012: 8]. К. В. Орлова характеризует Гурия как блестящего ученого, автора значительных трудов по истории христианизации калмыков [Орлова 2006: 21, 178]. П. Э. Алексеева и Л. Ю. Ланцанова отмечали, что Гурий являлся одним из ярких представителей плеяды ученых священнослужителей, посвятивших свою жизнь научным изысканиям [Ученые-исследователи 2006: 209]. Широкое использование Гурием в своих трудах неопубликованных источников подчеркивает С. С. Белоусов [Белоусов 2015: 7]. С. В. Джунджузов отмечает огромный вклад Гурия в изучение вопросов распространения православия среди монгольских народов [Джунджузов 2014: 68].

Большое внимание преподавательской и административной деятельности Гурия в XX в. уделяют и исследователи истории Казанской духовной академии. По мнению В. Л. Успенского, предреволюционное десятилетие в истории развития «миссионерских предметов монгольской группы» в Казанской духовной академии стало одним из самых успешных именно благодаря научной и организаторской деятельности Гурия [Успенский 1996: 119]. Р. М. Валеев особо выделяет Гурия среди преподавателей Казанских двухгодичных миссионерских курсов при Казанской духовной академии, исследуя неизданные рукописи миссионера, имеющие, по мнению Р. М. Валеева, «...исключительное значение для изучения феномена миссионерской деятельности православной церкви» [Валеев 2017: 31, 32]. Значительный вклад Гурия в развитие востоковедения и подготовку миссионеров в Казанской духовной академии отмечают в своих статьях М. З. Хабибуллин, Е. В. Колесова, А. Г. Кукеев, Б. А. Оконов [Хабибуллин 2008: 232; Колесова 2013: 51–52; Хабибуллин 2018: 168; Кукеев, Оконов 2018: 81].

Материалы и методы

Источниковой базой для статьи стали документы фонда 597 («Астраханский православный епархиальный комитет Миссионерского православного общества») Государственного архива Астраханской области (ГА АО). Документы фонда вводятся в научный оборот автором в цикле публикаций, посвященных миссионерской деятельности Русской православной церкви (далее — РПЦ) в Калмыцкой степи в XIX – начале XX в. Письма Гурия в Астраханский епархиальный комитет (далее — АЕК) публикуются впервые. Вводимые в научный оборот документы позволяют дополнить наши представления о взаимодействии Астраханского епархиального комитета Православного миссионерского общества (далее — ПМО) с Казанской духовной академией, о науч-

ных изысканиях выдающегося ученого-монголоведа Гурия. В исследовании использовались историко-описательный и сравнительный методы.

Документы ГА АО, связанные с деятельностью иеромонаха Гурия

Гурий (1880–1938 гг.) родился в г. Чебоксарах Тогашевского уезда, Казанской губернии. В 1896 г. он окончил Чебоксарское духовное училище и поступил в Казанскую духовную семинарию, в которой обучался до 1902 г. [Кириллов 2008: 139]. В 1902 г. А. И. Степанов поступает в Казанскую духовную академию, которую он окончил в 1906 г. [Зосима (Давыдов) 2006: 479]. В 1905 г. А. И. Степанов принимает монашеский постриг с именем Гурий, в 1906 г. он был возведен в сан иеромонаха [Кириллов 2008: 142]. Гурий окончил миссионерское отделение Казанской духовной академии по монгольскому разряду магистрантом со степенью кандидата богословия, его диссертация на тему «Буддизм и христианство в их учении о спасении» получила премию митрополита Макария [Кириллов 2008: 143].

Уже в июне 1906 г. иеромонах Гурий, назначенный исполняющим должность доцента на кафедре калмыцкого языка. В этом же году начинается его взаимодействие с АЕК — Гурий был направлен руководством академии в Калмыцкую степь для изучения языка, быта и верований калмыцкого народа [Кириллов 2008: 143]. Эта первая командировка молодого ученого в калмыцкие улусы не стала для него последней. Гурий возвращается в Калмыцкую степь уже через год — его новая экспедиция в калмыцкие улусы продлилась с мая по август 1908 г. в мае 1909 г. Гурий вновь направляется в Калмыцкую степь для исследования быта и культуры калмыцкого народа, для изучения архива Управления калмыцким народом по теме: «История распространения христианства среди калмыков» [Кириллов 2008: 145]. В феврале 1909 г. Гурий был удостоен ученой степени магистра богословия и звания доцента Казанской духовной академии [Зосима (Давыдов) 2006: 479]. В 1909–1910 гг. иеромонах Гурий являлся доцентом по кафедре этнографии, истории миссии среди монгольских племен и калмыцкого языка, читал лекции по кафедре истории и обличения ламаизма и монгольского языка, в 1910 г. он был утвержден в звании экстраординарного профессора академии [Именный список 1913: 27].

О том, что Гурий являлся ведущим исследователем христианизации калмыцкого народа, изучал миссионерскую деятельность АЕК в Калмыцкой степи свидетельствует и его активность на миссионерском съезде, прошедшем в г. Казани 13–26 июня 1910 г. Гурий был основным докладчиком на общих собраниях так называемого «Ламайского отдела» [Миссионерский съезд 1910: 2]. Доклады, сделанные Гурием за время работы съезда и опубликованные в отчетном сборнике, не всегда включают в список его работ, поэтому перечислим наиболее значительные из них: «Стремление ламаизма к поднятию своего умственного и нравственного уровня» [Миссионерский съезд 1910: 108–118], «Степень усвоения христианства крещеными калмыками» [Миссионерский съезд 1910: 137–139], «Причины слабого проникновения христианства в среду калмыков» [Миссионерский съезд 1910: 139–140], «Меры к усилению христианской проповеди среди калмыков-ламаитов» [Миссионерский съезд 1910: 167–174], «Школы и обучение в них» [Миссионерский съезд 1910: 183–184],

«Богослужебные и религиозно-нравственные переводы на калмыцкий язык» [Миссионерский съезд 1910: 185–198], «Крещенные калмыки в станицах астраханского казачьего войска» [Миссионерский съезд 1910: 204–211].

В 1912 г. указом Св. Синода Гурий был назначен инспектором Казанской духовной академии и возведен в сан архимандрита [Кириллов 2008: 153]. В 1916 г. за свою работу «Очерки распространения христианства среди монгольских племен. Т. I: Калмыки» архимандрит Гурий был удостоен ученой степени доктора церковной истории и назначен ординарным профессором по кафедре миссионерских предметов [Успенский 1996: 119].

После революции 1917 г. Гурий являлся управляющим московского Средтенского монастыря, настоятелем московского Покровского монастыря (1919–1920 г.), епископом Алатырским, викарием Симбирской епархии, временно управляющим Петроградской епархией (1923–1924 г.), архиепископом Иркутским (1924–1926 г.), в 1926 г. был арестован и приговорен к ссылке в Сибирь, в 1930 г. он был назначен архиепископом Суздальским, викарием Владимирской епархии, Гурий был вновь арестован в 1931 г., и в 1937 г. он был приговорен к расстрелу [Кириллов 2008: 171].

В фонде 597 «Астраханский епархиальный комитет миссионерского православного общества» ГА АО отложено несколько дел, связанных с исследовательской и преподавательской деятельностью Гурия в начале XX в.

Два дела содержат упоминание о взаимодействии Гурия с АЕК в начале XX в. В деле 655 отложился рапорт священника Св.-Троицкой церкви с. Средне-Ахтубинского Астраханской губернии И. Г. Бобрусова, который сообщал в АЕК, что в конце 1909 г. посылал свою статью «Мои думы и мечты о миссионерском деле среди калмыков Астраханской епархии» профессору Гурию [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 655. Л. 6–6об.].

Дело 811 содержит копию доклада Гурия «Меры к усилению христианской проповеди среди калмыков-ламаитов», прочитанного на миссионерском съезде в Казани в 1910 г. [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 811. Л. 1–6об.].

Наиболее значительное и информативное дело 622 «О выдаче доценту Казанской духовной академии, иеромонаху Гурию монгольских переводов богослужебных книг» 1907 г. содержит неопубликованную переписку Гурия с АЕК, которая приводится в статье.

Письмо от 15 мая 1907 г.

В первом письме, в прошении, датированном 15 мая 1907 г., Гурий обращался к астраханскому епископу Георгию с просьбой о передаче ему нескольких экземпляров произведений архиепископа Нила, архимандрита Макария, переводов П. А. Смирнова из библиотеки АЕК, которые и были ему переданы. Во втором письме, направленном в Астрахань из казанского Спасо-Преображенского монастыря, Гурий просил епископа Георгия об отправке из библиотеки АЕК для слушателей двухгодичных миссионерских курсов «Грамматики монгольско-калмыцкого языка» А. А. Бобровникова. Просьба Гурия была удовлетворена АЕК в ноябре 1907 г.

Выдать о. Гурию по 2 экз. монгольско-богослужебных книг арх. Нила Ярославского, переводов Пармена Смирнова по 5 экз. и поучений арх. Макария 15 экземпляров. 15 мая 1907 г. ЕГ.

Его Преосвященству Преосвященнейшему Георгию епископу Астраханскому и
Енотаевскому

В Астраханский миссионерский комитет
и. д. доцента Казанской духовной академии
иеромонаха Гурия

Прошение

Изучая деятельность Астраханского миссионерского комитета, я, между прочим, узнал, что сему комитету из Св. Синода в различные времена были препровождены в значительном количестве монгольские переводы Св. Богослужбных книг: Служебник, Требник, Триодь Постная и некоторых других (См. д. 1873 г. № 41/39, 1874 г. 46/44 около 150 экз. по ходатайству арх. Нила Ярославского, автора этих переводов. См. д. 1893 521/16 о высылке тех же книг вместе с татарскими и армянским переводами всех более 700 экз.). Книги эти предназначены для раздачи и пользования в миссионерских целях. Часть их разослана по станам, а большая часть доселе лежит без употребления в складе комитета. Причина такой забывости столь серьезных для миссионерства книг понятна. Книги писаны строго-научным книжным языком и потому в своем настоящем виде для калмыков совершенно недоступны.

Отправляясь в Калмыцкие степи для изучения языка, я имею намерение воспользоваться переводами глубокого знатока монгольского языка — архиепископа и попытаться переложить их, в особенности Божественную Литургию, на калмыцкое наречие. Поэтому обращаюсь к Миссионерскому комитету с покорнейшей просьбой, не найдет ли он возможным выдать мне по 2 экземпляра (для удобства при занятии группы лиц) из переводческих трудов покойного синолога, в громадном количестве бесцельно лежащих на полках архивного шкафа.

Подобную услугу в 1893 г. комитет оказал проф. Казанской академии И. И. Ястребову, ныне епископу Каневскому, выдав ему в собственность экземпляры переводов (См. д. 1893 521/16).

Затем Миссионерский комитет имеет в изобилии литографированные экземпляры трудов Пармена Смирнова: Житие Св. Николая, Св. историю Ветхого и Нового Заветов и др. — и до 100 экз. поучения арх. Макария на разговорном калмыцком языке.

Быть может, Миссионерский комитет найдет возможным наделить меня и этими переводами как для ознакомления с ними калмыков, среди которых доведется пробыть 3 месяца, так и для раздачи тем, кои бы пожелали их приобрести. Для этой цели комитет мог бы дать экз. по 5–8 переводов П. Смирнова и экз. 15–20 поучения арх. Макария.

Вашего Преосвященства нижайший послушник иеромонах Гурий
15 мая 1907 г.

Постановили: Выдать иеромонаху Гурию по 2 экз. монгольско-богослужбных книг арх. Нила Ярославского, переводы Пармена Смирнова 5 экз. и Поучений арх. Макария 15 экз. под расписку.

Вышеупомянутые книги получил – и. д. доцента Казанской духовной академии, иеромонах Гурий [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 622. Л. 1–1об.].

Переписка ноябрь–декабрь 1907 г.

Во втором письме Гурием упомянут его однокурсник В. П. Строков, являвшийся выпускником Казанской духовной академии (1906 г.), кандидатом богословия, секретарем астраханского епископа Георгия [*Епархиальные из-*

вестия 1906: 880]. Упомянутое в этом же письме «сочинение Саввинского», которое рецензировали в академии, является фундаментальным исследованием астраханского протоиерея И. И. Саввинского «Астраханская епархия (1602–1902)» (1905 г.), за которое его автор в мае 1908 г. получил в Казанской духовной академии степень магистра богословия [Из епархиальной хроники 1908: 491–492].

Ваше Преосвященство, Преосвященнейший Владыка,
Благословите!

Каждый день все собираюсь известить Вас о своем житие-бытие. Но как только попал в Казань, так и по сию пору не могу выбраться из груды работы. Новое дело, новая жизнь, еженедельная подготовка лекций, подготовка уроков, возня с магистерской работой — все это вместе взятое так закружило мою голову, что она совсем сбилась с пути и уже думает о рождественском отдыхе. Живу я в Спасском монастыре, в уютной небольшой комнате, с прихожей в боку, где помещаются у меня два калмыка — сии живые представители монгольского элемента на миссионерском отделении курсов.

Один имеет благодетеля в Астрахани и обеспечен совершенно, другой питается из монастырской кухни, как мой келейник, и одежку: подрясник и ряску тельную, я дал свои старые.

Покамест ребята ведут себя хорошо. Что-то Бог даст дальше. Ежедневно бывают в храме, и вечером я заставляю их молиться с собой. На курсах они весьма полезны, ибо при помощи их всякое книжное слово можно перевести на живую калмыцкую речь. Только развитием они слабоваты и приходится их специально доразвивать. Они же у меня справляют все по келье...

Калмыки у нас на курсах явились впервые и потому, покамест, возбуждают некоторый интерес всех преподавателей и начальства. Даже Святейший Высокопр. Димитрий как-то созерцал и благословлял их, зайдя в мое жилище.

Курсы наши, с установлением нового викариатства миссионерского и с изъятием вследствие этого их из ведения академического начальства почувствовали некоторые неутешительные перемены в своей жизни. Это отсутствие больницы (раньше была академическая и библиотеки). А самое главное: курсы лишились учебников по языкам, которые доставались раньше из академии, а теперь за расходом изданий их нельзя нигде достать. У нас большая и крайняя нужда в грамматиках монгольских и татарских. Но здесь нам может прийти на помощь, Владыка, Ваш миссионерский комитет. Вы думаете деньгами? Нет! Щедрая чья-то рука наградила книжный склад Комитета громадным числом монгольских грамматик Бобровникова, что-то между 18 и 12 экземпляров. Они лежат у секретаря в шкафу на нижней полке. Когда мы сидели и горевали о недостатке учебников, о невозможности их достать, я вспомнил о Вашем богатстве, какого теперь не найдете во всей России. У Вас эти книги лежат уже многие годы без пользы, о чем свидетельствовала та пыль, которой они пропитались, когда я их осматривал. Для нас же они неоценимое сокровище. Быть может, Вы, Преосвященнейший Владыка, соизволите утешить нашу скорбь и вышлете нам хотя бы половину экземпляров, если нельзя больше. Ущерб комитету не будет, ибо миссионерские станы этими книгами снабжены, и больше они никуда не нужны. Только, если возможно будет Комитету оказать нам такое благодеяние, я не знаю, как это сделать. Нам ли послать официальную просьбу, или достаточно моего письма этого к Вам, чтобы дать Комитету инициативу к удовлетворению наших нужд. А как бы мы были рады, если бы Господь помог нам достать учебники! Если нужна официальная бумага, то благоволиите сказать Всеволоду Петр. Строкову, он мне напишет: мы с ним однокурсники.

Весной, если буду жив, опять доведется поехать в степи.

Простите грешного Гурия.

Испрашиваю Вашего Архипастырского благословения и Св. Молитв.

С глубокой любовью и благодарностью Ваш нижайший послушник иеромонах Гурий.

Адрес: Казань, Спасский монастырь, доценту Академии...

P.S. Сочинение Саввинского кажется на доцента пройдет, но однако не без солидной ругачки. Сейчас оно у второго рецензента [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 622. Л. 3–4об.].

<...>

Ведомство православного исповедания

Епископ Астраханский и Енотаевский

Ноября 28 дня 1907 г.

г. Астрахань

В Астраханский комитет Православного Миссионерского общества

Предлагаю Миссионерскому комитету имеющиеся в его инородческой библиотеке монгольские грамматики Бобровникова выслать в библиотеку Миссионерских инородческих курсов г. Казани, оставив у себя не более трех экземпляров [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 622. Л. 5].

<...>

Имею честь уведомить Астраханский епархиальный комитет Православного миссионерского общества, что одна вязанка книг монгольской грамматики Бобровникова в количестве 5 экземпляров мною получена, но из отношения Комитета за № 1204 от 29 ноября 1907 г. видно, что было послано не 5, а 10 экземпляров.

Предполагая, что другие 5 экз. посланы отдельной посылкой, я не теряю надежды вскоре их получить.

За присланные экземпляры грамматики приношу глубочайшую благодарность Его Преосвященству Преосвященнейшему Георгию и Комитету общества. О столь важном для нас даре Комитета в ближайшем заседании Совета Миссионерских курсов мною будет сделано соответствующее заявление.

С глубокой благодарностью имею честь быть

И. д. доцента Казанской духовной академии иеромонах Гурий

17 декабря 1907 г. [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 622. Л. 7].

Заключение

В статье введены в научный оборот документы 1907 г., относящиеся к взаимодействию иеромонаха, и. д. доцента Казанской духовной академии Гурия с Астраханским епархиальным комитетом. Выявленные документы, по тематике переписки, можно отнести к двум группам. К первой группе документов относятся прошение доцента Казанской духовной академии иеромонаха Гурия астраханскому епископу Георгию 15 мая 1907 г., с резолюцией епископа и постановлением АЕК. Эти документы относятся ко времени пребывания Гурия в Астраханской губернии, связаны с его первым знакомством с деятельностью АЕК, библиотекой комитета, с первой поездкой в Калмыцкую степь. Прошение Гурия свидетельствует, что в библиотеке АЕК были представлены издания значимые и для доцента Казанской духовной академии, необходимые для его исследовательской деятельности. Ко второй группе документов относится письмо иеромонаха Гурия астраханскому епископу Георгию (вторая половина

1907 г.), обращение епископа в АЕК, уведомление Гурием АЕК о получении литературы 17 декабря 1907 г. Переписка Гурия с АЕК второй половины 1907 г. свидетельствует об активном обмене миссионерской литературой между комитетом и Казанской духовной академией.

Выявленные документы формируют и ряд тем для дальнейших исследований: хронология и география пребывания иеромонаха Гурия в Калмыцкой степи в XX в., персоналии калмыков — слушателей миссионерских курсов в Казани в 1907 г.

Документы, введенные в научный оборот, выявленные в фонде 597 «Астраханский епархиальный комитет миссионерского православного общества» ГА АО — важные источники по истории миссионерской деятельности РПЦ в Калмыцкой степи в XIX – начале XX в., истории научной и преподавательской деятельности ученого-монголоведа Гурия.

Источники

ГА АО — Государственный архив Астраханской области.

Sources

State Archive of Astrakhan Oblast.

Литература

- Белоусов 2015 — *Белоусов С. С.* Государственная религиозная политика в Калмыкии в отношении христианских вероисповеданий в первой половине XX века (1900–1956 гг.). Элиста: КИГИ РАН, 2015. 236 с.
- Валеев 2017 — *Валеев Р. М.* Миссионерское востоковедение в Казани и изучение монгольских народов (XIX – начало XX в.) // *Mongolica-XVIII*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. С. 30–34.
- Джунджузов 2014 — *Джунджузов С. В.* История крещеных калмыков Средневожско-Уральского региона в дореволюционной российской историографии // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 5–2. С. 65–69.
- Епархиальные известия 1906 — *Епархиальные известия* // *Астраханские епархиальные ведомости*. 1906. №. 18. С. 880–881.
- Дорджиева 2012 — *Дорджиева Г. Ш.* Буддизм Калмыкии в вероисповедной политике Российского государства (середина XVII – начало XX вв.). Элиста: Изд-во Калмыцкого университета, 2012. 203 с.
- Зосима (Давыдов) 2006 — *Зосима (Давыдов)*. Гурий (Степанов) // *Православная энциклопедия*. Т. 13. М.: Православная энциклопедия, 2006. С. 479–482.
- Именный список 1913 — *Именный список ректорам и инспекторам духовных академий и семинарий, преподавателям духовных академий, смотрителям духовных училищ и их помощникам, монашествующим преподавателям духовных семинарий и училищ и священнослужителям при наших заграничных церквях на 1913 год*. СПб.: Синодальная типография, 1913. 153 с.
- Из епархиальной хроники 1908 — *Из епархиальной хроники* // *Астраханские епархиальные ведомости*. 1908. № 12. С. 491–492.
- Кириллов 2008 — *Кириллов П.* Архиепископ Суздальский Гурий (Степанов): биографическое исследование // *Православный собеседник*. 2008. № 1 (16). С. 139–179.
- Колесова 2013 — *Колесова Е. В.* Формы подготовки преподавателей миссионерского противобуддийского (монгольского) отделения Казанской духовной академии (вторая половина XIX – 1917 год) // *Запад-Восток*. 2013. № 6. С. 48–57.

- Кукеев, Оконов 2018 — *Кукеев А. Г., Оконов Б. А.* Подготовка миссионеров и изучение буддизма в Казанской духовной академии // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2018. № 2. С. 77–83.
- Миссионерский съезд 1910 — Миссионерский съезд в городе Казани 13–26 июня 1910 года. Казань: Центральная типография, 1910. 706 с.
- Орлова 2006 — *Орлова К. В.* История христианизации калмыков (середина XVII – начало XX вв.). М.: Вост. лит., 2006. 207 с.
- Успенский 1996 — *Успенский В. Л.* Казанская духовная академия — один из центров отечественного монголоведения // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2: Памяти святителя Николая, апостола Японии (1836–1912) / под ред. М. Н. Боголюбова. СПб.: СПбГУ, 1996. С. 118–122.
- Ученые-исследователи 2006 — Ученые-исследователи Калмыкии (XVII – начало XX веков): биобиблиографический указатель / сост.: П. Э. Алексеева, Л. Ю. Ланцанова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 251 с.
- Хабибуллин 2008 — *Хабибуллин М. З.* Миссионерские отделения Казанской духовной академии в 1884–1920 гг. // Православный собеседник. 2008. № 1 (16). С. 227–236.
- Хабибуллин 2018 — *Хабибуллин М. З.* Миссионерское востоковедение в Казани (XIX – начало XX в.) // Актуальные проблемы регионоведения и науковедения. Вып. 7. Сб. ст. науч. конф. (г. Казань, 7 мая 2018 г.). Казань: ИТЭР АН РТ, 2018. С. 164–171.

References

- Alekseeva P. E., Lantsanova L. Yu. (comps.) Scholarly Researchers of Kalmykia, 17th to Early 20th Centuries: A Biobibliographic Index. N. Ochirova (ed.). Elista: Kalmykia Book Publ., 2006. 251 p. (In Russ.)
- Belousov S. S. Kalmykia, 1900–1956: State Policy towards Christian Denominations. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2015. 236 p. (In Russ.)
- Diocesan news. *Astrakhanskie eparkhial'nye vedomosti*. 1906. No. 18. Pp. 880–881. (In Russ.)
- Dordzhieva G. Sh. Kalmykia's Buddhism in State Religious Policies of Russia: Mid-17th to Early 20th Centuries. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2012. 203 p. (In Russ.)
- Dzhundzhuzov S. V. History of the Christened Kalmyks of the Mid-Volga and Ural region in the prerevolutionary Russian historiography. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice (Manuscript)*. 2014. No. 5–2. Pp. 65–69. (In Russ.)
- Khabibullin M. Z. Missionary departments of Kazan Theological Academy: 1884–1920. *Pravoslavnyy sobesednik*. 2008. No. 1 (16). Pp. 227–236. (In Russ.)
- Khabibullin M. Z. Missionary Orientalism in Kazan (XIX - beginning of XX century). In: Topical Issues of Regional and Science Studies. Vol. 7. Conference proceedings (Kazan, 7 May 2018). Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies (Tatarstan Academy of Sciences), 2018. Pp. 164–171. (In Russ.)
- Kirillov P. Archbishop of Suzdal Gury (Stepanov): A biographical study. *Pravoslavnyy sobesednik*. 2008. No. 1 (16). Pp. 139–179. (In Russ.)
- Kolesova E. V. The Russian Slavists' travels to Slavic lands and its role in the creating of Russian Slavistics at the first half of the nineteenth century. *West-East*. 2013. No. 6. Pp. 48–57. (In Russ.)
- Kukeev A. G., Okonov B. A. Training missionaries and the study of Buddhism in the Kazan Theological Academy. *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territoriy*. 2018. No. 2. Pp. 77–83. (In Russ.)
- Missionary Congress in Kazan, 13–26 June 1910. Kazan: Tsentralnaya Tipografiya, 1910. 706 p. (In Russ.)

- Name Lists of Rectors and Inspectors of Theological Academies and Seminaries, Lecturers of Theological Academies, Curators of Theological Colleges and Their Assistants, Lecturing Monks of Theological Seminaries, and Clerics of Our [Russian Orthodox] Church Abroad as of the Year 1913. St. Petersburg: Most Holy Synod, 1913. 153 p. (In Russ.)
- Orlova K. V. A History of Christianization among Kalmyks, Mid-17th to Early 20th Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura (RAS), 2006. 207 p. (In Russ.)
- Selections from diocesan chronicles. *Astrakhanskie eparkhial'nye vedomosti*. 1908. No. 12. Pp. 491–492. (In Russ.)
- Uspensky V. L. Kazan Theological Academy — a center of Russia's Mongolian studies. In: Bogolyubov M. N. (ed.) *Orthodox Christianity in the Far East*. Vol. 2: In Memoriam St. Nicholas of Japan (1836–1912). St. Petersburg: St. Petersburg State University, 1996. Pp. 118–122. (In Russ.)
- Valeev R. M. Missionary Oriental studies in Kazan and studying of the Mongolian speaking peoples (19th—the head of the 20th centuries). *Mongolica*. 2017. Vol. XVIII. Pp. 30–34. (In Russ.)
- Zosima (Davydov). Gury (Stepanov). In: *The Encyclopedia of Orthodox Christianity*. Moscow: Pravoslavnyaya Entsiklopediya, 2006. Vol. 13. Pp. 479–482. (In Russ.)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 930.253

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-40-56

О «Каталоге книгам рукописным, употребляемым правоверными ойратами» Г. С. Лыткина

Айса Олеговна Долеева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник, аспирант

 0000-0002-5077-2821. E-mail: aisasarpa10[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Долеева А. О., 2023

Аннотация. *Введение.* Каталогизации письменных источников на ойратском «ясном письме» посвящены работы А. Г. Сазыкина, В. Л. Успенского, Н. С. Яхонтовой, К. В. Орловой, Д. Н. Музраевой и др. Монгольский фонд Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета является одним из значимых собраний книг и рукописей на «ясном письме». Пополнения ойратских рукописей происходили в основном из Калмыцкой степи благодаря усилиям А. В. Попова, К. Ф. Голстунского, А. М. Позднеева, Г. С. Лыткина, которые неоднократно совершали научные командировки для записи фольклорного и языкового материала и сбора рукописей. *Цель* данной работы — ввести в научный оборот каталог ойратских рукописей Г. С. Лыткина (1859–1860 гг.), хранящийся в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета, и соотнести их со сведениями из каталога монгольских рукописей и ксилографов В. Л. Успенского. *Материалом* исследования являются 19 письменных источников на ойратском языке, которые дополнены пояснениями и пометами автора. *Результаты.* В каталоге Г. С. Лыткина представлены как канонические сочинения, в том числе в переводе ойратского просветителя Зая-пандиты, так и образцы дидактической, повествовательной, ритуальной литературы. Исследование данного каталога как источника позволило установить, что часть рукописей из каталога Г. С. Лыткина в каталоге В. Л. Успенского не выделена как принадлежащая к какой-либо коллекции, а часть отнесена к коллекциям К. Ф. Голстунского, А. В. Попова, А. М. Позднеева, Степанова.

Ключевые слова: ойратский язык, старокалмыцкий язык, каталог, рукописи, ясное письмо, Г. С. Лыткин, Научная библиотека им. М. Горького Санкт-Петербургского университета

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Корпус старокалмыцких текстов на „ясном письме“ на платформе Lingvodoc: новые подходы к цифровизации письменного наследия» (№ 22-78-10152).

Для цитирования: Долеева А. О. О «Каталоге книгам рукописным, употребляемым правоверными ойратами» Г. С. Лыткина // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 1. С. 40–56. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-40-56

Revisiting G. S. Lytkin's Catalogue of Manuscripts Used by Faithful Oirats

Aisa O. Doleeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate, Postgraduate Student

 0000-0002-5077-2821. E-mail: aisasarpa10[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Doleeva A. O., 2023

Abstract. *Introduction.* Oirat-language (Clear Script) sources have been catalogued by A. G. Sazykin, V. L. Uspensky, N. S. Yakhontova, K. V. Orlova, D. N. Muzraeva, and others. The Mongolian Collection of the Gorky Scientific Library at St. Petersburg University is a most significant set of Clear Script books and manuscripts. Oirat manuscripts were delivered mainly from Kalmyk-inhabited steppes through the efforts of A. V. Popov, K. F. Golstunsky, A. M. Pozdnev, G. S. Lytkin who would repeatedly arrive in pursuit of scholarly research — to record folklore narratives and collect manuscripts. *Goals.* The article aims to introduce into scientific circulation a catalog of Oirat manuscripts compiled by G. S. Lytkin (1859–1860) and stored at the Gorky Scientific Library of St. Petersburg University, and attempts to trace correlations between the mentioned list and V. L. Uspensky's catalogue of Mongolian manuscripts and woodcuts. *Materials.* The study deals with a total of nineteen Oirat-language sources supplemented with explanations and notes of the compiler. *Results.* The catalogue of G. S. Lytkin presents both canonical works, including ones translated by Ven. Zaya Pandita, and didactic, narrative, and ritual texts. The study reveals that V. L. Uspensky identifies no collection affiliation for some manuscripts included in G. S. Lytkin's catalogue, while others are attributed by the former to collections of K. F. Golstunsky, A. V. Popov, A. M. Pozdnev, and Stepanov.

Keywords: catalogue of manuscripts, Clear Script, G. S. Lytkin, Gorky Scientific Library of St. Petersburg University

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-78-10152 'Corpus of Old Kalmyk Clear Script Texts on the Lingvodoc Linguistic Platform: New Approaches to the Digitization of Written Heritage'.

For citation: Doleeva A. O. Revisiting G. S. Lytkin's Catalogue of Manuscripts Used by Faithful Oirats. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(1): 40–56. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-40-56

Введение

Основной массив работы по каталогизации письменных источников на ойратской письменности тодо бичиг («ясное письмо») как части общемонгольского письменного наследия в российских фондах был выполнен отечественными монголоведами [Сазыкин 1988; Сазыкин 2001; Сазыкин 2003], В. Л. Успенским [Catalogue 1999], Н. С. Яхонтовой [Яхонтова 2014] и др. А. Г. Сазыкин является автором первого трехтомного издания «Каталога монгольских рукописей и ксилографов» из фондов Института восточных рукописей РАН [Сазыкин 1988; Сазыкин 2001; Сазыкин 2003]. В. Л. Успенский описал коллекцию монгольских, в том числе ойратских, рукописей и ксилографов Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (далее —

НБ СПбГУ) [Catalogue 1999]. Каталог рукописей на тодо бичиг, хранящихся в Институте восточных рукописей РАН, представлен в публикации Н. С. Яхонтовой [Яхонтова 2014].

В Республике Калмыкия также имеется сравнительно небольшая коллекция старописьменных источников на тодо бичиг, описание которой представлено в работах К. В. Орловой, Д. Н. Музраевой [Орлова 2002; Музраева 2012].

Отдельные образцы рукописей имеются в тувинских ([Бичеев 2019; Бичеев, Бичелдей 2019; Баянова, Долеева, Михалева 2019; Гедеева, Мирзаева 2019; Мирзаева 2019; Музраева, Сумба 2019]), бурятских, казанских [Туранская, Яхонтова, Носов 2018] и прочих фондохранилищах.

Монгольский фонд НБ СПбГУ является одним из значимых собраний книг и рукописей на ойратском «ясном письме». О начале формирования монгольской коллекции В. Л. Успенский пишет, что первые ойратские рукописи на «ясном письме» появились в библиотеке Санкт-Петербургского университета в составе коллекции книг на восточных языках, которая переехала в Петербург из Казани вместе с восточным факультетом в 1855 г. [Успенский 2001: 18].

Следующие пополнения ойратских рукописей в НБ СПбГУ происходили в основном из калмыцких степей благодаря усилиям монголоведов А. В. Попова (1808–1865), К. Ф. Голстунского (1831–1899), А. М. Позднеева (1851–1920), Г. С. Лыткина (1835–1907), неоднократно выезжавших в научные командировки для записи фольклорного и языкового материала и сбора рукописей. В комплектовании фонда также принимали участие востоковеды О. М. Ковалевский (1801–1878) и В. П. Васильев (1818–1900) [Рукописи 2014: 135–150]. Из коллекции В. П. Васильева уникальной представляется часть личной библиотеки маньчжурского принца Юньли (1697–1738), семнадцатого сына императора Канси (гг. правл. 1662–1722), приобретенная им во время путешествия в Пекин в 1840–1850 гг.

Целью данной публикации является введение в научный оборот каталога ойратских рукописей Г. С. Лыткина (1859–1860 гг.), хранящегося в НБ СПбГУ. Необходимость анализа данного письменного источника заключается в том, что он ранее не привлекал к себе внимание исследователей, хотя при этом содержит материалы по книжной традиции калмыков дореволюционного периода.

Материалы и методы

Материалом исследования является «Каталог книгам рукописным, употребляемым правоверными ойратами» («Каталог рукописей, используемых правоверными ойратами») Г. С. Лыткина, включающий 19 письменных источников, написанных на ойратской письменности, которые дополнены пояснениями и исправлениями Г. С. Лыткина. Каталог, датированный 1859–1860 гг., хранится в НБ СПбГУ под шифром Сalm С23 и инвентарным номером 1877/8. Записи в рукописи сделаны на русском и старокалмыцком языках. Каталог содержит 23 листа, записи на ойратском письме имеют от 3 до 15 строк на странице. Вместе с общим названием рукописи на обложке имеется приписка: «Кандидата СПбургского Университета Юрия Лыткина 1859–1860 гг.». Здесь же в левом верхнем углу указан инвентарный номер дела «1877/8», написанный синими чернилами. Нумерация в рукописи отсутствует [НБ СПбГУ. Сalm С 23.

Инв. № 1877]. При написании статьи были использованы методы источниковедческого и текстологического анализа.

Коллекция Г. С. Лыткина в НБ СПбГУ

Г. С. Лыткин после окончания Восточного факультета в 1859 г. был командирован в Астраханскую, Ставропольскую губернии и область Войска Донского, где около двух лет изучал историю и культуру калмыков (1859–1860 гг.). Исходя из его записей, его основным местопребыванием было село Тюменевка Астраханской губернии, которое являлось главной ставкой Хошеутовского улуса. С целью изучения ойратских рукописей Г. С. Лыткин проводил время в кругу известных меценатов и владельцев библиотек — князей Церен-Джаб Тюменя, Санджи Тундутова, Улюмджи Джамбаева, Церен-Убаши Дугарова, Бебе Габан-Цойджиева. Хорошие отношения с хошеутовским нойоном Церен-Джабом Тюменем позволили ему без затруднения работать в их роскошной фамильной библиотеке [Сангаджиева 2021: 23].

Материалы о проделанной работе Г. С. Лыткина, собранные им во время командировки к калмыкам, отложились в фондах НБ СПбГУ под шифром Calm С23 и инвентарными номерами 1877/1–176. В. Л. Успенский условно делит данные записи на три большие тематические группы:

- 1) материалы, собранные Г. С. Лыткиным для изучения истории калмыков в XVIII в., и, в особенности, их отношений с Россией;
- 2) материалы, собранные Г. С. Лыткиным, о жизни, быте, обрядах, социальном и экономическом состоянии современных ему калмыков;
- 3) бумаги на калмыцком и русском языках самого разнообразного содержания и происхождения [Успенский 2000: 28–31].

«Каталог книгам рукописным, употребляемым правоверными ойратами»

«Каталог книгам рукописным, употребляемым правоверными ойратами» Г. С. Лыткина включает 19 сочинений, к которым имеются авторские пометы, примечания и правки. Как отмечал В. Л. Успенский, «необходимо учитывать, что это — черновые материалы, которые не предназначались Г. С. Лыткиным для публикации, поэтому тексты содержат многочисленные исправления, пометки (например, NB), „приписки для себя“, комментарии и пр.» [Успенский 2001: 269]. В данном каталоге мы можем найти информацию о кратком содержании, переводчике, авторе, читателе, количестве листов, дате и месте записи рукописей.

Среди перечисленных в каталоге текстов встречаются одни из наиболее популярных буддийских сочинений — «Medētei medē ügeyigi ilyaqci kemēkü sudur» («Сутра, разъясняющая мудрость и глупость») и «Itegel» («Прибежище») в переводе Зая-пандиты. Монгольское название первой рукописи — «Улигер-ун далай» (монг. Üliger-ün dalai-yin neretü sudur, рус. «Сутра под названием „Море притч“») [НБ СПбГУ. Calm С 23. Инв. № 1877].

Б. Ринчен отмечал, что «Книга «Үлгэр-үн далай» («Океан сказаний») была одной из самых распространенных книг среди читателей старой Монголии: «Не было стойбища, в котором не было бы этой книги, существовавшей в Монголии в нескольких переводах» [Biography 1967: VII].

Что касается молитвы «Itegel», также включенной Г. С. Лыткиным в каталог, А. М. Позднеев подтверждает, что она действительно часто употреблялась и звучала при каждом богослужении в монастыре. Списки этого текста можно было найти не только у каждого ламы, но и в доме практически у каждого простолюдина [Позднеев 1993: 310].

Среди других сочинений, представленных в каталоге, большое значение для исследователей имеют такие тексты, как «Arsalang boqdo geser xāni tuuji» («Сказание о славном Гесер-хане, [подобном] льву»), «Üsün debiskertü xāni tuuji» («История о Усун Дебескерту-хане»), «Xutuqtu dare ekeiyin maqtāl kemēkü» («Восхваление Белой Тары»), «Yertünčiyin toli kemēkü šastir» («Трактат под названием „Зерцало вселенной“») и др. Все вышеперечисленные тексты позволяют сформировать представление о круге сочинений на «ясном письме», имевших хождение среди калмыков второй половины XIX в.

Приведем ниже текст «Каталога рукописей, употребляемых правоверными ойратами» Г. С. Лыткина.

[1]

Инв. № 1877/8

1931 г.

Кандидата СПбургского Университета Юрия Лыткина

№ 5

Каталог книгам рукописным, употребляемым правоверными Ойратами.

1859–1860 гг.

[2]

1. Enetkegiyin kelen-dü ru pa su ryā na ma šā dra ba dri: / töbödiyин kelen-dü gžuqs gii ni ma šes bya vai bsdan bžom kyā dgrel da: / mongyoliyin kelen-dü dürsüni naran kemēküyin šaštiriyin tayilbur («Комментарий к шастре, называемый Дурсуни Наран»¹)::

[3]

2. Enedkegiyin kelen-dü subi šeda radna nidhi na ma šasdra:: / töbödiyин kelen-dü leqs par bšad pa renpočei gder gües byēva / bsda bzos:: mongyoliyin kelen-dü sayitur nomloxui erdeniyin sang / kemēkü šaštir («Субхашита»): [arl burxani kereqleqči axai cöüker duraduqsan-du] / oqtoroyoyin dalai rab gbyam žā ya pañrida orčiulba::

Состоит из 9 глав

[4]

3. Üsün debiskertü xāni tuuji («История Усун Дебескерту-хана»): / usun debiskertü xān ulus erkin-dü nom yertünčiyin yosu / üzüülkü caqtān arban хойор түшimed-lügē ögüüeldüqsen yosoni nomči / güdelen хормустун хān dorodoqsan-du šastir aryā diva / güüši mongyolčiluulon orčiulba::

[5]

4. Erdeni šastir («Драгоценная шастра»): / burxani zarliq sudur šastariyin zürkeni sayitur xurāqsan бүкү сүзүqtен / xobitani erel xangyaqči ene erdeni sayitariyin buyani kücün-yēr yeke uluši / ezelen šajini ezen болуqsan: Bodhi sedkil-tu očirtu tayiji kicēn / duruqsan-du samadi keriyin kēr ügei šajin-du sayitur učiraји / suryaliyin noyon pečün dalai blamayin šabi болуqsan sudur tarniyin / nom үcүükен sonosoqsan toyin cecen rab guym pa сүзүqtени удурдуqчи хојин blama-luyā zöblön nayiruubai::

¹ Выделение подужирным шрифтом используется в соответствии с написанием в каталоге Г. С. Лыткина, перевод названий сочинений выполнен автором статьи и приводится в круглых скобках после названия.

1. Показывает трудность приобретения человеком тела и дает общее понятие о мучениях, ожидающих грешников. Затем показывает путь, как человек может совершенствоваться.

- 1) боди сеткиль;

- 2) *töläsi ügei ᠶalabitu buyani čuulyani хурāхu yosun.*

О галабах. Устройство мира. Население ее: тенгрии, люди; солнце, луна; перемена времен года; дни и ночи (автор говорит: подробнее об этом читай *Судур шалир*). Падение человека; разделение полов; труд в поте лица; неправда; миротворец — нойон (күмүн хāни терүн оюнду өргөк-дөклөн хан). Явление, как асуди — бурхани (40.000 лет челов[еческая] жизнь), как муни (30.000 лет), Гашиб (20.000), Шакчерамуни (100 лет), Майдари (10 лет).

Галабы. (Нумерация (счисление) галаб). 1 000 буд; время их пришествия и порядок (упоминают не все) — ныне время Шакьямуни. Разрушение галабов (огнем, водой и пр.). Рабы перерождений; страдания и пр.

Ныне, похуже челов[еческих] перерожд[ений], необходимо стремиться к совершенству, к получению достоинства Будды; для чего необходимо иметь *белге билик* (премудрость). Язык очень легкий; много приближает к разговору.

23 ноября 1859. Сельцо Тюменевка.

(в биограф[афии] Зая-Панд[иты]¹ № 35)

[6]

5. Из настоящей рукописи на ойратском языке нет начала этой поэмы;

- 1) *Arsalang boqdo geser хāни туцї* («Сказание о Гесер Богдо хане»): Здесь начинается с того, что Гесер[-]хан, победив 12-и-главого Мангуса, взял жену его Арука-Го[-]хатун; которая напоила его отравой; 12 лет Гесер[-]хан жил, забыв все. — 3-ти Шарай-голин[-]хана. — 3 сестры-рагини Гесер[-]хана. Разрушение Шарай-гулов. Зесе Шукер, Шумур багур, Буянгук, Нанзанэ, Барсбатур, Царчин. Гесер[-]хан на костях своих героев. Хормуста у Шакьямуни будды получил аршан, который оживил героев Гесера, Хубилгана Арьявало Гесер на престол; наслаждается с ожившими героями своими.

- 2) Андулма[-]хан, из страны Докуртыб, покорил 5 отоков народа Мучерак, находится в стране Танг (так), при реке Ганг. От него прибыли послы к Гесер[-]хану, который собирает своих героев, советуящих ему идти на Андалма хана. Старик Царгин остается править улусом; Гесер едет на Мангуса. (Хормуста[-]хан — отец Гесера, да ему самому придается этот титул. Буянтук и Улан нидүн посланы Гесером вперед как лазутчики; на них напали Архай и Шархай, герои Андалмы, но были побеждены. Главное сражение между Гесером и Андалмой. Убив, наконец, и жену Андалма[-]хана, в чреве ее нашли 9-месячного ребенка о 15-ти главах, как и отец Андалма. Разоривши и сжегши все в царстве Андалмы, Гесер воротился в свой нутук, пославши вперед Зесе Шикера. Решается судьба изменника Цотона: он прощен. Гесер раздает своим героям добычу военную.

24-е ноября 1859 г. Сельцо Тюменевка.

¹ В источнике с прописной буквы.

[7]

6. үчүн табун бурхани ерденi-iyin номлолоо («Молитва тридцати пяти буддам»): / ööni үрбан өүдэн-эце хурагсан buyan-yēr үрбан зүйл шајини өқлигөн ezen / болуqсан үрбан beyeyin хутуq kereqleqči оңир-tu тайји тайји / аха čing хурca čing сүзүq-tü zodba terigüüten duraduqсан/-du аyaаа takimлиq cecen rab gbyams pa orčiuluqсан::

Молитва 33-м буддам разных мест и свойств. Замечательно здесь то, что Зая-пандита при переводе удержал прибавления после каждого молитвословия. Эти прибавления в роде людующего¹: «если кто ее (молитву) прочтет раз, то у него очистятся грехи такие-то и такие, смотря по тому, какая молитва; даже грех убийства матери прощается; прощаются грехи за миллион лет.

За то, что я раз прочту молитву, я безгрешен??? В приложении буддизм не хорош. Самое содержание молитв почтенно.

Вслед за этой молитвой, оканчивающейся выписанными строками, о том, кто переводил эти молитвы и по чьему желанию перевод, находится другое сочинение без заглавия, но в конце находится имя составителя и название книги, которой пользовался автор. Вот приписка:

[8]

bурхани зарлиq sudur šastir dоторо-эце ilerkei / medekü болуon: бурин тобčilon хураји bidан-du өгөн соyирхо kemen yeketü cecen хong тайји кісчэн / duraduqсан-du боqдо хамуq medeqčiуin šabi cecen / rab byams за ya хурān наyиrиулbai::

Содержание:

- 1) Воззвание не изменить и не сойти с пути Зонкавы.
- 2) 3 свойства будды.
- 3) Арбан ябодал
- 4) Объяснение 6 бу (ом-ма-ни-пад-ме-хум). Применение их в разных случаях, польза от употребления (чтения) их и прочее.

5, 6, 7, 8 и т. д. содержание то же самое, что в Тонилхуин чимек (в 11-м томе Монгольской Хрест[оматии] Ковалевского), но только короче.

Эти оба сочинения, кажется, названы в биографии Зая-Пандиты: «ном үархуи» или «номіуін үарула».

25-е ноября 1859. Сельцо Тюменевка.

[9]

7. Yeke suburyan byarong kašoriуin [rung ka šur] eši sonoson getülkü kemekü šasdar («История Большой ступы Джарунг-Кхашор»):

a) rung ka šur kemekü yeke suburyani-эце yambarčina bosxoqсон kигed sayitur orošiulun үyiledүqsүni бөлөq::

b) rung ka šur kemekü suburyani eši-эце хамуq бурхан kигed bodhi sadv nariуin eši үзүулүн ирөл yuu talbiqсан / бүтүqseni бөлөq::

c) yeke suburyan bya rung ka šuriуin eši-эце: ergikü tergiüten takil үyiledүqseni ači činar / үзүулүqсен бөлөq::

d) yeke suburyan bya rung ka šuriуin eši-эце tabin nasuni zergeуin ecүši-уin cөb caqtu: ang / үарun ebdereqseni: selbikü kereqteуin temdeq kигed caq kemjē үзүулүqсен бөлөq::

e) yeke suburyan bya rung ka šuriуin eši-эце: selbiq үyiledүqči [budaуалиq] kигed ači činar үзүулүqсен бөлөq::

¹ Людском. — Д. А.

Имя переводчика в рукописи не означено, вероятно, что перевод был сделан после смерти Зая-Пандиты, из биографии которого известно, что зюнгарский Сенге, осенью 1661 года, просил его перевести эту биографию: *radna samu diyin tuuji orčiul* сказано в биографии Зая-Пандиты. Зая-Пандита отвечал, что он стар и не может перевести, а 22 числа среднего осеннего месяца 1662 года он уже скончался.

25-е ноября 1859. Сельцо Тюменевка.

[10]

8. *Aršāni nomiin tuuji* («История нектарного учения»)::

Притчи (числом более шестидесяти), в которых наглядно представляются многие истины буддизма, — это в примерах тот же Тонилхуин чимек. Имя переводчика не означено; перевод, кажется, сделан после Зая-Пандиты.

26-е ноября 1859. Сельцо Тюменевка.

[11]

9. *Yertünčiyin toli kemēkü šastir* («Трактат по буддийской космологии под названием „Зеркало мира“»):: *ene metü nayiruul kemēn cüski duraduqsan-du sanggiyin nom bodhi / möriyin üye terigüüten sudur-niyuudi üzeji: sumadi šantsan / dyān kemēkü xoyid banda öböriyin аоууuni inegēr igüülebe: sayin / аоууutu kemēkü ubaši bičibe:*: Читал с Генден[-]гелюном.

[12]

10. *Erligiin zaка orošibui* («Наказ Эрлик-хана»):: / *oqtorγui nisvanis tebčün dēdū xutuq kereqleqči: nomloγui uxātu čosrje namka / rinčen duraduqsan-du: oqtorγoyin dalai rab gbyam za ya paᅇrida orčiulun: / ino moγoi radna badra samuradan uran sanjin cāsun-du bičibe:*:

Весьма интересное сочинение — это поэма целая.

Содержание: разные существа являются на суд Эрлик[-]хана, который каждому существу, смотря по тому, добро или зло перевесит; определяет место наказания или место спокойствия. Эту поэму не мешало бы перевести на русский язык, во-первых, как интересную для чтения поэму, во-вторых, содержание ее могло бы вызвать к разным соображениям весьма дельным философским, в-третьих, для того, чтобы видеть верование народа, исповедующего буддизм, о воздании за дела <нрзб> мира; в-четвертых, представляются здесь существа, державшиеся разных сект буддизма (это стоит внимания) (секты бонбо, йогачари).

[13]

11. *Üzüqsēr tustai cuxula kereqtü kemēkü orošibo* («Необходимо важное, то, что приносит пользу видением»):: *ariun süzүqtü aldar bičji ombo duraduqsan-du / аууа takimliq rab gbyam za ya paᅇri da orčiuluqsan:*:

В начале обычные буддийские поклонения Будде; затем разделение самого сочинения на главы (оглавление, содержание), причем говорится о нескольких прежних буддах, затем о будде Шакьямуни; его рождении, числе лет жизни его и т. п. О собраниях последователей его для составления его учения; исчисление сочинений буддийских.

О создании мира и т. п. совершенно так, как в монгольском Чихула кереглекчи (подробнее, чем в Эрденийн Шастир и Иртинцуин толи).

Перечисление Будд; родословие индийских, тибетских и упоминание о некоторых царях Кашемир и Китайских. Со времени Сронцзан Гамбо рассказ оживленнее, потому что уже кончается утомительное перечисление лиц; ведется, однако кратко и с родословием предков Пакба-ламы переходит к истории Мон-

голов (от Чингиса — простой кратчайший перечень преемств). Затем счисление важнейших происшествий о Галабах.

О мирах. — О разных истинах буддизма (о добродет[елях] и т. п.). О разных <нрзб> доброд[етельных] и порочных. Бурхан бейе; Хубилга бейе. Упоминание разных сочинений в разное время на разные случаи.

Рукопись в 123 листах продолговатых.

[14]

12. *Sakya-muni burxani töröliyin üye yeke emiyin tuuji* («История об одном из прошлых воплощений Будды Шакьямуни»):

Читал с Генден[-]гелюнгом.

Неизвестно имя переводчика.

40 продолг[оватых] листов.

[15]

13. *pa cos erdeni eriken orošibo* («Книга отца „Драгоценные четки“»)

В биографии Зая-Панд[иты] № 83.

190 продолговатых листов.

enedkegiyin kelēr Bodhi sadv ma ṇi ya va lai:: / töbödiyin kelēr byagcuu sems dpa norabui preng va: / mongyoliyin kelēr Bodhi sadv erdeni eriken:: / erten-ēce xurāqsan maši saγan buyani kücün-yēr: erketü boqdo činggis / xāni altan uruqtu törön erdeni šajin törö xoγuri nomiyin yosör / tedkүčči: ezen axai zasaqtu nomiyin xān duraduqsan-du / xutuqtan boqdošiyin zarligiyin bol xuvaraq cecen rabzamba / nairuulun orčiulbai:: ulān öükötü ekilen bičiji usun nuraiyin / ekin-du usun xonin jiliyin (1643 г.) zuryadaγar saraiyin ölzöyitü / ödör oγonoudiyin üyizeng bicēči darxan nangsu kiged / oyirodiyin uran хонjin хойор төгүскен бичиби::

Главы:

- 1) *silyadaq orodtu mörgүküyin bölöq::*
 - 2) *dörbön burxan-du yamāru ubadislaqsan bölöq::*
 - 3) *zarliq γurban ayimaq saba-du songyolγan / yamaru üyiledүqsen bölöq::*
 - 4) *üyiledbür-yēr yamaru kecēn üyiledküi bölöq::*
 - 5) *erketeni öüde xāji sedkil yamāru barixbai bölöq::*
 - 6) *xamuq zeme niγen-du yamaru zemleküi bölöq::*
 - 7) *tebčilge yamaru tebčid buyan-du oroxui bölöq::*
 - 8) *xutuqtani edkiked dulduiyin bölöq::*
 - 9) *teyin alriluqsan douni bölöq::*
 - 10) *kündüleküi tedkүküi kiged nücekүyin yosu xotolo tögүsүqsen bölöq::*
 - 11) *boqdošiyin yabudal yamaru tedkүküi bölöq::*
- раздел[ено] на несколько отделов.
- 12) *küseliyin šabar-ēce šarman cuxulaxui yamaru üyiledküi bölöq::*
 - 13) *ariun tuuji ečigeγin künesü ögüi / yamaru ayiladxaqsan bölöq::*
 - 14) *zobolonggiyin üldüsü tasulji čibkü / doqširxuxui teqši činar-tu bisilyan bölöq::*

[16]

- 15) –
- 16) *niγuuca nomoγodxon oroxoi terigүüteni yamaru üyiledkü bölöq::*
- 17) *tangγariqlaqsan-yēn ülü orlixui kiged nomiyin yosun xotolo tögүsүqsen bölöq::*
- 18) *busudiyin sedkil sakixu bölöq::*
- 19) *nasuda busudiyin tusu üyiledküi bölöq::*
- 20) *busu nom-du tonjil ülü üyiledün nom gün angxaryana abxui bölöq::*
- 21) *irön kilince namčilaxui bölöq::*

22) dolōn edtü xurān xadangγadaха ögüqsön bölöq:

23) хоуор šajileküi bölöq:

[17]

14. все в маленькой общей тетрадке.

Неизвестен переводчик.

a) Itegel («Прибежище»)::

b) enedkegiyin kelen-dü / aryā ka na ba di: iri / da ya: töbödiyin kelen-dü / paqpa coqji daqba ningpro mongγoliyin kelen-dü xutuqtu / čuulγani ezen kemēküyin toqtöl::

Видны еще следы древней религии, в поклонениях влад[ыкам] вод, гор, огню и т. п.

c) šara zamaliyin sang («Санг желтого Дзамбалы»)::

[18]

15. В биографии Зая-Панд. под № 2

24 листов продолговат[ых]

itegeliyin kötölbür («Руководство к практике Прибежища»): / blama dēdü γurban erdeni-dü ibēl yabuxuyin kötölbüriyin sedkilge: saiyyin xubi / tani erel xangγaqči kemēkü: öüni šajin bariqči güüši xāni izüür ündüsüel / büyibei ubasanca: ene metü nigen kereqtei kemēn basa basa duraduqsan-du / šütēd: srad rgyod očir dira dgün macoq yar gabel ečige kübüün tabuni / nigen coqtu: coqtu saran aldariyin xubilγan γurban ači tögüsüqsen xamugi / ayiladuqči mam züširi mišekü očiriyin ileteyin šabi: sbo mang / čor pa blama su dah: laḡaxai kemēkü: eši uxāni tuurbil noγuudi / orkiji: γartu abxui kötölböriyin sedkilgeiyin tödöi todorxoi / bayiyuuluqsani bičiči inu dge çol rin čen bačang po bui: / šajin-du oroxuyin dēdü öüden itegeliyin kötölbör öüni šajini coq γurban / ači tögüsüqsen blama erdeni kigēd saraiyin šajini öqligüyin ezen dgā ldan / çe ring dbang po tani zarliγār šakyiyin toyin rab byams pa xutuqtu kigēd / mergen blamtan xoyoriyin kürbүүлgeiyin xoyino-ēce daxad: dge salbang / šes rab rgya mço modon xuluγuna žil kürbүүлün tob pa sgyabs cāsun-du / buulaγbā: tegēd bartu silbei: NB 6 лист о Зая-Пандите и Мерген-ламе. Для истории весьма важная книга, — с 6 по 15 лист объясняются почти все темные места в биографии Зая-Пандиты.

[19]

16. a) enedkegiyin kelen-dü ma ha sa ha sra pra ma rda na sudra / töbödiyin kelen-dü sdong cenbo rab-du gzompa ces / byavai mdo: mongγoliyin kelen-dü yeke mingγani sayitur daruqči / kemēkü (sudur) toqtöl orosibo::

(на 40 прод[олговатых] лист[ах])

b) enedkegiyin kelen-dü mahā mayori bida ranji: töbödiyin kelen-dü / riq sngaqš kyi rgyalmo rambya cenmo: mongγoliyin kelen-dü uxān / tarniyin xatun yeke toγos eke orošibo::

(на 56 лист[ах] продолг[оватых])

c) enedkegiyin kelen-dü arā mahā predi sare bida ranji: töbödiyin / kelen-dü gpaqs pa riqš pi ri lmo sosor gbrang ma cenmo: mongγoliyin kelen-dü xutuqtu uxāni xatun yeke öböro daxaqči eken:

(на 37 лист[ах] прод[олговатых])

d) ened kel-dü manha šida banr surd: töbödiyin kelen-dü basel / vai çal cenpoi mdo: mongγoliyin kelen-dü yeke seriün oiyyin sudur::

(на 23 листах продолг[оватых])

e) ened kelel-dü manha mandra a nu da ri sudra: töbödiyin kelen-dü / gsang sngaqš cenpo rzessu gžinpai mdo: mongγoliyin kelen-dü yeke / niγuuca tarni daxan barixui sudur:

(на 15 лист[ах] продолгов[атых])

[20]

В конце приписка:

Danda paṅza rakxa toqtol (tabun sakuusuni toqtōl) öüni / ḡurban surḡuli bariqči / peḡna rdorze terigüülen duraduḡsan-du dḡeslung riu gbyam / ča ya paṅdi da orčiulbai: ortoḡoi yabudal kēn onco sayin mör / šütüqči: onomoḡoi uxātu dalai onbo čül krimis rbya mco xoyor / samurdan: olburi ḡurban beye yeke amuḡuulang kereḡleqči: / oyirodiyin uran xunzan casun-du bičibei::

[21]

17. enedkegiyin kelen-dü aryā karb byong iā na ma ma iā ia na / sudra: töbödiyin kelen-dü gzngsaq pa čama doḡ bkod / pa ces byaṅva teḡ pa cenbui mdo: mongḡoliyin kelen-dü / xutuḡtu oki sabaiyin zoḡol kemēkü yeke kölgöni sudur («Святая сутра Махаяны, называемая „Описание устройства драгоценной корзины“ (Карандавьюха-сутра)»): erten-ēce xurāḡsan buyani kücün-yēr erketü kümüni ezön bolon / töröji: erešiyin бүкү erdemiyin čimeḡ töḡsüḡsen: erdeni / ḡurban cuxaḡi bišireqči abalaiyin zarliḡ-yēr: erke / ilaḡuḡsan dalai kemekü ḡelüng orčiulon: endüürel ügei / ayas ḡilödüqči uran sanḡin samaradu abun: erdem / biligiyin mör daxaḡči yeder daḡanai xoyor cāsun-/du töḡsüḡsen::

(83 продол[говатых] листа)

[22]

18. enedkegiyin kelen-dü ārl dēre dud dēre na ma: töbödiyin kelen-dü / graḡs ma sgrol ma la bsdod pa ces byeva: mongḡoliyin kelen-dü / xutuḡtu dare ekeiyin maḡtāl kemēkü («Восхваление Белой Тары»):

(57 лист[ов] продол[говатых])

ārl dare ekeiyin ene suduri: arban saḡan buyani aqliḡ-ēce xurāḡsan-yēr / ayimaḡ yeke ulusiyin ezen bolon töröḡsön: ariun süzüḡtü bayiši / duraduḡsan-du: xamuḡ ulus dare eke-dü biširen šütüji: xara züḡiyin / dörbön sümnüši darād: xaril ügei burxani xutuḡ beye olxoiyin tula / ḡayixamšiḡ töbödiyin kelen-ēce mongḡolčilbui toyin cecen rab byam / za ya::

[23]

19. enedkegiyin kelen-dü da ra muu gu nā ma sudra: töbödiyin / kelen-dü gzangs blon ces bebs mdo: mongḡoliyin kelen-dü / medetei medē ügeiyiḡi ilaḡuḡči kemēkü sudur («Сутра, разъясняющая мудрого и глупого»):

(на 261 прод[олговатом] лист[е])

Duusuuḡsan burxani zarligiyin xuuli todorxoi saḡān xara / üyileiyin üre üzүүлүḡsen: tonilxoi küseḡči xubitani sayin / orolḡo: doto örtü kötölküi uxātai uran angḡi / ilaḡuḡči sudur öüni endüürel ügei mörtü šütüqči / mgün po noyon ödö boluḡsan-du ende-ēce terigüüleji / tonilxoi mörtü oroji ḡetülküiyin tula erdeni dēdü / mörtü šütüqči blama kyab ubasanca duraduḡsan-du / oḡtorḡoiyin dalai rab ḡam za ia paṅdida orčiulbai: / olmoḡoi oyotu ketürkei onko cāsun-du uralan bičiбе:

Как видно из перечня привезенных Г. С. Лыткиным из калмыцких степей рукописей, среди них представлены как канонические сочинения, в том числе в переводе Зая-пандиты («Прибежище», «Руководство к Прибежищу»), так и образцы ритуальной литературы буддизма («Панчаракша»), а также дидактические («Субхашита»), повествовательные («Усун-дебискерту хан», «Аршан номин тууж») сочинения, работы по космологии («Ертонцин толи»), эпические тексты («Гесер»).

Материалы рукописи Г. С. Лыткина были сличены нами с данными каталога В. Л. Успенского, в результате чего была установлена связь отдельных рукописей из калмыцкой коллекции библиотеки восточного факультета СПбГУ с личностью Г. С. Лыткина как человека, привезшего их из калмыцких степей. Далее приведем примеры соответствий рукописей «Каталога рукописей, употребляемых правоверными ойратами» Г. С. Лыткина и каталога «Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library» В. Л. Успенского.

1. Рукопись № 1 соответствует Calm E8
402 Dürseni naran kemĕküyin šaštar.
Calm E8, инв. № 1780. Xyl. Q 105.
Ойр. рук.; л. 1–51а; 58,3 x 14,5 (47 x 11) см; 36–37 строк [Catalogue 1999: 324, № 402].

2. Рукопись № 2 соответствует Calm D17
345 (л. 1b) <Sayitur nomloxui: erdeniyin sang kemĕküyin šaštar>.
Calm D17, инв. № 1830. Старый шифр Xyl. Q 540. Коллекция К. Ф. Голстунского (1857), № 33.
Рук.; л. 1–26а; 44,3 x 11,6 (37,5 x 9,6) см; 38–39 строк.
Монг. кол.: л. 26а: 17–35.
Автор: Sakyа paṇḍi-ta.
Переводчик: Oqtorɣuyin Dalai rab-'byam Za-ya paṇḍida [Catalogue 1999: 310, № 345].

3. Рукопись № 3 соответствует Calm C16
423 (л. 13а) <Üsün debeskirtü xän: ulus irgen-dü nom yertüncüiyin yoso üzüülkü caqta: arban хойор түсимед-лүге үгүүелдүгсен yosoni [...]>.
Calm C16, инв. № 1771. Старый шифр Xyl. F 64.
Ойр. рук. в европейском переплете; л. 1–13b; 35,0 x 21,7 см; 29–32 строки.
Монг. кол.: л. 13а: 28–13b.
Переводчик: Ārya Diva güüsi.
История об Усун-Дебискерту-хане [Catalogue 1999: 332, № 423].

4. Соответствие в каталоге В. Л. Успенского не обнаружено.

5. Рукопись № 5 соответствует Calm B8, Calm C2
 1. **904 Geser xāni tuujī.**
Calm B8, инв. № 1754. Старый шифр Xyl. 1239. Коллекция К. Ф. Голстунского (1857), № 28.
Ойр. рук. в европейском переплете; лл. 1–111а + 7 пустых листов; 18,0 x 22,3 см; 18–24 строки.
Главы 2, 3, 4, 5 и 6 эпоса о Гесере.
 2. **905 Incipit:** (л. 1b) *Vasa arban zügiyin ezen geser xān...*
Calm C2, инв. № 1823. Старый шифр Xyl. Q 532. Коллекция К. Ф. Голстунского (1857), № 21.
Ойр. рук.; л. 1–24а; 29,9 x 10 см; 22 строки.
Повествование о сражении между Гесер-ханом и Андалмой [Catalogue 1999: 502, № 904, 905].

6. Соответствие в каталоге В. Л. Успенского не обнаружено.
7. Соответствие в каталоге В. Л. Успенского не обнаружено.
8. Рукопись № 8 соответствует Calm E6
427 Arsān nomiḡin tuiḡi orošiboi.
Calm E6, инв. № 1917. Старый шифр Хул. Q 107.
Ойр. рук.; л. 1–43а; 58,3 x 14,3 (47,0 x 10,5) см; 36–37 строк.
Сборник дидактических рассказов [Catalogue 1999: 332, № 427].
9. Рукопись № 9 соответствует Calm D14
325 (л. 18b) <Yertünčüyin toli kemēkü šaštor>.
Calm D14, инв. № 1845. Старый шифр Хул. Q 555.
Коллекция Степанова, № 2.
Ойр. рук.; л. 1–19а; 43,2 x 11,0 (33,3 x 7,1) см; 33 строки.
Монг. кол.: л. 18b: 8–19а.
Автор: Sumati Šasana Dhara [Catalogue 1999: 305, № 325].
10. Рукопись № 10 соответствует Calm D15
410 Erliq xāni zakā orošibo.
Calm D15, инв. № 1790. Старый шифр Хул. Q 496. Коллекция А. В. Попова, № 56.
Рук.; л. 1–41а; 39,6 x 9,8 см; 36 строк.
Монг. кол.: л. 40b: 17–41а.
Переводчик: Oqtoruуin Dalai rab-'byam Ча-ya paḡdi-da [Catalogue 1999: 325, № 410].
11. Рукопись № 11 соответствует Calm E2
316 Üzeqsēr tusatai čuxula kereqtü kemēkü.
Calm E2, инв. № 1850. Старый шифр Хул. Q 560. Коллекция Степанова, № 7.
Ойр. рук.; л. 1–76b; 54,5 x 13 см; 42–50 строк.
Сборник буддийской космологии, доктрины и мировой истории [Catalogue 1999: 302, № 316].
12. Рукопись № 12 соответствует Calm D6
441 Šākya-müni burxani töröliyin üye yeke emeyin tuiḡi öüni.
Calm D6, инв. № 1820. Старый шифр Хул. Q 529. Коллекция К. Ф. Голстунского (1857), № 17.
Ойр. рук.; л. 1–90а; 41,5 x 9,5 (35,8 x 7,2) см; 31–37 строк.
История об одном из прошлых воплощений Будды Шакьямуни [Catalogue 1999: 335, № 441].
13. Соответствие в каталоге В. Л. Успенского не обнаружено.
14. Рукопись № 14 соответствует Calm A1
062 (л. 1b) <Хитиүти чууяни ezen кемēкүйин тоқтөл>.
Calm. A 1, инв. № 1846. Старый шифр Хул. Q 556. Коллекция Степанова, № 3.
Ойратская рукопись; л. 1–9b; 16,0 x 6,0 см; 13 строк.
Тибетский оригинал: Tshogs kyi bdag po'i sning po [Catalogue 1999: 33, № 062].

15. Соответствие в каталоге В. Л. Успенского не обнаружено.

16. Рукопись №16 соответствует Calm E9

008 Ойратская рукопись из 5 частей:

Calm E9. Старый шифр Хул. Q 568. Коллекция А. М. Позднеева (1875), № 7. 54,8 x 16,5 (44,5 x 12,2) см; 34–35 строки.

<1> *Yeke mingyani sayitur daruqči kemēkū toqtōl orošibo.*

Инв. № 1859.

Л. 1–30a.

Маргинальное название слева на тибетском (л.: только 1b и 30a): ka

<2> *Yeke ихān tarniyin хатун yeke тоγус eke orošibo.*

Инв. № 1860

Л. 1–40b.

Маргинальное название слева на тибетском (л.: только 1b и 40a): kha

<3> *Mahā-prdi-sire oro-šibo.*

Другое название (л. 1b) <Хутуq-ту ихāни хатун yeke öbörö дахаqчи eke>.

Инв. № 1861.

Л. 1–27b.

Маргинальное название слева на тибетском (л.: только 1b и 27a): ga

<4> *Yeke seriün оγин sudur orošibo.*

Инв. № 1862.

Л. 1–15b.

Маргинальное название слева на тибетском (л.: только 1b и 15a): nga

<5> *Yeke niγusa tarni daxan bariqči sudur orošibo.*

Инв. № 1863.

Л. 1–10a.

Маргинальное название слева на тибетском (л.: только 1b и 10a): ca (№ 4095).

[Catalogue 1999: 12, № 008].

17. Соответствие в каталоге В. Л. Успенского не обнаружено.

18. Соответствие в каталоге В. Л. Успенского не обнаружено.

19. Рукопись № 19 соответствует Mong. C137

057 (л. 287a) *<Medētei medē ügeyigi ilaγuqči kemēkū sudur>.*

Mong. C137, инв. № 2374. Старый шифр Хул. F 73. Коллекция Степанова, № 12.

Ойратская рукопись; л. 2a–288a (неполные); 35,7 x 23,0 см; 26–28 строк.

Колофон на монгольском: л. 287b: 9–288a.

Переводчик: Oqtorγuyin Dalai rab Za-ya (Dza-ya [paṇḍita] rab[-'byams] [Nam-mkha' rgya-mtsho]) [Catalogue... 1999: 30, № 057].

Заключение

Часть рукописей из каталога Г. С. Лыткина, которые, вероятно, им и были привезены из калмыцких степей и подарены библиотеке, в каталоге В. Л. Успенского не отмечена как принадлежащая к какой-либо коллекции (см. №№ 1, 3, 8), а часть отнесена к коллекциям К. Ф. Голстунского (см. №№ 2, 5, 12), А. В. Попова (см. № 10), А. М. Позднеева (см. № 16), Степанова (см. №№ 9, 11, 14, 19) и свидетельствует о том, что Г. С. Лыткин мог помогать им или принимать участие

в процессе формирования данных коллекций. Описание и публикация архивных материалов, касающихся истории письменной традиции ойратов и калмыков и хранящихся в государственных хранилищах, несомненно, имеет большое значение. Популяризация знаний столь уникальных образцов письменного наследия калмыцкого народа позволит обратиться к ним в дальнейшем широкому кругу исследователей.

Источники

НБ СПбГУ — Научная библиотека им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

Sources

St. Petersburg State University, Gorky Scientific Library.

Литература

- Баянова, Долеева, Михалева 2019 — *Баянова А. Т., Долеева А. О., Михалева Т. А.* Ойратский литературный сборник «Maniyin tayilbur orošibo» из фондов Национального музея Тувы // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. С. 32–52. DOI: 10.25178/nit.2019.4.3
- Бичеев 2019 — *Бичеев Б. А.* Ойратская коллекция рукописей Национального музея Тувы // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. С. 18–31. DOI: 10.25178/nit.2019.4.2
- Бичеев, Бичелдей 2019 — *Бичеев Б. А., Бичелдей К. А.* Ойратский литературный сборник из фондов Тувинского музея // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. С. 62–77. DOI: 10.25178/nit.2019.4.5
- Гедеева, Мирзаева 2019 — *Гедеева Д. Б., Мирзаева С. В.* Ойратская рукопись «Хридая-дхарани Матерей» (ойр. ekeyin züreken tarni orošibo) из фонда Национального музея Тувы // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. С. 78–86. DOI: 10.25178/nit.2019.4.6
- Мирзаева 2019 — *Мирзаева С. В.* Ойратская рукопись сутры «Собрание благоприятствования» (ойр. Ölzöi dabxurlaqsan) из тувинского архива // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. С. 87–98. DOI: 10.25178/nit.2019.4.7
- Музраева 2012 — *Музраева Д. Н.* Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии. Элиста: Джангар, 2012. 224 с.
- Музраева, Сумба 2019 — *Музраева Д. Н., Сумба Р. П.* О тибетских и монгольских изданиях «Повести о лунной кукушке» (по материалам Национального музея Тувы и архива КалмНЦ РАН) // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. С. 99–108. DOI: 10.25178/nit.2019.4.8
- Орлова 2002 — *Орлова К. В.* Описание монгольских рукописей и ксилографов, хранящихся в фондах Калмыкии // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 5. М.: ИВ РАН, КИГИ РАН, 2002. 85 с.
- Позднеев 1993 — *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением последнего к народу. Репринтное издание. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 512 с.
- Сазыкин 1988 — *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР. Т. I. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. 508 с.
- Сазыкин 2001 — *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Российской академии наук. Т. II. М.: Вост. лит., 2001. 415 с.
- Сазыкин 2003 — *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Российской академии наук. Т. III. М.: Вост. лит., 2003. 280 с.
- Сангаджиева 2021 — *Сангаджиева В. Б.* Наследие Георгия Лыткина в историческом прошлом калмыцкого народа // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 6–4(108). С. 22–25.

- Туранская, Яхонтова, Носов 2018 — *Туранская А. А., Яхонтова Н. С., Носов Д. А.* Краткий каталог рукописей и ксилографов в Государственном архиве Республики Татарстан (тибетские, монгольские, ойратские тексты) // Гасырлар авазы. Эхо веков. 2018. № 1. С. 32–56.
- Успенский 2000 — *Успенский В. Л.* Архивные материалы по истории волжских калмыков из фондов библиотеки Санкт-Петербургского университета // Архивные материалы о монгольских и тюркских народах в академических собраниях России. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. С. 28–41.
- Успенский 2001 — *Успенский В. Л.* Ойратские рукописи, поступившие в Санкт-Петербургский университет от К. Ф. Голстунского // Монголика-V. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. С. 18–20.
- Рукописи 2014 — Рукописи и ксилографы на восточных языках в научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ / под ред. В. Л. Успенского. СПб.: Филолог. фак-т СПбГУ, 2014. 175 с.
- Яхонтова 2014 — *Яхонтова Н. С.* Ойратские рукописи и ксилографы в собрании Института восточных рукописей РАН // Мир «ясного письма»: сб. науч. ст. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 4–26.
- Biography 1967 — *Biography of Caya Pandita in Oirat Characters. Corpus Scriptorum Mongolorum.* Т. V. Fasc. 2–3. Ulanbator: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1967. 101 х.
- Catalogue 1999 — *Uspensky V.* Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999. 530 p.

References

- Bayanova A. T., Doleeva A. O., Mikhaleva T. A. ‘*Maniyin tayilbuur orošibo*’: An Oirat literary collection from the National Museum of Tuva. *The New Research of Tuva*. 2019. No. 4. Pp. 32–52. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2019.4.3
- Bicheev B. A. An Oirat literary collection from the National Museum of Tuva. *The New Research of Tuva*. 2019. No. 4. Pp. 18–31. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2019.4.2
- Bicheev B. A., Bicheldey K. A. An Oirat literary collection from the Aldan-Maadyr National Museum of the Tuva Republic. *The New Research of Tuva*. 2019. No. 4. Pp. 62–77. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2019.4.5
- Biography of Caya Pandita in Oirat Characters (Corpus Scriptorum Mongolorum 5). Fasc. 2-3. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1967. 101 p. (In Oir.)
- Gedeeva D. B., Mirzaeva S. V. ‘*Hrdaya-dhāraṇī of Mothers*’ (Oir. *ekeyin zürken tarni orošibo*): An Oirat manuscript from the National Museum of Tuva. *The New Research of Tuva*. 2019. No. 4. Pp. 78–86. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2019.4.6
- Mirzaeva S. V. ‘*Compendium of Auspiciousness*’ (Oir. *Ölzöi dabxurlaqsan*): An Oirat manuscript from the Tuvan Archive. *The New Research of Tuva*. 2019. No. 4. Pp. 87–98. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2019.4.7
- Muzraeva D. N. Tibetan- and Oirat-Language Buddhist Written Sources in Kalmykia’s Collections. Elista: Dzhangar, 2012. 224 p. (In Russ.)
- Muzraeva D. N., Sumba R. P. ‘*The Tale of the Moon Cuckoo*’: Tibetan- and Mongolian-language xylographic editions revisited (A case study of materials stored in the National Museum of the Tuva Republic and the Archive of Kalmyk Scientific Center of the RAS). *The New Research of Tuva*. 2019. No. 4. Pp. 99–108. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2019.4.8
- Orlova K. V. Description of Mongolian [-Language] Manuscripts and Xylographs Stored at Kalmykia’s Repositories (Bulletin of the Society of Orientalists 5). Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2002. 85 p. (In Russ.)

- Pozdneev A. M. Essays on the Life of Buddhist Monasteries and Buddhist Clergy in Mongolia, and Relations of the Latter to the People. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 512 p. (In Russ.)
- Sangadzhieva V. B. The legacy of Georgy Lytkin in the historical past of the Kalmyk people. *Meždunarodnyj naučno-issledovatel'skij žurnal (International Research Journal)*. 2021. No. 6 (108). Pt. 4. Pp. 22-25. (In Russ.)
- Sazykin A. G. Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences: Catalog of Mongolian [-Language] Manuscripts and Xylographs. Vol. 2. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2001. 415 p. (In Russ. and Mong.)
- Sazykin A. G. Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences: Catalog of Mongolian [-Language] Manuscripts and Xylographs. Vol. 3. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 280 p. (In Russ. and Mong.)
- Sazykin A. G. Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences: Catalog of Mongolian [-Language] Manuscripts and Xylographs. Vol. 1. Moscow: Nauka — GRVL, 1988. 508 p. (In Russ. and Mong.)
- Turanskaya A. A., Yakhontova N. S., Nosov D. A. A brief catalogue of manuscripts and xylographs in State Archive of the Republic of Tatarstan (Texts in Tibetan, Mongolian, Oirat). *Gasyrlar avazy. Echo of Centuries*. 2018. No. 1. Pp. 32-56. (In Russ.)
- Uspensky V. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999. 530 p. (In Eng.)
- Uspensky V. L. Library of St. Petersburg University: Archival materials dealing with the history of the Volga Kalmyks. In: *Archival Materials on Mongolic and Turkic Peoples in Academic Collections of Russia*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2000. Pp. 28-41. (In Russ.)
- Uspensky V. L. Oirat [-language] manuscripts delivered to St. Petersburg University by K. F. Golstunsky. *Mongolica*. 2001. Vol. V. Pp. 18-20. (In Russ.)
- Uspensky V. L. (ed.) M. Gorky Scientific Library of St. Petersburg University: Manuscripts and Xylographs in Oriental Languages. St. Petersburg: St. Petersburg University (Faculty of Philology), 2014. 175, [1] p. (In Russ.)
- Uspensky V. L., Yakhontova N. S. Eighteenth-century letters of Kalmyk chieftains kept at the Saint Petersburg University Library. In: *Tibetology in St. Petersburg. Coll. papers. Is. 2*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2021. Pp. 267-292. (In Russ.)
- Yakhontova N. S. Institute of Oriental Studies (RAS): Oirat [-language] manuscripts and xylographs. In: *The World of Clear Script. Coll. papers*. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2014. Pp. 4-26. (In Russ.)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 39

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-57-82

Архивные записи Г. С. Лыткина как источник по этнографии калмыков XIX в.

Заяна Игоревна Манджиева¹, Саглара Викторовна Мирзаева²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0003-0061-5278. E-mail: mandjievazi[at]kigiran.com

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-8542-0260. E-mail: saglaramirzaeva[at]kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2023

© Манджиева З. И., Мирзаева С. В., 2023

Аннотация. Статья посвящена описанию и вводу в научный оборот некоторых архивных материалов Г. С. Лыткина, записанных в калмыцких степях и содержащих сведения по народной медицине, календарной обрядности и этнографии волжских калмыков второй половины XIX в. *Цель* статьи — описание и ввод в научный оборот ранее не опубликованных материалов, хранящихся в рукописном фонде библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. *Материалом* исследования послужили архивные записи Г. С. Лыткина из фондов библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. *Результаты.* Интерес представляют записанные исследователем сведения о растении под названием «кабаний корень», которое калмыки использовали для лечения скота и людей. Также в статье вводится в научный оборот текст рукописи на ойратском «ясном письме» «Сауян сагауин биѝѝ» («Сочинение о [праздновании] Белого месяца»), содержащий повествование дидактического характера о чудесах, совершенных Буддой в течение пятнадцати дней первого лунного месяца, для буддистов-мирян. Кроме того, приводятся таблицы со статистическими данными по Харахусо-Эрдниевскому и Багацохуровскому улусам, в частности входившим в них родам с указанием имен зайсангов, тамг, кочевий и т. п. в рассматриваемый период. В приложение включена таблица Г. С. Лыткина, в которой приводятся данные по родам, входившим в восемь улусов Калмыцкой степи.

Ключевые слова: этнография, калмыки, Г. С. Лыткин, народная медицина, кабаний корень, Чаган сар, Будда Шакьямуни, Харахусо-Эрдниевский улус, Багацохуровский улус, зайсанги

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Корпус старокалмыцких текстов на „ясном письме“ на платформе Lingvodoc: новые подходы к цифровизации письменного наследия» (№ 22-78-10152).

Для цитирования: Манджиева З. И., Мирзаева С. В. Архивные записи Г. С. Лыткина как источник по этнографии калмыков XIX в. // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 1. С. 57–82. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-57-82

Archival Records of G. S. Lytkin as a Source in Nineteenth-Century Kalmyk Ethnography

Zayana I. Mandzhieva¹, Saglara V. Mirzaeva²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0003-0061-5278. E-mail: mandjievazi[at]kigiran.com

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-8542-0260. E-mail: saglaramirzaeva[at]kigiran.com

© KalmSC RAS, 2023

© Mandzhieva Z. I., Mirzaeva S. V., 2023

Abstract. *Introduction.* The article examines and introduces into scientific discourse some archival materials of G. S. Lytkin recorded by the latter in Kalmyk Steppe and pertaining to folk medicine, calendar rituals, and ethnography of the mid-to-late nineteenth-century Volga Kalmyks. *Goals.* So, the paper aims to describe and introduce into scientific circulation some unpublished materials from the library of the Faculty of Asian and African Studies (Manuscript Dept.), St. Petersburg University. *Materials.* The study examines archival records of G. S. Lytkin stored at the mentioned repository. *Results.* The tale of a plant referred to as ‘[wild] boar root’ once used by Kalmyks to treat animal and human diseases is of essential interest. The paper publishes an Oirat-language (Clear Script) manuscript titled ‘*Caγān sarayin bičiq*’ (‘The Writing of [How] Tsagan Sar [Be Celebrated]’) containing a didactic narrative of Lord Buddha’s miracles shown during the first half of the first lunar month for lay Buddhists. Besides, the work tabulates some statistical data on Kharakhuso-Erdnievsky and Baga Tsokhor Districts (Kalm. *ulus*), including lists of clans (communities) and their *zaisangs*, *tamgas*, nomadic areas allotted, etc. The Supplement contains a table compiled by G. S. Lytkin and containing data on clans across eight districts of Kalmyk Steppe.

Keywords: ethnography, Kalmyks, G. S. Lytkin, folk medicine, boar root, Tsagan Sar, Buddha Shakyamuni, Kharakhuso-Erdnievsky District, Baga Tsokhor District, *zaisangs*

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-78-10152 ‘Corpus of Old Kalmyk Clear Script Texts on the Lingvodoc Linguistic Platform: New Approaches to the Digitization of Written Heritage’.

For citation: Mandzhieva Z. I., Mirzaeva S. V. Archival Records of G. S. Lytkin as a Source in Nineteenth-Century Kalmyk Ethnography. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(1): 57–82. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-57-82

Введение

Библиотека Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (далее — СПбГУ) обладает уникальными по содержанию рукописями, отражающими историю различных народов Азии, и включает в себя монгольский фонд, в котором хранятся старописьменные тексты на классическом монгольском и ойратском (старокалмыцком) тодо бичиг («ясное письмо»). Одна из наиболее значимых коллекций калмыцкого происхождения обязана своим появлением монголоведу, профессору К. Ф. Голстунскому (1831–1899), который после командировок в калмыцкие степи привозил в Петербург различные рукописи, в том числе сборники калмыцких песен, сказок и многое другое [Успенский 2014: 146].

С этой коллекцией связано имя Г. С. Лыткина (1835–1907), российского педагога, переводчика, лингвиста и финно-угроведа. Он закончил филологический факультет Петербургского университета, где изучал монгольские, калмыцкий и тюркские языки. Объектом его исследования были не только монгольские языки и диалекты, но и различные вопросы истории калмыков. Благодаря длительному проживанию в калмыцких степях и общению с местным населением он немало сделал в области изучения культуры и обычаев калмыцкого народа, а также занимался переводческой деятельностью. В 1858 г. во время одной из командировок Г. С. Лыткин в течение нескольких месяцев занимался записью народных сказок, песен, пословиц и поговорок, переписывал рукописи, которые в будущем стали ценными материалами по истории калмыков [Успенский 2000: 28].

Большой интерес представляет «Сверток разных бумаг, заключающих в себе калмыцкие песни, поговорки, сказки и выписки из дел Астраханской палаты государственных имуществ» [НБ СПбГУ. *Calm C23*]. В нем содержатся интересные сведения, касающиеся таких аспектов традиционной калмыцкой культуры, как народная медицина, календарные праздники, этнические маркеры калмыков и т. д. Цель статьи — описание и ввод в научный оборот ранее не опубликованных материалов — архивных записей Г. С. Лыткина, хранящихся в рукописном фонде библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

«Сауян сагауин бициг» («Сочинение о [праздновании] Белого месяца»)

Среди материалов Г. С. Лыткина сохранилась рукопись под названием «Сауян сагауин бициг» («Сочинение о [праздновании] Белого месяца»)¹ [Catalogue 1999: № 731, 399], аналоги которой ни на классическом монгольском, ни на ойратском письме в каталогах не обнаружены. Она представляет собой сочинение дидактического характера, повествующее о чудесах, совершенных Буддой в течение пятнадцати дней первого лунного месяца, и объясняющее значение данного праздника в контексте традиции тибето-монгольского буддизма.

Цаган сар (он же Сагаалган) (монг. *цагаан сар*, калм. *цаһан сар*, бур. *сагаан һара*, *сагаалган*, ‘букв. белый месяц’) — один из главных календарных празд-

¹ Интересно отметить, что аналогичное сочинение, также с жанровой маркировкой *бициг*, посвященное другому празднику Урюс сар, было зафиксировано собирателем калмыцкого фольклора И. И. Поповым на рубеже XIX–XX вв. (см. подробнее: [Мирзаева 2021]).

ников монгольского мира, посвященный встрече весны и началу процесса перекочевки на новые пастбища [Бакаева 1994: 61]; у монголов и бурят Цаган сар также является праздником наступления нового года — в отличие от калмыков, в традиции которых принято новый год начинать с праздника Зул (отмечается 25 числа первого зимнего месяца), а ранее начало года связывалось с днями кочевки «хозяина года», которые наступают в дни зимнего солнцестояния [Бакаева 1994: 53–60]. Цаган сар, несомненно, имеет древнее, добуддийское, происхождение, но с активным распространением буддизма среди монгольских народов стал соответствовать тибетскому празднику Монлам-ченмо (тиб. smon lam chen mo), введенному основателем школы гелуг Цонкапой (тиб. tsong ka pa, 1357–1419) в 1409 г. для чествования победы, одержанной Буддой Шакьямуни над шестью лжеучителями, и чудес, которые он демонстрировал на протяжении 15 дней. Традиционно праздник отмечался в течение месяца (основные события были приурочены к первой неделе), но, согласно буддийским нововведениям, стал занимать 15 дней, в течение которых ежедневно шла служба в храмах [Бакаева 1994: 61, 63].

В исследовательской литературе представлено описание Цаган сара в традиционной калмыцкой культуре в этнографическом аспекте [Бакаева 1994: 61–64]. Сведения о фольклорных текстах, сопровождавших празднование Цаган сара у калмыков, находим в публикации Т. Г. Басанговой [Басангова 2015]. Перечень ритуальных сочинений, читаемых во время буддийского празднования Нового года согласно утвержденной первым монгольским Богдо-гэгэном Дзанабадзаром (1635–1723) системе, приведен в публикации З. Майер [Majer 2019], причем исследовательница отмечает, что празднование в тибетской и монгольской традициях различается [Majer 2019: 332].

Рассматриваемый текст «Сауян сарайн бицэг» из материалов Г. С. Лыткина повествует о чудесах, которые Будда Шакьямуни демонстрировал в течение первых пятнадцати дней Нового года, и содержит наставления для мирян, проявляющих щедрость и называемых милостынедателями (ойр. *öqligön ezen*, от тиб. *sbyin bdag*, санскр. *dānapati*), о том, какие добродетели необходимо совершать в эти дни. Ниже приведем текст в транслитерации¹ и переводе.

Транслитерация памятника «Сауян сарайн бицэг»

[1] *odō süzüq tögüsöqsön öqligön ezen-nuruudi biši/rēn süzügülküyin ödēn-ēce sayitur sonosoton: yerü / bidani baqši saca ügei šaqžān xān ene: angxan zambu tibtu / ödō bolji nomiyin kürdu ergüülkiyin urida: / zuqžēd tergüü/ten teresiyin zuryān baqši zambu-tibiyin amitani bürededü u/duridji bayiqsiyigi nomγodxon amitan xamuqgi ünün mörtü / nöküdlüülkiyin tulu/ene cayān sariyin nigi šine-ēce arban ta/ban kürtülü yeke bayiri xubilyān üzülüqsen tüüni tobciyin түдүй / ögüüleküdü: nigēn šine-dü todorxoi iyaqsan xān zalaqsan / caqtu: cab zōqlād šüdüni modoi yazartu xadxam saca: kü/sül niyilöülküyin ɣalbaras modon uryuqsani zemešir: tenggeri / kümün бүкүн bayasun xanan üyiledküyin yeke baridi xubilyān / üzülüqsan:/xoyor šinedü ura-yāna xān zalaqsan caqtu: / gegēni baruun zöündü dēdu idēn dēdü öbösön aršani teželēr / oγoto düürüqsün*

¹ При транслитерировании текста использовалась принятая в ойратоведении и монголоведении стандартная система передачи знаков символами латиницы, за исключением лигатуры *ᠬ*, повторяющей форму тибетского слога *ᠬ* (*bya*), стандартизированное обозначение для которой отсутствует и которая передается в транслитерации как *ž*.

erdeniyin xoyor uula xubilyuxuyin yeke barida xubilyān üzülüqsün: yunun šinedü sōja / dalan xān zalaqsan caqtu cab zōqlād ama zayilaqsan usun [2] genel miškü tögösöqsön padma tōr üzüskülengtei / xotolo tögös naiman gešüün tögösöqsön dalai xubilyaxuyin / yeke baridi xubilyān üzülüqsün: dönön šinedü iren parma xān / zalaqsan caqtu küdiyin tala nižēdtü nayimayad yeke āriq yar/yan: xarini basa ergēd dotoro buuqsun duuyār yurban kölgöni / dēdü nom üzülküyin yeke baridi xubilyān üzülüqsün: taban / šinedü cangjin xān zalaqsan caqtu / mišeqsan aman-ēce yai/raqsan altan önggötöi genelēr yurban mingyani yertünčü düren: / muu zayatani ündüsün arilyān: amitan бүкүни samidiyin amuu/ yuulungyār xangyan üyiledküyin yeke baridi qubilyān üzülüq/sen: zuryan šinedü lijiji zalaqsan caqtu cab zokoloqson-ē/ce olon nököd inaqši cinaqši sedkilen medencen öbörö / bosād cayān sariyin üylei üzüksan-yēr biširēn süzüqlülül/küyin yeke baridi xubilyān üzülüqsan: dolon šinedü šažini / čuulyān-noyōūd zalaqsan caqtu: nököd-nuyūūd nižēd čü: / erken xotolo tögös dolon zuul erdeni tögösöqsan kürdü/-bir orčiuluqçi xān-du xubilyaxuyin yeke baridi xubilyān [3] üzülüqsan: nayiman šinedü tenggeriyin erketü xurmas-tu / zalaqsan caqtu: arsalang širē-ēce yartan očir bariqsan / taban mangyas yarād: zuqžēd axatai teresiyin zuryan baqšigi / nomyodxon yesen tümün nöküdtēi sangsar-ēce getülüküyin / kizalaši ügei yeke bardı xubilyān üzülüqsan: yesen šine/dü esereni xān zalaqsan caqtu: cab zoqlād sangsar amur/lingyuyin sayin buyan бүкүни öüsta: dürsütü tenggeri / meteyin beye-bēr esereni oron kürtülü tögölen üyilēd/küyin yeke bardı xubilyān üzülüqsan: arban šinedü dörben / maxi-ranza zalaqsan caqtu: ilayūqsani üskülüngtei / biye-ēce olon altani genel badaraqsan üyiligi sangsariyin / üzüür kürtülü tögölen üyiledēd tusa amuyulanggiyin / xura oroulxuyin yeke bardı xubilyān üzülüqsan: arban / nigen-dü geriyin ezen itegel ügeyidü ide ögöqçi zalaq/san caqtu: arsalani širēdü suuya bayiyatala gegen ülü / üzüqdün esereni egešiqgin zarliyar dēdü nom üzül/küyin yeke barda xubilyān üzülüqsan: arban xoyor-tu geri/yin ezen jide zalaqsan caqtu: asurangyuyin dayan-du [4] oroqsan altani genelēr yurban mingyani yertenčü dürgün: / amitan бүкүни ečige eke metü asurangyuu-bēr tögölen üyiledküyin yeke barda xubilyān üzülüqsan: arban yurbun-du / šünji zalaqsan caqtu: bidani baqšiyin kiyisen-ēce dolāyād / alda turši genel sačiraqsani üzür-tü ilayaqsani biye-bēr / beleqdeqdemı tere metü-bēr: züq бүкүни döürgün üyiledküyin / yeke barda xubilyān üzüleqsēn: arbun dörbön-dü ura/yana takin ceceq cacaqsan caqtu: mingyan xoyor zuun tabin / tabāyād erdeni-ēce бүтүqsün yurban sangsar üskülengtei / bolyon üyiledküyin yeke barda xubilyān üzülüqsan: ar/ban taban-du dürsütü zürkēn xān zalaqsan caqtu: amitan / бүгүdēyigi tenggeriyin arsan-yēr xangyan üyiledēd mütü/riyin xoryon-ēce yaraqsan bolymal altani genelēr colo / ügegi amar yabaqçi-du urbulan üyiledküyin yeke barda / xubilyān üzüleqsēn: tere metü yayixamšiqtei / kizalaši ügei barda xubilyān-yēr xurayin züq бүкүни darun: / tološi ügei kilberküü törölkitün culaayayigi ödör izüür / teyin geteleqsan duusuqsan burxani mörtü mayād üyile [5]-düqsan mön ene nigen šine-ēce arban taban kürtülü ye/ke caq öündü biširen süzülküyin üüden-ēce cusuq dē/dü yurban erdeniyin barica cab örgöqsan: ügei yaduudu / öqligö ögöqsön buyani üre tološi ügei tolon dabxār arbiži/xuyidu dēre irēd üdüü burxan mayidariyin šijin-luuya / učirād bodı olyoda dam ügei odo ögölgen ezen terigüüten / xamuq amitani küsüqsünü kereq xangyaxuyin tula zorixu yö/röl telbixu mön: xotolo tögösöqsön xuvaraq-noyūūd бүтөкү / iröl talibaxu alidan odo süzüq tögösöqsön öqligin ē/zen-noyūūd: biširen süzüqleküyin üdöün-ēce sayitur sono/soqton: yertenčün baqši saca ügei šaqžān xān ene tološi / ügei yalbin urda taldan ilayaqsan yertenčün ekedü burxan / bolji dutuqsan bodigi dakiji basa kereqcekigi dakiji nomjud/xuu berke: zambu tibiyin amitani tusiyin tuladu töröndü / dēdü bodida sedkil üyiskikiqsan zabalxār-tu buyan

belge bil/giyin хойор çulyān хурақсан ецестү илерке дууји бур/хан болоқсан тере цақту: түрүүн-дү тенггерийин кerge дуу/γān дурулақсан-ду шүтэд γадани урин-ēце дорона замбу [6] –tib-tu үүдүқсан: ējēn omādu ороқсан хубилуқсан орони u/ridādu mergeјiqdeқsen хатани нөггөдөр цүнгеқсен маγадарарақсан / хатуžil edelgeқsen боди modoni dergede одо болоқсан / шumna дарақсан боди илеркеқсен номийин күрдү ергүүлеқсен γасlang-ēце нөгқиқсөн ене арбан хойор зокāl / үзүлеқсен түүни доторо-ēце ējēn umāda ороқсан /burхан болоқсан γасlang-ēце нөкөқиқсан ене арбан табан / зокāl dabхарлақсан мөн: sayān сарийин арбан табани yeке цақ / өүнде сүзүқлекү үден-ēце цухуқ дэдү γурбан еr/denedү barca cab örgөқсөн үгеи yaduuda öгөлgeи ö/gөқсан buyани үре tolši үгеи olон dabхар arbјixu дēре / irēd өүдөү бурхан madiriyin šajin-luya учирād боди ol/xuyidu дам үгеи: өүндү олхуйду теригүүтен хамуқ ami/tani күсүсүн кереқ ханγахуйин тула zorixu ирөүл tali/baxu мөн: хотоло төгөсөсөн хуварақ-нуγуүд бү/төкү ирал talibaxu айиледе: [НБ СПбГУ. Calm C23. Инв. № 1877/9].

Перевод памятника «Саγān sarayin bičiq»

Сейчас внимательно слушайте, чтобы зародить веру у преисполненных веры милостынедателей. Вообще перед тем, как наш Учитель, несравненный царь Шакьев, впервые появился в Джамбудвипе и повернул колесо Учения, он усмирил существ Джамбудвипы, которых вели шесть учителей-тирхиков, включая Зугдже¹. Для того чтобы привести всех живых существ на истинный путь, он демонстрировал великие чудеса, начиная с первого дня этого Белого месяца и заканчивая пятнадцатым. Если рассказывать об этом вкратце, в первый день Белого месяца его пригласил царь Прасенаджит. Они вкусили пищу, и, как только [Будда] воткнул зубочистку в землю, он продемонстрировал чудо, и на том месте выросло дерево кальпаврикша, исполняющее желания, и плоды его радовали и насыщали всех небожителей и людей. Во второй день его пригласил царь Ураяна. Он продемонстрировал чудо и сотворил две груды драгоценностей, преисполненные нектара, лучших яств [для людей] и лучших трав [для животных] справа и слева от святого [Будды]. В третий день его пригласил царь Соджа-Далан. Они вкусили пищу, и [Будда] продемонстрировал великое чудо и сотворил из воды для омывания рта море, наполненное искрящимся светом, украшенное сетью цветов лотоса, полностью совершенное и исполненное восьми качеств² [чистой воды]. В четвертый день его пригласил царь Ирэн-Парма. Он продемонстрировал великое чудо, и в одном месте появилось восемь больших каналов, которые по кругу возвращались к началу и из которых исходил голос, объяснявший высшее учение трех Колесниц³. На пятый день его пригласил царь Цанджин. Он продемонстрировал великое чудо, наполнив золотым светом, исходившим от его улыбающихся уст, три тысячи миров, очистив причины плохих рождений и наполнив благом медитативного сосредоточения всех живых существ. На шестой день его пригласил Лиджиджи. После трапезы он продемонстрировал великое чудо, зародив сильную веру в многочисленном окружении, которые смогли читать мысли друг друга и увидели деяния Белого месяца. На седьмой день его пригласило собрание рода Шакья. Он продемонстрировал

¹ От тиб. ‘Od srungs rdzogs byed.

² Восемь качеств чистой воды: 1) кристально чистая; 2) прохладная; 3) сладкая на вкус; 4) легкая; 5) мягкая; 6) успокаивающая желудок; 7) свободная от нечистоты; 8) очищающая горло.

³ Колесница шраваков, колесница пратьекабудд и колесница бодхисаттв.

великое чудо и превратил каждого из окружения в могущественного чакравартина, полностью совершенного, обладающего семью видами драгоценностей. На восьмой день его пригласил владыка небожителей Хормуста. Он продемонстрировал великое безграничное чудо, вызволив из сансары вместе девяносто тысяч человек из окружения, когда Ваджрапани, [возникший] из львиного трона, усмирил пятерых демонов и шестерых учителей-тиртхиков, включая Зугдже. На девятый день его пригласил царь Брахма. Вкусив пищу, он продемонстрировал великое чудо, и тело его, подобное небожителям сферы форм, приняло огромные размеры и достигло обители Брахмы. На десятый день его пригласили четыре великих царя¹. Он продемонстрировал великое чудо, распространив золотое сияние, исходившее от прекрасного тела Победоносного, до вершины сансары, и пролив дождь благоденствия и пользы. На одиннадцатый день его пригласил домохозяин Анатхапиндада. Он продемонстрировал великое чудо: сидя на львином троне, он оставался невидимым и в соответствии с мелодичной речью Брахмы даровал высшую Дхарму. На двенадцатый день его пригласил домохозяин Джидэ. Он продемонстрировал великое чудо, войдя в медитацию о любящей доброте и наполнив золотым светом три тысячи миров и окружив всех живых существ любящей добротой подобно родителю. На тринадцатый день его пригласил Сунджи. Наш Учитель продемонстрировал великое чудо, испустив из пупка на расстояние семи саженей свет, на конце каждого из лучей которого находился символ тела Победоносного. Таким образом были заполнены все направления. На четырнадцатый день Ураяна сделал ему подношение цветами. Он продемонстрировал великое чудо и превратил каждый из тысячи двухсот цветов в выполненный из пяти видов драгоценностей цветок и украсил ими три мира сансары. На пятнадцатый день его пригласил царь Бимбисара. Он продемонстрировал великое чудо, насытив всех живых существ небесным нектаром и с помощью сияния, подобного тому, что излучает очищенное золото, даровав свободу тем, кто был лишен ее. С помощью подобных невиданных и безграничных чудес он подавил все темные силы и привел бесчисленное количество живых существ на спасительный и совершенный путь Пробуждения. В этот важный период, начиная с первого дня и заканчивая пятнадцатым, совершая в силу веры различные подношения Трем Драгоценностям, в том числе пищей, даруя подаяние нищим, [совершайте] добродетель, результаты которой будут безграничны и преумножатся в несколько раз. В силу этого встретитесь с Буддой будущего Майтрейей и точно достигнете Пробуждения. Милостынедатели и все остальные, произносите молитвы благопожеланий, чтобы удовлетворить желания и потребности всех живых существ. Пусть полностью совершенные монахи возносят молитвы благопожеланий, а вы, исполненные веры милостынедатели, с помощью веры и почтения внимательно слушайте. Учитель вселенной, несравненный царь Шакьев в начале времен, бесчисленное количество кальп тому назад, стал буддой, следовал по [пути] Пробуждения, следуя необходимости, зародил ум Пробуждения ради пользы живых существ Джамбудви́пы, которых тяжело усмирить, осуществил два накопления добродетели и мудрости и после этого стал буддой. Вначале из небесной обители Тушита он спустился в Джамбудви́пу на востоке, вошел в лоно, родился, обрел мастерство в ремеслах, женился, покинул дом, практиковал аскезу, пребывал под деревом бодхи, победил Мару, достиг Пробуждения, повернул

¹ Боги-хранители четырех направлений: Вайшравана (Кубера) на севере, Вирудхака на юге, Дхритараштра на востоке, Вирупакша на западе.

колесо Учения, достиг нирваны — к этим двенадцати деяниям [добавляются три]: вошел в лоно матери, стал буддой, достиг нирваны — таковы пятнадцать деяний. Результаты благодеяний, совершенных в силу веры в этот важный период пятнадцати дней Белого месяца, [таких как] совершение подношений исключительным высшим Трем Драгоценностям и даяние нищим, неисчислимы и преумножатся во много раз. Нет сомнений, что встретитесь с Учением Будды будущего Майтрейи и достигнете Пробуждения. Нужно произносить молитвы благопожеланий, чтобы обрести это и исполнить желания всех живых существ. Пусть исполнятся молитвы благопожеланий полностью совершенных монахов.

О тамгах и родах калмыков в записях Г. С. Лыткина

В записях Г. С. Лыткина большой интерес для исследователя также представляют зафиксированные им статистические сведения по калмыцким улусам рассматриваемого периода — Харахусо-Эрдниевскому и Багацохуровскому.

В «Ведомость о числе духовенства, владельцев, зайсангов и простолюдинов калмыков Харахусо-Эрдниевского улуса, о тамгах¹ их, о кочевьях и т. п.» Г. С. Лыткиным была включена таблица с данными на 1858 г. (см. табл. 1) [НБ СПбГУ. *Calm C23. Инв. № 1877/2: 2–5*].

Таблица 1. Ведомость о числе духовенства, владельцев, зайсангов и простолюдинов калмыков Харахусо-Эрдниевского улуса, о тамгах их, о кочевьях и т. п.

[Table 1. Kharakhuso-Erdnievsky District. Consolidated list (numbers) of clerics, landlords, zaisangs and commoners, their tamgas, nomadic areas, etc.]

Название улуса	Род (эцг)	Аймак и зайсанг	Число кибиток	Тамга	Кочевье	Замечания
Харахусовский улус	Харахусов род	аймак Ердени Дамбилева	407	цагрик	зима, весна, лето, осень	детей зайсанга, его дядей и других родственников с детьми мужского пола — 93 человека, женского — 65 <нрзб>
	Гурбутов род	аймак зайсанга Дарбык Хаглаева	60	цагрик	зима, весна, лето, осень	Родственников мужского пола — 8 чел., женского — 5
	Гурбутов род	Джимбе Шара-Зунгруев	11	цагрик	зима, весна, лето, осень	жена и дочь
	Гурбутов род	Шара Манджи Басаев	24	цагрик	зима, весна, лето, осень	Семейство муж. — 4, жен. — 3
	Ангучинов род	умершего зайсанга Бюбе Самтанов	114	цагрик		два сына и дочь

¹ Тамга — полифункциональный символ, использующийся вплоть до настоящего времени для клеймения скота, а также как геральдический символ (печать рода) и родовой знак [Шараева 2015: 99].

Эрдэниевский улус	Шабинеров род Замутов род	Дорджи Самтанов	Шабинеров род — 132 Замутов род — 51	очир		Семейство муж. — 2, жен. — 3; родственники муж. — 4, жен. — 3
	Бабанкин	Хамур Чимбилев	72	очир		семейство и родственники муж. — 24, жен. — 19
	Цоросов род	Ширип Хохаев	40			семейство и родственники муж. — 8, жен. — 6
	Самтанакин	Дорджи Самтанов	132	очир жезл	зимой при урочище Тавн Гашун; весной, летом, осенью в окрестности хулука Улан Бурата	
	Чжамбинконов		28			семейство и родственники муж. — 8, жен. — 8
	Батутов род	Балзан Ишиев	52			семейство муж. — 2, жен. — 5
	Йеке (Ики?) Гурбутов род	Наран Етиев	17			семейство и родственники муж. — 8, жен. — 4
	Йеке Гурбутов род	умершего зайсанга <нрзб>	59			семейство и родственники муж. — 9, жен. — 8
	Сатхалов род	нет родового зайсанга	43			

Интересно, что в записях Г. С. Лыткина все еще отражено деление улуса на два: Харахусовский и Эрдниевский, — хотя они были объединены в 1844 г. Согласно таблице, в Харахусовский улус входили рода харахусов (зайсанг Эрдэни Дамбилев), гурбутов (зайсанги Дарбык Хаглаев, Джимбе Шара-Зунгруев, Шара Манджи Басаев) и ангучинов (зайсанг Бюбе Самтанов), в Эрдниевский — шабинеры, замуты, самтанакин (зайсанг Дорджи Самтанов), бабанкин (зайсанг Хамур Чимбилев), цоросы (зайсанг Ширип Хохаев), чжамбинкин (зайсанг не указан), батуты (зайсанг Балзан Ишиев), йеке гурбуты (зайсанг Наран Етиев), сатхалы (нет родового зайсанга).

В данных, зафиксированных Г. С. Лыткиным, зафиксированы тамги, которые имелись у каждого рода. Проблематика видов тамг и их семантики рассматривалась Г. О. Авляевым [Авляев 2002: 62–65, 102, 106–230; и др.], А. Г. Митириным [Митиринов 1998: 376–383; и др.], Д. Б. Гедеевой [Гедеева 2003а; Гедеева

20036], Э. П. Бакаевой [Бакаева 2009], Т. И. Шараевой [Шараева 2015: 98–103] и др. В работе Д. Б. Гедеевой и Д. Гантулги выполнено исследование знаков с сакральной тематикой в системе калмыцких тамг [Гедеева, Гантулга 2020]. Г. О. Авляев [Авляев 2002: 62–65, 102, 106–230; и др.], А. Г. Митиров [Митиров 1998: 376–383] в своих книгах представили сведения о тамгах калмыцких родов.

Согласно данным, содержащимся в записях Г. С. Лыткина, в Харахусовском улусе выделяются три основных изображения, встречающиеся в архивных записях:

1. Цагр^{ик} (калм. *цаһрэг*) (рис. 1);
2. Очир (калм. *очр*) (рис. 2);
3. Чиндамани (калм. *чиндамани*) (рис. 3).

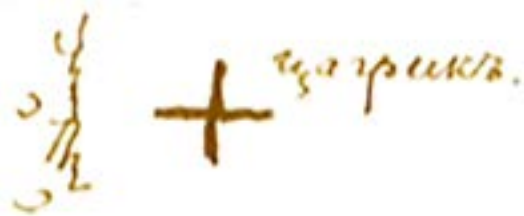

Рис. 1. Тамга с изображением *цагр^{ик}* из материалов Г. С. Лыткина [НБ СПбГУ. Инв. № 1877/2: 2]

[Fig. 1. Tamga depicting *tsagrik* from materials of G. S. Lytkin]

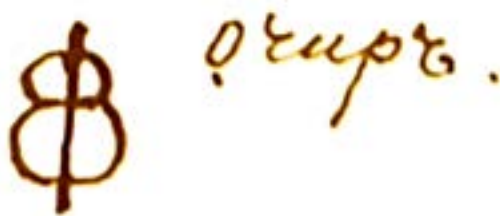

Рис. 2. Тамга с изображением *очир* из материалов Г. С. Лыткина [НБ СПбГУ. Инв. № 1877/2: 3]

[Fig. 2. Depicting *ochir* from materials of G. S. Lytkin]

Рис. 3. Тамга с изображением *чиндамани* из материалов Г. С. Лыткина [НБ СПбГУ. Инв. № 1877/2: 6]

[Fig. 3. Tamga depicting *chintamani* from materials of G. S. Lytkin]

Т. И. Шараева классифицирует изображения по типам: тамгу *цаһрэг* исследователь связывает с хозяйственной деятельностью и бытом калмыков, а тамги *очир* и *чиндамани* — с буддийской символикой [Шараева 2015: 99–100]. В исследовании Д. Б. Гедеевой и Д. Гантулги приводится описание символики тамг

очир и *чиндамани*: «Под названием *очр* встречается несколько видов изображений: три овальных круга, перевернутый трезубец, кончик стрелы и вертикально расположенные два круга, соединенные по вертикали стержнем. Только один рисунок напоминает ваджру. Кончик стрелы, возможно, символизирует острие молнии, трезубец напоминает верхнюю часть ваджры, а три листика больше похожи на знак *чиндамани*» [Гедеева, Гантулга 2020: 148].

Согласно данным Г. С. Лыткина, тамга *цаһрг* использовались у родов харахусов, гурбутов, ангучинов, тамга *очир* — у шабинеров, замутов, бабанкин, самтанакин, тамга *чиндамани* — у рода хабчин.

Упоминание тамг родов, входивших в Харахусовский улус, находим также у А. Г. Митирова¹. Он пишет: «Большой интерес представляют тамги родов по улусам. Так как многие тамги разных родов и улусов как в изображении их, так и в названиях повторяются, мы решили привести наиболее общие, характерные: с одной стороны, тамги как знаки собственности, закрепленные за отдельными родами в древности, несут на себе печать старины, а с другой — с течением времени, размножением родов, отделением частей от основного рода к первоначальному начертанию прибавлялись новые детали, менялись их названия» [Митиров 1998: 376]. В приложении он представляет следующие изображения тамг и перечень родов Харахусовского улуса (см. рис. 4):

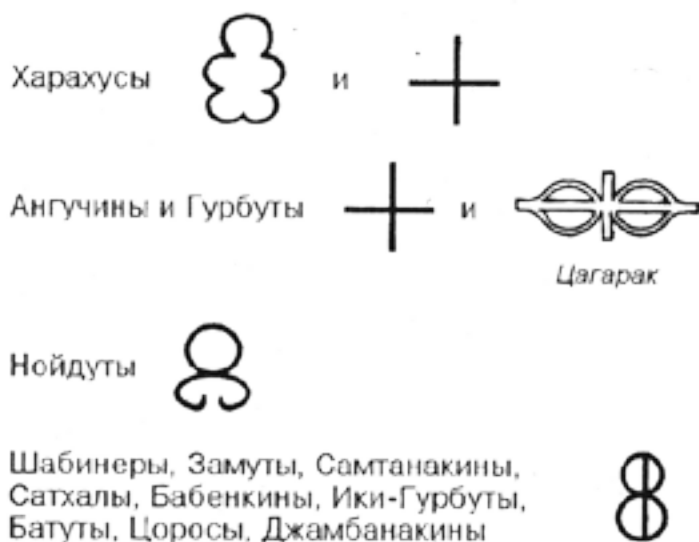

Рис. 4. Тамги Харахусовского улуса [Митиров 1998: 378]

[Fig. 4. Tamgas of Kharakhusovsky District]

Знак *чиндамани* Д. Б. Гедеева описывает следующим образом: «...горизонтальные, вертикальные, с дополнительными элементами. Санскритское название их в калмыцком языке подверглось фонетическим изменениям, и название

¹ Сравнение материалов Г. С. Лыткина с данными, приводимыми А. Г. Митировым, позволяет сделать предположение, что последний мог опираться на них в своей работе, несмотря на то, что указания на это и ссылки на Г. С. Лыткина в монографии [Митиров 1998] отсутствуют.

таких тамг произносятся как *жсиндмн, зиндмн, зидмн, диндн*» [Гедеева, Гантулга 2020: 146].

В архивных записях отдельно представлена краткая информация о 66 кибитках, принадлежавших торгутскому мелкопоместному зайсангу Церен-Убуши Дугарову. Подобно информации по другим родам, указана тамга зайсанга — *чиндамани*, род — хабчин. Кроме того, подробно указаны места кочевья аймака зайсанга Ц.-У. Дугарова. В тех же записях присутствует дополнительная информация о числе кибиток в Харахусовском улусе, состоявшем из 4 аймаков и 616 кибиток (Эрдниевский улус — 626 кибиток, а у владельца Ц.-У. Дугарова — 66 кибиток (см. рис. 5)). Определенный интерес в записях Г. С. Лыткина представляет его схема, отражающая семейное древо Дугаровых (см. рис. 6).

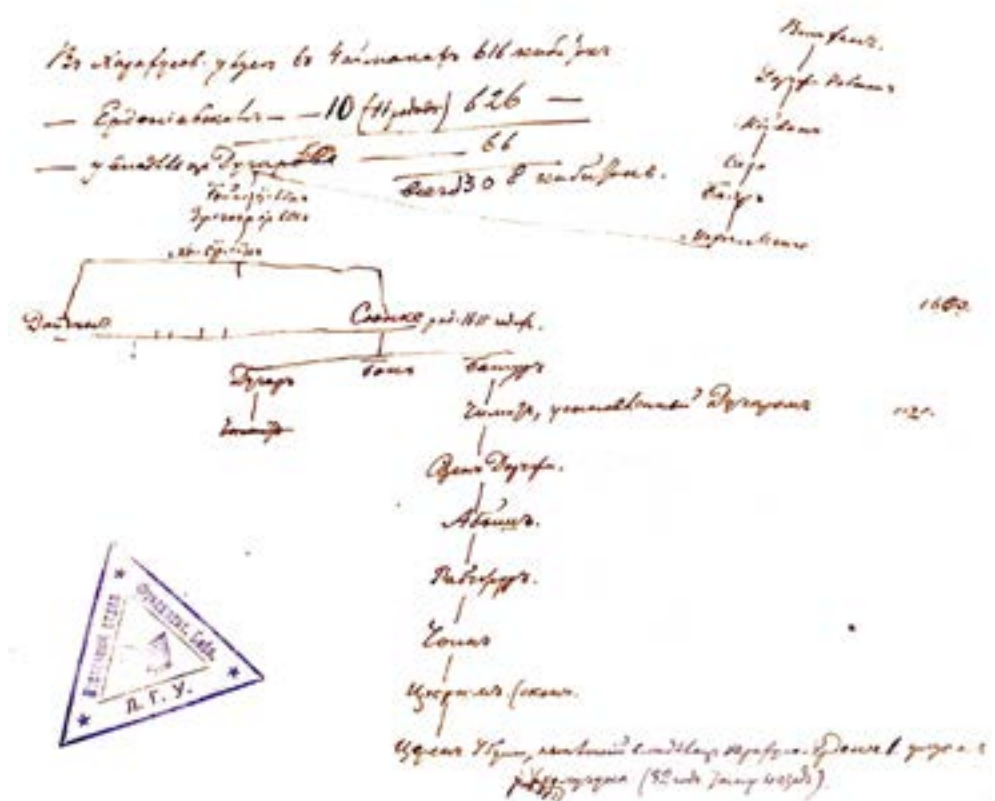

Рис. 5. Родословная владельца Ц.-У. Дугарова, зафиксированная Г. С. Лыткиным [НБ СПбГУ. Инв. № 1877/2: 6]

[Fig. 5. Genealogical table of Prince Dugarov compiled by G. S. Lytkin]

Похожая родословная представлена в монографии А. Г. Митирова [Митиров 1998: 359].

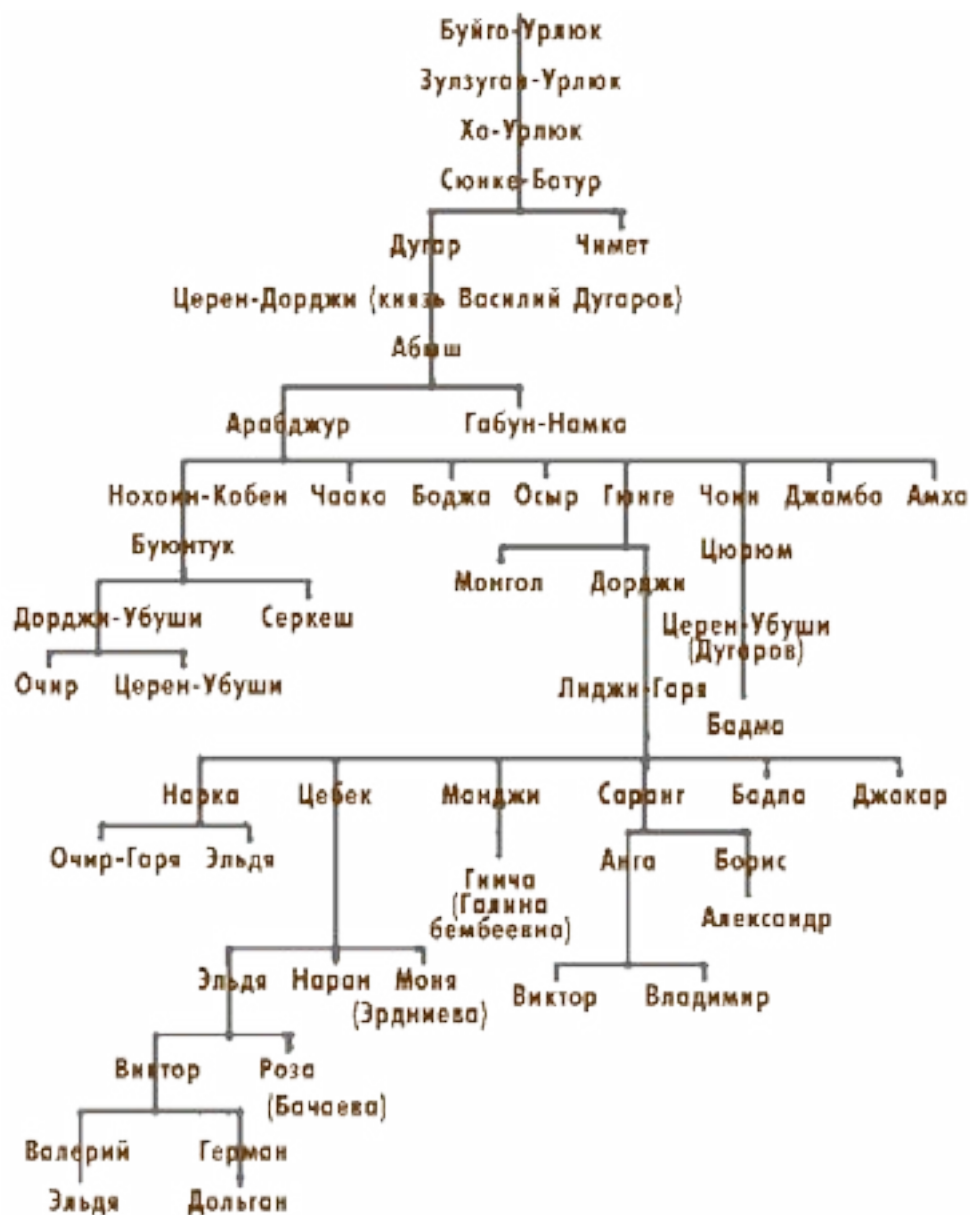

Рис. 6. Родословная торгутских нойонов от сына Хо-Урлюка Сюнке-Батура по линии Дугара [Митиров 1998: 359]

[Fig. 6. Genealogical table of Torghut princes claiming descent from Sünke Batur through Dugar compiled by G. S. Lytkin]

В архивных записях Г. С. Лыткина также имеются данные о Багацохуровском улусе (см. табл. 2) [НБ СПбГУ. Сalm С23. Инв. № 1877/32: 2–7].

Таблица 2. Бага-Цохуровский улус. Число аймаков, зайсангов, число кибиток, места кочевья, тавро и пр.

[Table 2. Baga-Tsokhor District. Numbers of aimags, zaisangs, yurts, nomadic areas, brand marks, etc.]

Анги (род)	Аймаки зайсангов		
Барун	Очир-Гаря Шалкиев	46	
	Чжимбе Хабанова	81	
	Онгор Муукаев	10	
	Убуши Самтаканов	31	Родственники зайсанга: Борня Акзыев, Чолка Акзыев, Чжимбе Сечжиев, Гаря Омамов, Боро-Манчжи Акзыев, Ката Осоров, Т. Шонхоров, Надмит Гецюлев
	Текуш Болдыров Болдаков Болдан Далдаева	35	
	Сарчжана Зодбаев	16	
	Мерген Чжатаев	2	
Зюн	Боро-Кубун Шараб Чжимбо Аршиев	4	
	Гецюль Чжилчаев	37	
	Церен Чжабов	38	
	Улаза Шининов	14	
...	Басан Убуши Басангов	10	
	Онгори Онголаев	70	Күн тамга
	Убуши Чичжипов	42	
	Оргочко Осоров	3	
	Очир Цеден Убушиев	40	
	Церен Раши Онкоров	355	
	Курекчин Тансыков	13	Родственники зайсанга: Цеден Чичжипов, Богольчжен Чичжипов
	Бадма Амур Болотов	21	
	Тюрбе Собоков	32	
	Хонгурь Ака Манчжиев	112	
Забсар	Хазалбыш Оросов	43	Родственники зайсанга: Манша Арабгаев, Инчжин Хасыров, Му-чиря Хасыров, Замбо Габунов
	Эрдени Чжамбаев	35	
	Бадма Нимаев	41	
	Сангачжи	40	

	Коок Дельгеркиев	32	
	Бурул Цюрюмов	4	
Бакшин турулин анги		6	
Хурул шаб. Ламин Шабинер		80	
Дархачут		4	
Тубанкин	умершего зайс. Учү Насуна	7 4	
Бакшин Шабинер		35	
Барун	Умершего зайс. Тукчи	25	
	Ум.зайс. Генде Ракба	28	
	Умер. зайсанга Павла Алексеева	139	
	Ум.зайс. Аюши Улюмчжиева	3	
Торгоут анги	нойон Дорчжи Убуши Буюнтуков	25	
	Михайло Гуйдуков	16	

В таблице представлены данные родов барун, зюн, забсар, бакшин турулин, хурул шабинер, ламин шабинер, дархачут, тубанкин, бакшин шабинер, барун, торгоут. Кроме того, в таблице указаны имена родственников зайсангов и их тамги. Например, у рода зюн указаны две тамги: вышерассмотренная *цагарак* и *күн*. Т. И. Шараева отмечает: «Тамга „күн“ (человек), которая относится к наиболее древним тамгам и имеет различные начертания: стоящий человек, идущий человек, с поднятыми обеими руками, поднятой одной рукой. Различные варианты имеет также древняя по символике тамга „балт“ (секира)» [[Шараева 2015: 100](#)].

Рис. 7. Тамга *күн* из материалов Г. С. Лыткина
[НБ СПбГУ. Сalm С23. Инв. № 1877/32: 2]
[Fig. 7. Tamga referred to as *kün* from materials of G. S. Lytkin]

Напротив имен зайсангов Церен-Очира Онкорова и Хонгур-Ака Манчжиева изображена тамга, название которой распознать сложно: предположительно, *серкиш хазарин тёлök* (совр. калм. *шерки хазарин төөлг*, ‘букв. кольцо от черкесского седла’) (см. рис. 8).

Рис. 8. Тамга серкиш хазарин тōлōк из материалов Г. С. Лыткина
[НБ СПбГУ. Calm C23. Инв. № 1877/32: 4]

[Fig. 8. Tamga referred to as *serkish khazarin tōlōk* from materials of G. S. Lytkin]

В записях Г. С. Лыткина также содержатся статистические материалы по восьми калмыцким улусам (Багацохуровский, Эркетеневский, Яндыковский, Икицохуровский, Хошеутовский, Малодербетовский, Большедербетовский, Харахусо-Эрдниевский), которые включены нами в приложение к статье и содержат данные по количеству кибиток у входивших в них родов с указанием имен зайсангов (рода, не имевшие зайсангов, указаны в конце перечня по каждому улусу) [НБ СПбГУ. Calm C23. Инв. № 1877/33: 1–8].

Сведения о лечении при помощи «кабаньего корня» в записи Г. С. Лыткина

В материалах Г. С. Лыткина из рукописного фонда библиотеки Восточного факультета СПбГУ содержатся примечательные сведения о некоем «кабаньем корне». Кочевой образ жизни калмыков способствовал формированию глубоких познаний о природе, в том числе о целебных травах, поэтому калмыки знали множество трав, использовавшихся для лечения различных болезней. Первые упоминания о лекарственных растениях калмыцкой степи содержатся в научных работах Иоганна Иерига. В материалах его экспедиций немало сведений о применении калмыками различных растений в народной медицине, которые были введены в научный оборот А. А. Дюльденко и Е. Г. Пономаревым [Дюльденко, Пономарев 2016]. В числе современных публикаций об отдельных лекарственных растениях, используемых калмыками в быту, можно назвать работы А. А. Ташниновой [Ташнинова 2002], Г. Э. Настиновой и З. С. Цереновой [Настинова, Церенова 2019]. Несмотря на то, что тема народной медицины калмыков изучалась в ряде исследований, сведения о свойствах растения, называемого калмыками «кабаньим корнем», прежде в исследовательской литературе не приводились.

Вначале приведем текст архивных записей Г. С. Лыткина 1876 г. с сохранением авторской орфографии (пунктуация приведена к современным нормам):

Сей корень и врачебное его свойство открыты по нижеследующему происшествию. Назад тому около сорока лет некоторый Калмык обстрелом ранил кабана под лопатки, и как таковых рана всегда бывает смертоносною, то он <нрзб>, что бы кабан мог далеко уйти далеко, начал об другой разряжать ружье и по окончании сего поехал к кабану, полагая найти его мертвым. Но к удивлению увидел по следам истекшей крови, что кабан ушел с места, почему, начав его преследовать, долгое

время не мог догнать и потом нашел лежащим, и только едва только¹ кабан увидел его, как пустился бежать с такою скоростью, что он не мог его догнать. Калмык, видя столь необычайное происшествие и скоровременное исцеление кабана от опасных ран, возвратился обратно и на дороге нечаянно нашел большой корень, изжеванный и обгаженный кабаньей кровью. Будучи от природы любопытным, взял с собою корень и нарыл довольно других ему подобных. В одно время, когда сей Калмык также поехал для стрельяния и кабан клыками распорол у лошади его брюхо, тогда оздумал он испытать корень, которой, изжевав, всунул лошади в рот, отчего она не только чувствительно ободрилась, но в течение нескольких дней совершенно выздоровела. После такого открытия лечебного свойства кабаньего корня известность распространилась, и знающие его калмыки начали употреблять для исцеления <нрзб>.

В последствии времени произвел я над скотом и людьми нижеследующих простых испытаний корня. Посредством давания в рот разжеванного исцелил умирающего ягненка; таким же образом излечил от заразы 17 скотин; избавил от смертоносного поноса двух верблюдов. Усмотря столь лечебное действие корня над скотом, случилось мне излечить оным и людей нижеследующим образом: прикладыванием разжеванного корня к пальцу² до кости прорубленному <нрзб> и даванием корня внутрь один раз, совершенно заживил рану в 10 дней; при сем нужным почитаю заметить, что порубившей палец одержим был порчею живота, которая также навсегда после сего миновалась. Изцелил таким же образом насквозь проколотую ладонь. Также удалось мне прикладыванием разжеванного корня и даванием онаго внутрь до трех раз исцелить человека, который <нрзб> насквозь прострелил плечо. Опасную и глубокую рану от поруба ноги топором вылечил я прикладыванием же корня. Случалось, что малолетний мальчик находился в опасности жизни от жестокого поноса, родители решились испытать действие корня, положили оной в чайник и налили горячею водою, один раз напоили его, дав не более как половину чайной чашки, от чего понос унялся и мальчик излечился. Недавно сам я <нрзб> в боку боль, принял корня натошак не более двух горошин, от чего меня послабило, и с того времени чувствую облегчение [[НБ СПбГУ. Calm C23. Инв. № 1876/2](#)].

Применение лекарственных растений в народной традиции калмыков имеет давнюю историю. Знания и опыт использования растений при лечении различных недугов передавались потомкам из поколения в поколение. Б. Б. Манджикова приводит данные о более 100 видах лекарственных растений, более 50 видов из которых находят применение в научной медицине [[Манджикова 2008: 109](#)]. В статье А. А. Дюльденко и Е. Г. Пономарева приводятся названия растений, свойства которых описывал в своих работах И. Иериг [[Дюльденко, Пономарев 2016: 100](#)]: трава Sangana (или по-калмыцки зергана или зергена (степная малина) (другое написание: хвойник двуколосковый или эфедра двуколосковая), которую калмыки успешно использовали против сильных болей при ревматизме; полевица (*Agrostis pungens*), использовавшаяся для стимулирования носового кровотечения; кирказон ломоносовидный (кирказон обыкновенный), который применялся в виде отвара при борьбе с кожными болезнями [[Дюльденко, Пономарев 2016: 100–101](#)].

¹ Так в источнике.

² Так в источнике.

В полевых материалах И. Иерига нет упоминаний о кабаньем корне, однако присутствуют описания растений, использование и лечебные свойства которых напоминают кабаньих корни. В его работах описывается метод лечения с помощью Tuschut Oboson (растение вида статицы), применявшейся калмыками при различных болезнях, «а особенно для борьбы с гангренозными опухолями, которыми по неизвестным причинам часто страдали не только лошади и скот, но и даже жители низин, расположенных вдоль р. Волги. Для лечения необходимо было порезать на небольшие кусочки это несколько вяжущее растение и только им (и ничем другим) кормить больных лошадей» (цит. по: [Дюльденко, Пономарев 2016: 100]). И. Иериг также «сообщал о способе применения калмыками особого вида лишайника *Lichenoides ceratophyllum obtusius minus ramosum*, произраставшего в засушливых районах по направлению к Каспийскому морю. Растение предварительно пережевывалось, после чего прикладывалось к больному месту в виде целебного компресса» [Jähriг 1779] (цит. по: [Дюльденко, Пономарев 2016: 100]). Сложно сказать определенно, писал ли Г. С. Лыткин об одном из этих растений, зафиксированных в исследовательской литературе, или о каком-то другом, сведения о котором уже утрачены в современной традиции врачевания у калмыков, можно лишь сделать вывод о том, что в народной медицине калмыков существовали разные способы заживления разного рода ран, в том числе и с помощью растения, названного Г. С. Лыткиным «кабаньим корнем».

Заключение

Материалы, записанные Г. С. Лыткиным, несомненно, представляют интерес для калмыковедения, поскольку в них зафиксированы ценные данные по быту и культуре калмыков второй половины XIX в. Несмотря на то, что в исследовательской литературе имеются материалы по народной медицине калмыков и описаны нестандартные способы употребления тех или иных растений, вводимые в данной статье сведения о «кабаньем корне» расширяют наши знания в данной сфере. Рукопись о праздновании Цаган сара у калмыков также содержит ценный материал о функционировании буддийской традиции среди калмыков рассматриваемого периода и является свидетельством того, что, помимо ритуального комплекса, в буддийское празднование Нового года был также включен дидактический компонент для буддистов-мирян, подразумевавший объяснение семантики праздника в контексте мифологии буддизма. Кроме того, введенные в научный оборот статистические материалы Г. С. Лыткина по калмыцким улусам с указанием аймаков, входивших в них родов, количества кибиток и мест кочевий, в частности Харахусо-Эрдниевого и Багацохуровского улусов, могут представлять интерес для специалистов в области калмыцкой этнографии. В заключение повторимся, что историческое наследие в виде архивных материалов исследователей, занимавшихся изучением истории и культуры калмыцкого народа, представляет ценный материал по истории и этнографии калмыков.

Источники

НБ СПбГУ — Научная библиотека им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

Sources

St. Petersburg State University, Gorky Scientific Library.

Литература

- Авляев 2002 — *Авляев Г. О.* Происхождение калмыцкого народа. 2-е изд., перераб. и исправл. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 325 с.
- Бакаева 1994 — *Бакаева Э. П.* Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.
- Бакаева 2009 — *Бакаева Э. П.* Торгуты Монголии: этнический состав и этнические маркеры // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов: сб. науч. тр. Вып. 1. Элиста: КИГИ РАН, 2009. С. 69–85.
- Басангова 2015 — *Басангова Т. Г.* Вербальный компонент праздника Цаган Сар («Белый месяц») у калмыков // Новые исследования Тувы. 2015. № 1. С. 50–59.
- Гедеева 2003а — *Гедеева Д. Б.* О знаках собственности у калмыков // Монголоведение в новом тысячелетии (к 170-летию организации первой кафедры монгольского языка в России). Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 22–26 сентября 2003 г.). Элиста: КалмГУ, 2003. С. 254–259.
- Гедеева 2003б — *Гедеева Д. Б.* О знаках «тамг» и метках «им» как маркерах калмыцких родов // Монголоведение. 2003. № 1. С. 272–274.
- Гедеева, Гантулга 2020 — *Гедеева Д. Б., Гантулга Д.* Буддийская символика в системе калмыцких тамг // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 1. С. 142–153. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-142-153
- Дюльденко, Пономарев 2016 — *Дюльденко А. А., Пономарев Е. Г.* Традиционная калмыцкая медицина второй половины XVIII в. (по материалам Иоганна Иерига) // Oriental Studies. 2016. Т. 9. № 5. С. 97–102. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-27-5-96-101
- Манджикова 2008 — *Манджикова Б. Б.* Растительный мир Калмыкии в лексике калмыцкого языка // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. Т. 1. № 1. С. 107–112.
- Мирзаева 2021 — *Мирзаева С. В.* К сыну Есугея, избранному владыке Чингис-хану, взывал я девять раз: текст Урюс сара в записи И. И. Попова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 3. С. 297–318. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-297-318
- Митиров 1998 — *Митиров А. Г.* Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.
- Насинова, Церенова 2019 — *Насинова Г. Э., Церенова З. С.* Лекарственные растения степной флоры в народной медицине ойрат-калмыков // Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований. Элиста: Калм. ун-т, 2019. С. 254–259.
- Ташнинова 2002 — *Ташнинова А. А.* Обзор лекарственной флоры Калмыкии. Элиста: изд-во, 2002. 85 с.
- Успенский 2000 — *Успенский В. Л.* Архивные материалы по истории волжских калмыков из фондов библиотеки Санкт-Петербургского университета // Архивные материалы о монгольских и тюркских народах в академических собраниях России. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. С. 28–41.
- Успенский 2014 — *Успенский В. Л.* Монгольские рукописи и ксилографы // Рукописи и ксилографы на восточных языках в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ / под ред. В. Л. Успенского. СПб.: Филолог. фак-т СПбГУ, 2014. 175 с.
- Шараева 2015 — *Шараева Т. И.* К вопросу изучения этнических маркеров калмыков: родовые тамги // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. Т. 8. № 2. С. 98–103.

- Catalogue 1999 — Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library / compiled by V. L. Uspensky with assistance from O. Inoue, ed. and foreword by T. Nakami. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999. XV, 530 p.
- Jährig 1779 — *Jährig J.* Extraits des Rapports envoyes a l'Academie // *Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. 1779. Vol. I. Pp. 65–68.
- Majer 2019 — *Majer Z.* Three Ritual Prayers by Öndör Gegeen Zanabazar // *Sources of Mongolian Buddhism* / ed. by Vesna A. Wallace. New York: Oxford University Press, 2019. Pp. 329–358.

References

- Avlyayev G. O. *Origins of the Kalmyk People*. 2nd ed., rev. & suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 325 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. *Buddhism in Kalmykia: Essays in History and Ethnography*. Elista: Kalmykia Book Publ., 1994. 128 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. *Torghuts of Mongolia: Ethnic composition and ethnic markers*. In: Bakaeva E. P. et al. (eds.) *Turko-Mongols: Issues of Ethnic History and Culture*. Vol. 1. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2009. Pp. 69–85. (In Russ.)
- Basangova T. G. *Verbal component of Tsagaan Sar (“White Moon”) of Kalmyks*. *The New Research of Tuva*. 2015. No. 1. Pp. 50–59. (In Russ.)
- Diuldenko A. A., Ponomarev E. G. *Traditional Kalmyk medicine in the second half of the 18th century (Evidence from Johannes Jährig’s records)*. *Oriental Studies*. 2016. Vol. 9. No. 5. Pp. 97–102. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2016-27-5-96-101
- Gedeeva D. B. *Kalmyk property markings revisited*. In: *Mongolian Studies in the New Millennium. Jubilee conference proceedings (Elista, 22–26 September 2003)*. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2003. Pp. 254–259. (In Russ.)
- Gedeeva D. B. *Tamy and im markings as identifiers of Kalmyk clans*. *Mongolian Studies*. 2003. Vol. 2. No. 3. Pp. 272–274. (In Russ.)
- Gedeeva D. B., Gantulga D. *Buddhist symbolism in the system of Kalmyk tamgas*. *Mongolian Studies*. 2020. Vol. 12. No. 1. Pp. 142–153. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-142-153
- Jährig J. *Extraits des Rapports envoyes a l'Academie*. *Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. 1779. Vol. I. Pp. 65–68. (In Fr.)
- Majer Z. *Three ritual prayers by Öndör Gegeen Zanabazar*. In: *Sources of Mongolian Buddhism*. New York: Oxford University Press, 2019. Pp. 329–358. (In Eng.)
- Manzhikova B. B. *Kalmykia’s flora in Kalmyk vocabulary*. *Oriental Studies (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS)*. 2008. Vol. 1. No. 1. Pp. 107–112. (In Russ.)
- Mirzaeva S. V. *To Mighty Lord Genghis Khan, the Son of Yesükhei, I pray nine times: An Üres Sara text recorded by Ivan I. Popov*. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 3. Pp. 297–318. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-297-318
- Mitirov A. G. *Oirats–Kalmyks: Centuries and Generations*. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 384 p. (In Russ.)
- Nastinova G. E., Tserenova Z. S. *Steppe medicinal plants in healing practices of Oirat-Kalmyks*. In: *Topical Issues of Mongolian and Altaic Studies*. Elista: Kalmyk State University, 2019. Pp. 254–259. (In Russ.)
- Sharaeva T. I. *To the issue of studying ethnic markers of Kalmyks: Clan tamghas*. *Oriental Studies (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS)*. 2015. Vol. 8. No. 2. Pp. 98–103. (In Russ.)

- Tashninova A. A. Medicinal Herbs of Kalmykia: A Review. Elista, 2002. 85 p. (In Russ.)
- Uspensky V. L. Library of St. Petersburg University: Archival materials dealing with the history of the Volga Kalmyks. In: Archival Materials on Mongolic and Turkic Peoples in Academic Collections of Russia. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2000. Pp. 28–41. (In Russ.)
- Uspensky V. L. Mongolian manuscripts and xylographs. In: Uspensky V. L. (ed.) Gorky Scientific Library of St. Petersburg State University: Manuscripts and Xylographs in Oriental Languages. St. Petersburg: St. Petersburg State University (Faculty of Philology), 2014. 175 p. (In Russ.)
- Uspensky V. L., Inoue O. (comps.) Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. T. Nakami (foreword). Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999. XV, 530 p. (In Eng.)

Приложение 1

1) Багацохуровский улус

Бурунова рода зайсанг ¹	
Зюнева рода зайсанг ²	

2) Эркетеновский улус

Харнутов рода зайсанга Улюмджи Джамбаев ³	53
— зайсанга Сангаджи Ноко Убушиева	65
— зайсанга Басын Шонхорова	18
— зайсанга Хундруева	30
Ики-Багутова рода зайсанг Эрдни Убуши Габун...	121
Шарус – зайсанга Цюрюм Цюрюмова	55
Ики-Хапчинова — Харцаги Церен Дорджи	57
— Мазанова	70
Тобенкинова рода — тоже	30
Эрекчутова рода — тоже	45
Бульчинова рода — Туге Менко	204
Цатанова рода — Уту Насуна	162
Ялькитова рода — Цюрюма Болхушбаева	24
Мацагакинова рода — Бадмы Церен Мазанов	97
Роды, не имеющие родовых зайсангов	
Керетов	25
Зюнгаров	43
Коточинеров	60
Дунду Хапчинова	60
Гуюрмутова (предков Монхадыка) Багацрхуровского	22
Шебинерова рода	101
Хакчутова	85
Будбулова	53
Итого:	1 679

¹ Имена написаны неразборчивым почерком.

² Имена написаны неразборчивым почерком.

³ Здесь и далее отдельные фамилии приводятся в форме именительного падежа.

3) Яндыковского улуса¹

Барунова рода зайсанг Эмчи Джоджиева	12 киб.
Менке Байнова	99 киб.
Тотжин Лакбаев	26 киб.
Бадмы Церенова	140 киб.
Бадмы Генджинова	8
Бадмы Тентыкова	30
Кекшин Оргочкаева	37
Манджи Зодбаева	28
Керетова рода зайсанга Джимбо Харцагаева	22
Эрдни Хаджаева	229
Белекте Болдыкова	38
Гаря Батырова	57
Корсун Цебек Аршиев	49
Самтан Зодбаева	161
Аха Цтанова – Самтан Уту Насунова	53.
Эрдени Бадмаева	60
Кюлюк Намкаева	15
Баго – Тере Батыг	450
Багутова рода – Окуп Шоугуева	289
Бюбе Сельдеева	32
Нарын Даржаев	59
Роды, не имеющие родовых зайсангов	
Шебинерова рода	90
Батыдо рода	15
Керетова рода	60
Барунова рода	29
Итого 2 081 киб.	

4) Икицохуровского улуса

Хошутова рода зайсанга Тепкенке Хангаева	135 киб.
Зюнгарова — Эрдени Очирова	15 киб.
<i>хош</i> + <i>цагарак</i> — Балдан Цаганова	24
Дорджи Дорджиева	57
Зюнгаров + (цагарак) Бадма Ендонова	57
<i>Тамга маля</i> — Басан Очиров	12
Очир Цо-Аршиева	17
Мухур Ормыков	22
Бальгка Дондукова	21
+ Налха Гахаева	14
Гахымов	
Шабинерова рода зайсанга Кортка Харцу	32 киб.
Токта Дакбаева	21 киб.
<i>чжунгру</i> — Сарынг Мукулбенова	12
Дакба Бооджиева	20
Дорджи Умкенова	11
<i>дегре</i> — Ачинерова рода Натыр Му Шараева	152
Тохон Кесекова рода — Дорджи Халгаева	42

¹ Здесь и далее названия улусов приводятся автором в форме родительного падежа.

<i>тот же</i> , как у Шабинеров — Эрдени Ользотеева	40
Яргачин Эркитенова рода Дорчжи Дарбышев	124
<i>турун (новый)</i> Менко Насун Очирова	27 (нов 34)
Сатхалова рода — Мууко Мазодаева	15
Шаракчин Нахилов	15
<i>толик</i> Ользете Яванова	8
<i>сам</i> Менко Цаган Сокова	15
Очир Бадмаева	15
Катышка Шара Манджиева	9
Кюскюр Манцаева	15
Амгулун Манханов	52
Зекин Кесиков рода — Цебден Цебекова	30
Замутова рода Самтана Шагаев	99
Роды, не имеющие родовых зайсангов	
Садхалова рода	15
Коточенерова рода (как у Сатхалова тамга Сам, но больше)	60
Итого:	1 198 киб.
По 44 коп. с кибитки	

Владельцы Хошоутовского улуса

Теленгутова рода зайсанга Сага Мусаев	62 киб.
Эрдни Амур Тегусов	63
Менко Насуна Бончикова	198
Джал Хазлаева	72
Керетова — Бату Тере Сор	219
Бата Мирзаева	9
Наследника зайсанга Кишикте Очир Цюрюмов	30
Донгутова рода зайсанга Намру Точиева	62
Урунгусова рода зайсанга Цебека Точиева	56
Бага Цохуровского рода Очир Улюмджиева	164
Шонхур Цаган Халгаева	113
Эркетенова рода зайсанга Шатлык Муджиева	64
Нарын Маниковы	6
Менке Церен Норбо Доржиев	33
Хара Манджи Аршиева	64
Ики Хошутова рода — Жильдже Джимбо Джимцуев	11
Роды, не имеющие родовых зайсангов	
Цагалаева рода	107
Хойдутова рода	72
Шонгутова рода	23
Мергечутова рода	22
Хахачинова рода	15
Чигачинерова рода	28
Шебинеров ⁴ рода	22
Итого	1 810

5) Влад. Малодербетовского улуса:

Барунова рода зайсанга Туркмюд Мукукенева	82
---	----

Балдан Мукубенева	67
Сарын Окл	46
Шарап Джомбо Уту Насунова	15
Ака	
Кутор Боджиева	3
Тере Менкоева	161
Бадма Сумьянова	110
Самтана Кюбючиева	3
Улюмджи Цюрюмова	79
Бадма Мантыкова	53
Джамбо Деликова	44
Очир Намбаева	42
Менко Ноостаева	28
Арши Кююконова	27
Бадма Джомбаева	23
Джап-Боро Мангнаева	21
С Му Кююкюнова	17
Санджи Шонхорова	17
Дель	15
Умке Мухлаева	11
Кюрте Сайхан Манжиева	1-
Такунова рода зайсанга Оргечке Джамбаева	88
Убуши Урубжурова	81
Убуши Алангашева	35
Цебек Боро Манжиева	135
Санжи	
Убуши Му Нохаета	35
Митер Лиджиева	33
Бадма Бююбеева	73
Улюмджи Нимаева	6
Цебек Талтангова	73
Эрдни Культюгиева	16
Боба Кузютюгиева	16
Шоры Цекирова	7
Ильжирмыка Каоджиева	38
Церен Джап Шолдаева	28
Нима Яванова	15
Кобко Зодбаева	14
Бадма Арлуева	58
Менко Джиргал Бооджиева	52
Теске Баклатаева	50
<нрзб> Джамбаева	38
Зюнева рода зайсаанга Джимбе Баклаева	203
Цульцума Му Басынова	202
ДжимбДжистанова	182
Зенеджина Дондокова	133
Улюмжи Кирипова	58
Кормыка Шарапова	58
Чедыра Аржуева	58

Данилы Улюмжиева	43
Оргодыка Бокдняева	30
Бадма Нимгирова	18
Арабдона Ландыкова	17
Бакшин Шабинерова рода — Барынча Габун Шарапова	184
Абганерова рода — Джапа Кутузова	193
Уту Насуна Манцаева	121
Басына Тарахакова	157
Роды, не имеющие родовых зайсангов	
Бурул Шюдючинерова	20
Токтун Цоросова	22
Туктун Токчинерова	18
Дунду Хурул Шибинерова рода	468
Ики Хурул Шибинерова рода	
Бага Хурул Шибинерова рода	
Дунду Ламин Шибинерова рода	
Бага Ламин Шибинерова рода	
Бокд (нрзб) Шебинерова рода	
Абган	
Ики (нрзб) Шебинерова рода	
Итого:	5 043 киб.

Влад. Большедербетовского улуса

Ики Туктунова рода зайсанга	
зайсанга Шара Манджи Мончинова	45
Абганерова рода зайсанга Ходжи Худомонкова	24
Баго Туктунова зайсанга Ноход Генденова	16
Дамбо Му Кекенова	86
Будуршенгова рода зайсанга Догдона Киш	95
Ики Цоносова рода зайсанг Зонджина Габун Нормаева	190
Роды, не имеющие зайсангов	
Абганеров	12
Абганар Гаханкинова	30
Будун Чинерова	20
Бага Барулов	90
Цоросов	39
Ходо	24
Шеретов род	24
Кебетов род	19
Тарачинов род	21
Итого:	812 киб.

Харахусо-Эрдениевский улус

Гурбутова рода зайсанг Шара Зунгру	10
Шара Манджи Басанова	22
Дарбык Халаева	59
Харахусова рода зайсанга Эрдни Дамбилева	327

Ангучинова рода зайсанга Бюбе Самтанова	108
Эрдниевского улуса	
Гурбутова рода зайсанга Нарын Этиева	15
Осора Данжинова	47
Цатанова рода зайсанга Дорджи Самтанова	116
Бабанкинова рода зайсанга Хамура Чимбилева	58
Шебинеров Замутова рода Цебек Дорджи Самтанова	167
Батутова рода зайсанга Балзана Чинева	44
Джамбанкинова рода зайсанга Габун Шарапова	22
Сатхалова рода	34
Итого	1 065
Подвластные многопоместного владельца	
Хошоутовского рода Санджи Батырова	56
Торгоутова рода Очир Эрдни Н	11
Церен Убуши Дугарова	26
Церен Убуши Шарапова	22
Дорджи Убуши Буюнтукова	25
Михаил Гундукова	16
Тапка Бесняева	36
Натыра Таганова	7
Итого:	199

Источник: [НБ СПбГУ. Сalm С23. Инв. № 1877/33].

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94 (517.3)

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-83-94

**«Серебряный путь» из Европы в Азию:
роль Кяхтинского отделения Русско-Китайского банка
в экспорте драгоценных металлов в Цинскую империю**

Алдар Амаголонович Ширапов¹, Анна Максимовна Плеханова²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник

 0000-0002-5910-3501. E-mail: agmaren[at]mail.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заместитель директора по научной работе

 0000-0002-6573-4262. E-mail: plehanova.am[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Ширапов А. А., Плеханова А. М., 2023

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена истории экспортно-импортных операций с драгоценными металлами между Российской и Цинской империями в XIX – начале XX вв. Особое внимание сосредоточено на деятельности Русско-Китайского банка, отделения которого, расположенные в российско-монгольском трансграничье, участвовали в организации торговли серебром с Китаем. Задачи исследования состоят в выявлении причин, условий и механизма транзита серебра из Европы в Китай и определении роли Русско-Китайского банка в этом процессе. *Материалы и методы.* Источниковой базой исследования являются нормативно-правовые документы, отчеты Русско-Китайского банка и неопубликованные делопроизводственные и статистические материалы фонда Кяхтинской таможни и фонда личного происхождения кяхтинского купца 1-й гильдии М. Ф. Немчинова, хранящиеся в Государственном архиве Республики Бурятия. В работе использован ряд специально-исторических методов и подходов, важнейшими из которых являются принцип историзма и метод системного анализа, позволившие авторам установить взаимосвязь между происходившими во второй половине XIX – начале XX в. геополитическими процессами в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и активизацией российско-китайской торговли драгоценными металлами. *Результаты.* В статье реконструирован механизм экспорта драгоценных металлов из Западной Европы в Цинскую империю, налаженный Русско-Китайским банком в российско-монгольском трансграничье. Ослабление позиций Цинской империи в конце XIX в. и изменение баланса сил во Внутренней Азии обусловили изменение геополитической ситуации в регионе. Смена вектора внешней

политики в направлении стран Азиатско-Тихоокеанского региона позволила Российской империи проводить на рубеже XIX–XX вв. успешную экономическую экспансию на территории Китая. Самодержавию удалось, используя специально созданный «инструмент» в лице Русско-Китайского банка, занять прочные позиции на внутреннем рынке драгоценных металлов. Умелое сочетание продуманной торговой стратегии с различными таможенными преференциями со стороны российского правительства позволило наладить крайне выгодный бизнес, основанный на транзите драгоценных металлов из Европы и Китай. Ведущую роль в обеспечении трафика серебра сыграло Кяхтинское отделение Русско-Китайского банка, организовавшее бесперебойные поставки драгоценного металла.

Ключевые слова: Русско-Китайский банк, Кяхтинское отделение, Цинская империя, Монголия, купечество, торговля, серебро

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания, проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)» (номер госрегистрации: 121031000243-5).

Для цитирования: Ширапов А. А., Плеханова А. М. «Серебряный путь» из Европы в Азию: роль Кяхтинского отделения Русско-Китайского банка в экспорте драгоценных металлов в Цинскую империю // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 1. С. 83–94. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-83-94

‘Silver Road’ from Europe to Asia: Kyakhta Office of the Russo-Chinese Bank in Precious Metals Exports to the Qing Empire

Aldar A. Shirapov¹, Anna M. Plekhanova²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Junior Research Associate

 0000-0002-5910-3501. E-mail: agmaren[at]mail.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Leading Research Associate, Deputy Director

 0000-0002-6573-4262. E-mail: plehanova.am[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Shirapov A. A., Plekhanova A. M., 2023

Abstract. Introduction. The article deals with exports and imports of precious metals between Russia and the Qing Empire in the 19th and early 20th centuries. Special attention is paid to activities of the Russo-Chinese Bank that established its offices across Russia-Mongolia frontiers for the latter to arrange silver trade with China. *Goals.* The paper aims to reveal actual causes, conditions and mechanisms of silver transit from Europe to China — and identify the role played by the Russo-Chinese Bank therein. *Materials and methods.* The study examines statutes and regulations, reports of the Russo-Chinese Bank, and previously unpublished records management and statistical documents stored at the State Archive of Buryatia (Collection of Kyakhta Customs Station and that of Kyakhta-based first-guild merchant M. Nemchinov, respectively). The work employs a number of historical research methods, special emphasis be

laid on the principle of historicism and the comprehensive analysis method that have proved instrumental in interrelating the mid-to-late nineteenth and early twentieth century geopolitical events across Asia-Pacific — to the intensification of Russia-China precious metals trade. *Results.* The paper virtually reconstructs the mechanism developed by the Russo-Chinese Bank in Russia-Mongolia frontier territories to export precious metals from Western Europe to the Qing Empire. *Conclusions.* The late nineteenth-century weakening of the Qing Empire and subsequent changes in the balance of power across Inner Asia significantly modified the region's geopolitical agenda. The altered vectors of external policies towards Asia Pacific enabled the Russian Empire to successfully expand its economic presence in China at the turn of the 20th century. The Tsarist government did succeed in holding strong positions in China's market of precious metals via a specially created 'tool' — the Russo-Chinese Bank. The efficient combination of Russia's smart trade strategies and special customs preferences yielded a highly profitable business of precious metals transit from Europe to China. And it was Kyakhta Office of the Russo-Chinese Bank that played a key role in securing uninterrupted supply of precious metals.

Keywords: Russo-Chinese Bank, Kyakhta office, Qing Empire, Mongolia, merchants, trade, silver

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000243-5 'Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic, and Cross-Cultural Interaction, 17th–21st Centuries'.

For citation: Shirapov A. A., Plekhanova A. M. 'Silver Road' from Europe to Asia: Kyakhta Office of the Russo-Chinese Bank in Precious Metals Exports to the Qing Empire. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(1): 83–94. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-83-94

Введение

История торговых отношений между странами Европы и Китаем насчитывает уже более двух тысячелетий — с начала стабильного функционирования во II в. до н. э. первых караванных маршрутов Великого шелкового пути [Латов 2010: 123]. Из Поднебесной в Европу отправлялись в основном шелк и фарфор, в обратную сторону шли преимущественно драгоценные металлы — золото и серебро. Еще во времена правления римского императора Аврелиана (270–275 гг. н. э.) фунт китайского шелка по стоимости равнялся фунту золота [Петров 1995: 47].

С началом эпохи Великих географических открытий на рынках европейских стран стал стремительно расти спрос на товары из Китая. В течение первой половины XVII в. только в Голландию было поставлено свыше 3 млн изделий из фарфора [Ляхович 2017: 251].

Кроме того, с XVI в. в номенклатуре китайского экспорта значительную долю стал занимать новый продукт — чай. К XVII в. в Европе и России сформировался рынок китайского кирпичного чая. В качестве оплаты за свои товары китайские предприниматели принимали в основном серебро. К началу XVII в. с завершением правительством династии Мин реформы внутреннего налогообложения серебро стало основной денежной единицей страны, что сделало Китай его главным мировым потребителем [Flynn, Giraldez 1995: 208]. По самым скромным оценкам, на протяжении XVI–XVII вв. европейские предприниматели ежегодно ввозили на территорию Китая около 150 т серебра [Flynn, Giraldez 1995: 203].

Данная ситуация, имевшая негативные последствия для экономики европейских стран, сохранялась вплоть до второй половины XIX в. Как отмечал английский экономист XVII в. Э. Мисслден, «деньги, которые вывозятся для торговли с нехристианскими народами <...> всегда расходуются и никогда не возвращаются назад» [Петров 1995: 64].

Россия в отличие от европейских стран включилась в торговлю драгоценным металлом с Цинской империей достаточно поздно — лишь в середине XIX в. В числе центральных поставщиков серебра был Русско-Китайский банк. Одно из его отделений — Кяхтинское — регулярно отправляло драгоценный металл в Цинскую империю.

Выявление причин, условий и механизмов транзита серебра из Европы в Китай, определение роли Русско-Китайского банка в этом процессе являются задачами данного исследования.

Материалы исследования

Источниковой базой исследования стали неопубликованные документы, хранящиеся в Государственном архиве Республики Бурятия. В фондах 102 «Кяхтинская таможня Министерства финансов, г. Троицкосавск Прибайкальской губернии» и 111 «Немчинов Михаил Федорович, кяхтинский купец 1 гильдии, сл. Кяхта, Забайкальская область» были исследованы материалы, позволившие реконструировать механизм экспорта драгоценных металлов из Западной Европы в Цинскую империю, организованного Русско-Китайским банком через российско-монгольское трансграничье. На основе нормативно-правовой документации, содержащейся в Полном собрании законов Российской империи, выявлены изменения политики самодержавия в отношении экспорта драгоценных металлов из России в Цинскую империю. Годовые отчеты и Устав Русско-Китайского банка стали ценным источником информации об истории организации учреждения, основных направлениях и результатах его финансово-кредитной деятельности. Статистические данные, содержащиеся в «Кратком очерке возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений через Кяхту», позволили не только проследить динамику экспорта драгоценных металлов из России в Цинскую империю в XIX в., но и установить размер потребности китайской экономики в серебре как наиболее ликвидном средстве расчета.

«Ввиду острой нехватки серебряных монет...»

Вплоть до XVIII столетия на территории России не велась добыча драгоценных металлов, в связи с чем одним из основных предметов импорта были иностранные монеты, из которых после переплавки изготавливались собственные [Муравьева 2001: 86]. Поэтому для России важное значение имели торговые отношения с Китаем, официально установленные в 1689 г. после ратификации положений Нерчинского договора [Александров 1984: 190–191]. Из пределов Цинской империи в обмен на русские меха поставлялись фарфор, драгоценные камни, ремень, шелк, а также золото и серебро в слитках [Романова 2014: 108].

В отличие от европейских стран, экспортировавших в Китай серебро, Россия, наоборот, его импортировала. Подобная ситуация сохранялась даже после

введения в строй отечественных сереброплавильных заводов, первый из которых — Аргунский — был открыт еще в 1704 г. [Изгачев 2009: 14]. В 1800 г. специальным законопроектом было запрещено вести расчеты с китайскими купцами наличными деньгами, что было вызвано стремлением правительства Российской империи не допустить утечки драгоценных металлов из страны [ПСЗРИ 1830: 75].

В 1830-е гг. масштабные поставки опиума британской Ост-Индской компанией в Цинскую империю привели экономику последней к рецессии и установлению отрицательного торгового баланса. По требованию англичан расчет за опиум должен был проводиться наличными деньгами, изготовленными из драгоценных металлов [Петров 2008: 141].

К середине XIX в. ежегодные потери китайского бюджета составляли около 10 млн лян серебра [Краткий очерк 1896: 54]. Столь значительный отток ликвидной наличности привел к замедлению темпов роста экономики державы [Петров 2008: 142].

Попытки Китая противодействовать торговле наркотиками привели к поражению страны в Первой опиумной войне 1840–1842 гг. Выплата Британской империи контрибуции в размере 6 млн долларов и открытие внутреннего рынка страны для английских предпринимателей еще более серьезно подорвали финансовый сектор страны [Treaties 1908: 7–12]. Как результат, на внутреннем рынке Китая резко вырос спрос на драгоценные металлы. В сложившейся ситуации русские предприниматели при поддержке правительства страны наладили канал поставок серебра в Цинскую империю [Краткий очерк 1896: 54].

Несмотря на запрет властей продавать за рубеж золотые и серебряные монеты российской чеканки, в приграничных районах империи достаточно быстро был налажен криминальный бизнес по их нелегальному экспорту. Одним из мест, откуда, по свидетельству современника, русские металлические деньги вывозились «всеми мыслимыми и немыслимыми» способами — «в экипажах с двойным дном, с потаенными ящичками в оглоблях, осях, хомутах, дугах...» — стала Кяхта [Стахеев 1869: 93]. Значительный риск полностью окупался солидной прибылью. За один золотой полуимпериал номиналом пять рублей можно было приобрести китайские товары на сумму до девяти рублей [Стахеев 1869: 93].

В 1855 г. ограничения на вывоз из России драгоценных металлов были отменены [ПСЗРИ 1856: 528–529]. В Монголию, входившую в состав Цинской империи, ежегодно стали поступать значительные партии золотых и серебряных монет. С 1857 по 1861 гг. из России через Кяхту было вывезено свыше 2 млн серебряных монет на сумму 3,5 млн руб., более 56 тыс. золотых червонцев и полуимпериалов стоимостью около 337 тыс. руб. [Крит 1862: 51–52].

Кроме наличных денег, кяхтинскими купцами в Китай стали вывозиться и серебряные слитки. Только в 1855 г. на Нижегородской ярмарке ими было закуплено свыше 450 пудов драгоценного металла [Краткий очерк 1896: 54]. Заинтересованность русского купечества в ведении расчетов с китайскими предпринимателями драгоценными металлами заключалась в стремлении сломать невыгодную для них модель торговых отношений, основанную на меновой торговле. Ценовая политика Цинской империи, в основе которой лежали за-

вышенные цены на чай (главный экспортный продукт) и заниженные на предметы российского ввоза, для русского купечества оборачивалась большими убытками. Введение расчетов за китайские товары золотом и серебром из-за их острой нехватки на внутреннем рынке Цинской империи привело к обрушению цен на чай на 30–40 % [Курас, Кальмина, Михалев 2018: 12].

Как правило, серебро в Китай доставлялось силами частных лиц — купцов. Так, в апреле 1865 г. селенгинский купец 2-й гильдии М. Г. Кашицын ввез в Монголию через Кяхту «1 200 рублей серебром весом в 63 фунта». В качестве средств защиты предприниматель и его приказчик имели при себе ружье и револьвер [ГА РБ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 5. Л. 3]. Вывоз серебра в 1870–1880-е гг. приобрел массовый характер, составляя ежегодно около 2 млн руб. [Краткий очерк 1896: 80]. Ситуация в российско-китайской торговле серебром резко изменилась в начале 1890-х гг.

В последнем десятилетии XIX в. Российская империя кардинально изменила главный вектор своей внешнеполитической активности с традиционных — европейского и балканского — направлений в сторону азиатско-тихоокеанского. Основная причина столь резкого поворота заключалась в существенном подъеме экономики страны в 1890-е гг. Производство промышленной продукции увеличилось по сравнению с предыдущим десятилетием в два раза. Выплавка чугуна выросла в три раза. Империя вышла на первое место в мире по добыче нефти [Гладков, Зорина 2009: 76]. Установился устойчивый внешне-торговый баланс: перевес экспорта над импортом в среднем ежегодно составлял от 100 до 350 млн руб. Для поддержания столь впечатляющих темпов экономического роста требовались новые рынки сбыта отечественных товаров. Наиболее удобной и потенциально рентабельной в этом плане была Цинская империя, экономика которой находилась в состоянии глубокого кризиса [Лукоянов 2008: 119–120]. Проиграв войну Японии (1894–1895 гг.), страна уже не могла в полной мере проводить независимую экономическую политику.

В основу экономической стратегии российского самодержавия были положены идеи одного из наиболее влиятельных лиц в правительстве империи — министра финансов С. Ю. Витте. Выступая активным сторонником привлечения иностранных займов для модернизации экономики страны, С. Ю. Витте планировал погашать их за счет прибыли, полученной от торговых операций в Китае. Практическими инструментами реализации этой политики стали строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и создание Русско-Китайского банка [Курас, Кальмина, Михалев 2018: 26–27].

«Для производства торговых операций в странах Восточной Азии...»

Русско-Китайский банк, созданный указом императора Николая II 10 декабря 1895 г., стал совместным проектом российского правительства и крупных французских кредитных организаций — Лионский кредит, Готтинер и Ко, Парижская национальная учетная контора, Парижский и Нидерландский банк [Устав 1895: 3–4].

Участие зарубежных финансовых институтов обеспечило банк стабильным источником капиталов. Являясь «детищем» министерства финансов и лично С. Ю. Витте, учреждение получило чрезвычайно широкий круг полно-

мочий: кредитование бизнеса, открытие и обслуживание депозитных счетов, купля-продажа за свой счет и по поручениям частных лиц движимого имущества, ценных бумаг. Банк имел право открывать подписки на публичные займы, акции и облигации, осуществлять транспортировку товаров, принимать на хранение имущество своих клиентов [Устав 1895: 10–12].

Покровительство властных кругов Российской империи обеспечило Русско-Китайскому банку отличные стартовые условия. Уже к 1900 г. его сеть включала 29 отделений и 4 агентства, а общий оборот превышал 9 млрд руб. [Отчет 1901: 13]. К 1901 г. только на территории Цинской империи действовало 20 филиалов [Отчет 1902: 31, 35, 43]. В Китае банк получил широкие права, в том числе на постройку железных дорог и телеграфных линий, чеканку местной монеты — серебряного ляна [Устав 1895: 12]. В связи с последним обстоятельством особое значение в деятельности Русско-Китайского банка приобрели операции, связанные с драгоценным металлом.

От «серебряной лихорадки» к «золотому стандарту»

Вторая половина XIX столетия в истории глобального рынка серебра характеризовалась как время болезненных потрясений. Начавшийся в 1861 г. лавинообразный рост темпов добычи металла привел к тому, что к 1878 г. его мировое производство увеличилось в два раза и составило 2 388 т. В результате цена на серебро значительно снизилась. В 1861 г. стоимость золота по отношению к серебру составляла 1:19, в 1889 г. — 1:22, в 1892 г. — 1:28. Падение мировых цен привело к запрету использования серебряной монеты в Германии, где из оборота было изъято около 650 млн марок. Это еще более усугубило ситуацию и повлекло за собой прекращение чеканки серебряной монеты в Бельгии и Голландии, ограничение — во Франции и Италии. В 1892 г. казначейство США отказалось от обязательной закупки серебра, что спровоцировало новый обвал мировых цен на драгоценный металл [Ведерников 2016: 36–37].

Экономика Российской империи, в основе финансовой системы которой лежал принцип «серебряного стандарта», испытала серьезное потрясение. Как результат, во второй половине 1890-х гг. была проведена денежная реформа и осуществлен переход на золотомонетный стандарт, согласно которому финансовая система страны основывалась на использовании в расчетных операциях золотых монет.

В Цинской империи серебряный лян по-прежнему оставался главной платежной единицей. Возможность выгодно приобрести за подешевевший металл востребованные среди потребителей китайские товары привела к появлению на внутреннем рынке Цинской империи ряда зарубежных поставщиков серебра. Одним из них стал Русско-Китайский банк.

Кяхта — «серебряный трафик» Русско-Китайского банка

Операции с драгоценным металлом проводились Русско-Китайским банком согласно положениям Устава. Учреждение использовало серебро в качестве сырья для чеканки лянов, которые затем пускались в оборот на внутренний рынок страны. С этой целью только в 1904 г. банк ввез на территорию Цинской империи свыше 200 т серебра [Сунь 2018: 335]. Для поддержания

внушительных объемов поставок серебра в Цинскую империю учреждение закупало его в Великобритании и Германии [ГА РБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 759. Л. 3]. Часть выпущенных лянгов использовалась для закупки китайских товаров и их дальнейшей реализации. Например, четверть всего производимого в Китае шелка приобреталась банком и продавалась во Францию. Общий оборот данных операций составлял около 70 млн французских франков.

Другим направлением деятельности Русско-Китайского банка стало предоставление посреднических услуг третьим лицам. В связи с возросшей активностью за рубежом в конце 1890-х гг. российских торговцев драгоценным металлом власти империи обложили операции с серебром таможенной пошлиной: с 7 июня 1899 г. за каждый вывезенный фунт серебра следовало заплатить в российскую казну 5 руб. [ПСЗРИ 1902: 671]. В этой ситуации Русско-Китайский банк, пользуясь покровительством и предоставленными ему преференциями, стал предлагать своим клиентам, в первую очередь крупнейшим частоторговцам в лице торговых домов «Коковин и Басов», «Братья Иван и Николай Поляковы», «Ф. Деньгин и Н. Мамонов», возможность проводить данные операции без лишних финансовых потерь.

Российские предприниматели приобретали драгоценный металл в странах Западной Европы. При пересечении впускной таможни на западной границе империи за металл вносился залог в размере причитающейся за него пошлины. Далее груз следовал до Кяхтинской впускной таможни, откуда после осмотра и проверки серебро отправлялось в Монголию, а внесенный залог подлежал возврату [ГА РБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 90. Л. 1, 3–3об.].

Русско-Китайский банк контролировал транспортировку драгоценного металла на всех этапах, начиная с впускной таможни и заканчивая пересечением груза российско-монгольской границы. Груз из Германии поступал в пределы Российской империи через Вержболовскую таможню (совр. г. Вирбалис, Литовская Республика), где его принимали сотрудники банка и после проверки и опломбирования отправляли железнодорожным транспортом в следующую контрольную точку — Иркутск [ГА РБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 156. Л. 1]. Здесь служащими местного отделения банка серебро проходило вторичный осмотр, после чего отправлялось в Верхнеудинск [ГА РБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 759. Л. 36]. Сотрудники банка в Верхнеудинске, получив и проверив груз, отправляли его имперской почтовой службой в Кяхту. На заключительном этапе специально уполномоченный служащий Кяхтинского отделения банка, как правило, кассир, принимал под расписку серебро в местной почтово-телеграфной конторе [ГА РБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 259. Л. 4]. Затем металл отправлялся на таможенный склад. Сотрудник банка составлял прошение о проведении процедуры осмотра груза в таможенное управление, после чего таможенниками производилась его проверка в присутствии доверенных лиц клиентов банка [ГА РБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 156. Л. 24]. После осмотра и подтверждения соответствия груза указанной в сопроводительных документах информации драгоценный металл отправлялся в Монголию [ГА РБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 156. Л. 4].

Как правило, русские купцы ввозили европейское серебро в Монголию большими партиями. В телеграмме агента Русско-Китайского банка из Вержболово от 13 мая 1906 г., адресованной коллегам в Кяхте, сообщалось о гото-

вившейся к отправке очередной посылки, состоявшей из 179 паков (тюков) серебра весом свыше 50 пудов. Стоимость груза оценивалась на сумму свыше 50 тыс. золотых рублей [ГА РБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 259. Л. 17, 35]. К сожалению, мы не располагаем исчерпывающими данными об общем объеме ежегодно экспортировавшегося через Кяхтинское отделение банка серебра. Можем лишь утверждать, что цифры были значительными. Только с января 1900 г. по апрель 1902 г. через Кяхтинское отделение банка было вывезено около 3 600 пудов драгоценного металла [ГА РБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 759. Л. 64об., 65об.; ГА РБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 90. Л. 3об., 5об., 10об., 17об.; ГА РБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 156. Л. 2об., 3, 13].

Вплоть до реорганизации Русско-Китайского банка в Русско-Азиатский (1910 г.) российские и зарубежные филиалы учреждения продолжали проводить финансовые операции с драгоценными металлами [Отчет 1908: 10]. Предположительно, банк успешно экспортировал серебро через Кяхту до 1907 г. В учетной книге таможи отмечается, что «с марта по ноябрь сего года отправки за границу золота и серебра в слитках и монетах российской и иностранной чеканки в интересах Русско-Китайского банка не было» [ГА РБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 353. Л. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8]. Причина прекращения вывоза серебра Кяхтинским отделением была вызвана последствиями русско-японской войны 1904–1905 гг. Разорение в ходе военных действий территорий Северного и Центрального Китая, где располагались главные активы банка и проводились наиболее прибыльные кредитно-финансовые операции, вызвало падение торговых оборотов клиентов банка и нанесло учреждению тяжелые финансовые потери. Дополнительную сложность добавило падение курса стоимости серебра. Убытки составили более 7 млн руб. [Отчет 1908: Доклад Правления].

Заключение

Смена вектора внешней политики Российской империи в направлении стран Азиатско-Тихоокеанского региона позволила проводить на рубеже XIX–XX вв. успешную экономическую экспансию на территории Китая. Воспользовавшись кризисной ситуацией в Цинской империи, самодержавию удалось, используя специально созданный «инструмент» в лице Русско-Китайского банка, занять прочные позиции в финансовом секторе страны, в частности на внутреннем рынке драгоценных металлов. Россия, достаточно поздно (во второй половине XIX в.) включившаяся в легальную торговлю драгоценными металлами, сумела уже в начале XX в. занять ведущие позиции в экспорте серебра в Цинскую империю. Умелое сочетание продуманной торговой стратегии с различными таможенными преференциями со стороны российского правительства позволило наладить крайне выгодный бизнес, основанный на транзите драгоценных металлов из Европы и Китая. Ведущую роль в обеспечении трафика серебра сыграло Кяхтинское отделение Русско-Китайского банка, организовавшее бесперебойные поставки драгоценного металла.

Источники

ГА РБ — Государственный архив Республики Бурятия.
Краткий очерк 1896 — Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений чрез Кяхту / Издание кяхтинского купечества. М.: Типо-лит. тов-ва И. Н. Кушнерев и Ко., 1896. 90 (27) с.

- ПСЗРИ 1830 — Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]: в 45 тт. Т. XXVI. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 875 с.
- ПСЗРИ 1856 — Полное собрание законов Российской империи [Собрание 2-е. С 12 декабря 1825 по 28 февраля 1881 гг.]: в 55 тт. Т. XXX. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1856. 778 с.
- ПСЗРИ 1902 — Полное собрание законов Российской империи [Собрание 3-е. С 1 марта 1881 по 1913 гг.]: в 33 тт. Т. XIX. СПб.: Гос. тип., 1902. 1347 с.
- Отчет 1901 — Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1900 г. СПб.: Типо-лит. Ц. Крайз и Ко, 1901. 36 с.
- Отчет 1902 — Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1901 г. СПб.: [б. и.], 1902. 53 с.
- Отчет 1908 — Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1907 г. СПб.: Якорь, 1908. 24 с.
- Устав 1895 — Устав Русско-Китайского банка. СПб.: Тип. А. Бенке, 1895. 39 с.
- Treaties 1908 — Treaties, &C., between Great Britain and China, and between China and Foreign Powers; and Orders in Council, Rules, Regulations, Acts of Parliament, Decrees, &c., Affecting British Interests in China. In force on the 1st January, 1908 / compiled E. Hertslet. London: Printed for H. M. Stationery off., by Harrison and sons, 1908. Vol. 1. 208 p.

Sources

- State Archive of the Republic of Buryatia.
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire [Collection One: From 1649 to 12 December 1825]. In 45 vols. Vol. 26. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancery (Second Section), 1830. 875 p. (In Russ.)
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire [Collection Three: From 1 March 1881 to 1913]. In 33 vols. Vol. 19. St. Petersburg: State Printing House, 1902. 1347 p. (In Russ.)
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire [Collection Two: From 12 December 1825 to 28 February 1881]. In 55 vols. Vol. 30. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancery (Second Section), 1856. 778 p. (In Russ.)
- Hertslet E. (comp.) Treaties, &C., Between Great Britain and China, and Between China and Foreign Powers; And Orders in Council, Rules, Regulations, Acts of Parliament, Decrees, &C., Affecting British Interests in China. Vol. 1: In Force on the 1st January, 1908. London: Harrison and Sons, 1908. 208 p. (In Eng.)
- Russo-Chinese Bank: 1900 Operations Reports. St. Petersburg: Z. Kreis & Co., 1901. 36 p. (In Russ.)
- Russo-Chinese Bank: 1901 Operations Reports. St. Petersburg, 1902. 53 p. (In Russ.)
- Russo-Chinese Bank: 1907 Operations Reports. St. Petersburg: Yakor, 1908. 24 p. (In Russ.)
- Russo-Chinese Bank: Charter [and Articles]. St. Petersburg: A. Benke, 1895. 39 p. (In Russ.)
- The Emergence, Development and Current Conditions of [Russia's] Trade Relations with China via Kyakhta: A Brief Essay [by the Kyakhta Guild]. Moscow: I. Kushnerev & Co., 1896. 90 (27) p. (In Russ.)

Литература

- Александров 1984 — Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах: вторая половина XVII в. Хабаровск: Кн. изд-во, 1984. 275 с.
- Ведерников 2016 — Ведерников В. В. Сибирская горнопромышленная пресса рубежа XIX–XX вв. о ликвидации сереброплавильного производства и перспективах горного дела на Алтае // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 4(92). С. 34–41. DOI: 10.14258/izvasu(2016)4-04

- Гладков, Зорина 2009 — *Гладков И. С., Зорина И. Ю.* Развитие российской промышленности в XIX – начале XX веков // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 5. С. 72–76.
- Изгачев 2009 — *Изгачев В. Г.* Строительство первого Аргунского сереброплавильного завода в XVII в. // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2009. № 3. С. 9–16.
- Крит 1862 — *Крит Н. К.* Будущность кяхтинской торговли. СПб.: Тип. Арт. деп-та Воен. Мин-ва, 1862. 101 с.
- Курас, Кальмина, Михалев 2018 — *Курас Л. В., Кальмина Л. В., Михалев А. В.* Капитаны российской восточной политики: рубеж XIX–XX вв. Иркутск: Оттиск, 2018. 112 с.
- Латов 2010 — *Латов Ю. В.* Великий шелковый путь — пролог мировой экономики и глобализации: (К 2130-летию его «открытия») // Историко-экономические исследования. 2010. Т. 11. № 1. С. 123–140.
- Лукоянов 2008 — *Лукоянов И. В.* «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. 662 с.
- Ляхович 2017 — *Ляхович Е. В.* Истоки проникновения китайского фарфора в Европу // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2017. Т. 9. № 3. С. 246–254. DOI: 10.21638/11701/spbu13.2017.302
- Муравьева 2001 — *Муравьева Л. А.* Экономика и финансы России в XVII веке: исторический аспект // Финансы и кредит. 2001. № 4(76). С. 81–87.
- Петров 1995 — *Петров А. М.* Великий шелковый путь (о самом простом, но мало известном). М.: Вост. лит., 1995. 127 с.
- Петров 2008 — *Петров Г. Ю.* Опиумные войны и легализация наркопотребления в Китае нового времени // Историко-экономические исследования. 2008. Т. 9. № 2. 140–150.
- Романова 2014 — *Романова Г. Н.* Становление российско-китайских торговых связей (XVII – первая треть XVIII в.) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2014. № 2. С. 101–112.
- Стахеев 1869 — *Стахеев Д. И.* За Байкалом и на Амуре: Путевые картины. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1869. 347 с.
- Сунь 2018 — *Сунь И.* Эмиссионная политика Русско-Китайского (Азиатского) банка в Китае в конце XIX – начале XX века // Мавродинские чтения – 2018: сб. ст. всерос. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения проф. В. В. Мавродина (г. Санкт-Петербург, 29–31 октября 2018 г.) / под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 334–337.
- Flynn, Giraldez 1995 — *Flynn D. O., Giraldez A.* Born with a «Silver Spoon»: The Origin of World Trade in 1571 // *Journal of World History*. 1995. Vol. 6. № 2. Pp. 201–221.

References

- Aleksandrov V. A. Russia in the Far Eastern Frontiers: Mid-to-Late 17th Century. Khabarovsk: Khabarovsk Book Publ., 1984. 275 p. (In Russ.)
- Flynn D. O., Giraldez A. Born with a “silver spoon”: The origin of world trade in 1571. *Journal of World History*. 1995. Vol. 6. No. 2. Pp. 201–221. (In Russ.)
- Gladkov I. S., Zorina I. Yu. Development of Russia’s industries: 19th to early 20th centuries. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2009. No. 5. Pp. 72–76. (In Russ.)
- Izgachev V. G. From the history of Transbaikalian industry: Building the first Argun silver-refining plant in the XVIIth century. *Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo*. 2009. No. 3. Pp. 9–16. (In Russ.)
- Krit N. K. Future Prospects of Kyakhta Trade. St. Petersburg: Ministry of War (Artillery Dept.), 1862. 101 p. (In Russ.)

- Kuras L. V., Kalmina L. V., Mikhalev A. V. Captains of Russia's Oriental Policies at the Turn of the 20th Century. Irkutsk: Ottisk, 2018. 112 p. (In Russ.)
- Latov Yu. V. The Silk Road as a prologue to the world economy and globalization: Celebrating the 2130th anniversary. *Journal of Economic History & History of Economics*. 2010. Vol. 11. No. 1. Pp. 123–140. (In Russ.)
- Lukoyanov I. V. 'To Keep Pace with World Powers ...': Russia in the Far East, Late 19th to Early 20th Century. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008. 662 p. (In Russ.)
- Lyakhovich E. V. Tracing the origin of Chinese porcelain in Europe. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2017. Vol. 9. No. 3. Pp. 246–254. (In Russ.) DOI: 10.21638/11701/spbu13.2017.302
- Muravyova L. A. Economics and finance in seventeenth-century Russia: A historical aspect. *Finance & Credit*. 2001. No. 4(76). Pp. 81–87. (In Russ.)
- Petrov A. M. The Silk Road: Insights into the Simplest Yet Least Known Things. Moscow: Vostochnaya Literatura (RAS), 1995. 127 p. (In Russ.)
- Petrov G. Yu. Opium Wars and legalization of drug consumption in modern China. *Journal of Economic History & History of Economics*. 2008. Vol. 9. No. 2. Pp. 140–150. (In Russ.)
- Romanova G. N. Shaping the Russia-Chinese trade relations (XVII – the first third of XVIII centuries). *Customs Policy of Russia in the Far East*. 2014. No. 2. Pp. 101–112. (In Russ.)
- Stakheev D. I. Beyond the Baikal and on the Amur: Travel Pictures. St. Petersburg: K. Wolf, 1869. 347 p. (In Russ.)
- Sun Yizhi. Emission policy of Russo-Chinese (Asiatic) Bank in China (End of the 19th century - beginning of the 20th century). In: Dvornichenko A. Yu. (ed.) Mavrodin Readings — 2018. Jubilee conference proceedings (St. Petersburg, 29–31 October 2018). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018. Pp. 334–337. (In Russ.)
- Vedernikov V. V. Siberian mining press of the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries about the liquidation of silver smelting production and perspectives of mining in Altai. *Izvestiya of Altai State University*. 2016. No. 4(92). Pp. 34–41. (In Russ.) DOI: 10.14258/izvasu(2016)4-04

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(571)/243

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-95-114

Буддийская конфессия в Российской империи во второй половине XIX в.

*Цымжит Пурбуевна Ванчикова*¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник

 0000-0002-1381-6186. E-mail: vanchikova_ts@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Ванчикова Ц. П., 2023

Аннотация. *Введение.* Вторая половина XIX в. характеризуется преобразованиями, начавшимися в период правления Александра II, которые затронули все стороны жизни российского общества и которые не могли не сказаться и на вероисповедной ситуации России рассматриваемого периода. В связи с этим в статье была поставлена *цель* — проанализировать религиозную ситуацию у бурят и калмыков в данный период, правовой статус буддистской церкви на основе документов и законодательных актов российского правительства, а также рассмотреть характер регулирования деятельности буддистского духовенства. При написании статьи были привлечены такие архивные *документы и материалы*, как законодательные указы Российского государства, статистические данные, материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., «Положение о ламайском духовенстве» 1853 г. *Методы.* Теоретико-методологическая база исследования основана на принципах научной объективности и историзма, использованы такие общенаучные методы исследования, как структурный, системный, а также методы исторических и религиоведческих исследований. Исследование проведено с учетом общего исторического контекста в истории Российской империи, рассмотрены положение буддийской конфессии среди монголоязычных народов России, бурят и калмыков, исповедующих буддизм, их правовой статус на основе законодательных актов, численность верующих, количество буддистских монахов и храмов, а также проанализирована специфика и особенности калмыцких и бурятских буддистских общин, их взаимоотношения с российскими властями в 1855–1897 гг. *Результаты.* Проведенный анализ правовых источников и материалов позволяет сделать вывод о том, что правительство при разработке конфессиональной политики руководствовалось вопросами не только религиозного, но и внешнеполитического порядка. Последний фактор напрямую соприкасался с экономическими интересами России в Азии, связанными с сохранением статуса-кво в сфере выгодной для России торговли с Китаем. Содержание рассмотренных документов свидетельствует о том, что их основной задачей было изолировать калмыков и бурят от буддистских центров и иерархов Монголии и Тибета, во-вторых, ограничить стремительное распространение буддизма среди них, в-третьих, установить контроль над церковью и регламентировать

хозяйственно-административную деятельность буддийских монастырей. *Выводы.* Несмотря на все ограничения, в рассматриваемый период истории буддизма в Российской империи у бурят и калмыков в социокультурном плане буддийские монастыри способствовали консолидации народа, становились центрами культурного диалога с соседними странами и народами. К концу XIX в. буддизм становится мощной религиозной и политической силой, оказывавшей влияние на жизнь бурят и калмыков и на становление их национального самосознания. Рассматриваемый период у бурят характеризуется укреплением единой буддийской церковной системы, независимой от зарубежных центров, с самостоятельным управлением, с сосредоточением полноты власти в руках единого главы буддистской церкви — пандита хамбо-ламы. У основной части калмыков, проживавших в Калмыцкой степи, «Положением по управлению калмыцким народом 1847 г. было введено единоначалие Ламы калмыцкого народа; в районе расселения локальной группы донских калмыков-казаков главой духовенства являлся старший Бакши-Лама.

Ключевые слова: буддизм в Российской империи, калмыки, буряты, пореформенный период, правовой статус

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственного задания «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии» (номер госрегистрации: 121031000263-3) и в рамках государственного задания Института российской истории РАН по написанию «Истории России с древнейших времен до наших дней».

Для цитирования: Ванчикова Ц. П. Буддийская конфессия в Российской империи во второй половине XIX в. // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 1. С. 95–114. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-95-114

Buddhism in the Mid-to-Late Nineteenth-Century Russian Empire

*Tsymzhit P. Vanchikova*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Chief Research Associate

 0000-0002-1381-6186. E-mail: vanchikova.ts[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2023

© Vanchikova Ts. P., 2023

Abstract. Introduction. The mid-to-late 19th century was witnessing transformations that had begun during the reign of Alexander II, and the former were to affect virtually all aspects of Russian public life — including those relating to the then religious situation. *Goals.* So, the article attempts analytical insights into religious affairs of Buryats and Kalmyks throughout the mentioned period, examines archival documents and legislative acts of the Russian Government to identify the legal status of the Buddhist Church, reviews some essentials pertaining to control over the Buddhist clergy. *Materials and methods.* The work considers a variety of archival documents, including statistical data and materials of the First General Census of the Russian Empire of 1897 and the Regulations on Lamaist Clergy (1853). Theoretically and methodologically, the study employs the principles of scientific objectivity and historicism, such general research approaches as structural and systems ones, including methods of historical and religious investigation. The study covers actual historical contexts, describes positions

of the Buddhist denomination among Mongolic peoples of Russia, i.e. Buryats and Kalmyks Buddhists, the latter's legal status, numbers of believers, monks and temples. Special attention is paid to specific features of Kalmyk and Buryat Buddhist communities, their relations with Russia's authorities in 1855–1897. *Results.* The completed analysis concludes that in domestic religious affairs the Government was guided not only by confessional issues proper but also by the then foreign policy agenda. The latter factor was directly related to Russia's economic interests in Asia — the maintenance of the status quo in advantageous trade with China. The examined documents attest to these were primarily aimed at isolating Kalmyks and Buryats from Buddhist centers and hierarchs of Mongolia and Tibet; secondly, at limiting the rapid spread of Buddhism; and thirdly, at establishing control over the Church and regulating economic and administrative activities of Buddhist monasteries. *Conclusions.* Despite all the restrictions, the examined period in the history of Buddhism across the Russian Empire was characterized by that Buddhist monasteries would consolidate Kalmyk and Buryat peoples and become centers of cultural interaction with neighboring countries and communities. By the late 19th century Buddhism became a remarkable religious and political force that had its impacts on lives of Buryats and Kalmyks — and largely shaped their ethnic identities. As for Buryats, the period was marked by a strengthening of the unified Buddhist church system that grew independent of foreign centers and developed individual governance tools completely concentrated in the hands of a single executive — Pandita Khambo Lama. The Regulations on Kalmyk People's Governance (1847) established some undivided clerical authority of the Lama of the Kalmyk People over the bulk of the ethnic community, except for the local group of Don Kalmyk Cossacks clerically headed by Senior Bakshi Lama of theirs.

Keywords: Buddhism in the Russian Empire, Kalmyks, Buryats, post-reform period, legal regulations, religious status

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment no. 121031000263-3 'Writing Traditions of Baikal Peoples in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia' (Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS); and also as part of the book project 'History of Russia: From Ancient Times to Present Days' (Institute of Russian History RAS).

For citation: Vanchikova Ts. P. Buddhism in the Mid-to-Late Nineteenth-Century Russian Empire. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(1): 95–114. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-95-114

Введение

Во второй половине XIX в. буддизм был распространен среди монголоязычных народов России — бурят и калмыков. Самая большая группа из них — буряты — проживала на территориях, расположенных вокруг озера Байкал, называемых сегодня этнической Бурятией, и подразделялась на западных и забайкальских. Калмыки в рассматриваемый период проживали на территории Калмыцкой степи Астраханской губернии, в 1860 г. ее часть была передана в Ставропольскую губернию, где составила Большедербетовский улус; крупная группа калмыков являлась населением калмыцких станиц области Войска Донского; кроме того, отдельные группы также были расселены в Оренбургской и Терской областях.

Вторая половина XIX в. характеризуется преобразованиями, начавшимися в период правления Александра II, которые затронули все стороны жизни российского общества и которые не могли не сказаться и на вероисповедной ситуации России рассматриваемого периода. В связи с этим в статье была поставлена *цель* — проанализировать религиозную ситуацию у бурят и калмыков

в данный период, правовой статус буддистской церкви на основе документов и законодательных актов российского правительства, а также рассмотреть характер регулирования деятельности буддистского духовенства.

Материалы и методы

При написании статьи были привлечены архивные документы и материалы, такие как законодательные указы Российского государства, статистические данные и материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., «Положение о ламайском духовенстве» 1853 г. Теоретико-методологическая база исследования основана на принципах научной объективности и историзма, использованы такие общенаучные методы исследования, как структурный, системный, а также методы исторических и религиоведческих исследований.

Буддизм у калмыков

Численность калмыков по официальным статистическим данным на 1862 г. насчитывала в Астраханской и Ставропольской губерниях 120 760 чел., на 1878 г. — 134 673 чел., в 1893 г. — 147 003 чел. [Очерки истории 1967: 261–262]. По Всероссийской переписи 1897 г. численность калмыков составляла 190 648 чел., из них 138 582 числились в Астраханской, 10 814 — в Ставропольской губерниях, 3 595 — в Терской области, 32 283 — в Области Войска Донского [Очерки истории 1967: 264].

По данным Всероссийской переписи населения, в Астраханской губернии всего насчитывалось 138 572 калмыка, из них 136 629 были буддистами [Оконова 2014: 27]. Всего в этой губернии по переписи числились 136 980 последователей буддизма [Оконова 2014: 24, 28].

Калмыки добровольно вошли в состав Российского государства в начале XVII в., здесь было образовано Калмыцкое ханство, просуществовавшее до 1771 г., когда большая часть народа во главе с наместником Убаши откочевала обратно в Центральную Азию. В период существования Калмыцкого ханства осуществлялись прямые контакты с Тибетом, тибетскими религиозными центрами; буддийское духовенство играло значительную роль в процессе формирования ханства и в его внутренней и внешней политике [Курапов 2018: 70–249; Бакаева 2019: 894].

В 1771 г. после откочевки большей части народа Калмыцкое ханство было ликвидировано, началось формирование новой системы административного управления оставшимися калмыками. Сначала калмыки, как и ранее, находились в ведении Коллегии иностранных дел. В 1800 г. последовало назначение наместника калмыцкого народа и главного Ламы, Павел I подписал «Жалованную грамоту „О свободном отправлении всех духовных обрядов калмыков“» [ПСЗРИ-I 1830, XXVI: 341; Горяев, Команджаев 2012: 117], что являлось подтверждением признания традиционной религии калмыцкого народа. Восстановлен был и совет Зарго — судебно-административный орган, решавший дела в соответствии с калмыцкими законами и обычным правом, который действовал в Калмыцком ханстве и был упразднен в 1786 г. [Горяев, Команджаев 2012: 115]. Но институт наместничества был восстановлен на краткий срок, после смерти наместника Ч. Тундутова в 1803 г. его должность была упразднена.

Последовали дальнейшие реформы [Горяев, Команджаев 2012: 115]. В 1801 г. был введен институт приставов, и главный пристав ведал всеми калмыцкими делами [Горяев, Команджаев 2012: 118].

В 1820-х гг. калмыки были переведены в ведение Министерства внутренних дел. Последовательно были приняты законодательные акты: «Правила для управления калмыцким народом» (10 марта 1825 г.), «Положение об управлении калмыцким народом» (24 ноября 1834 г.), «Положение по управлению калмыцким народом» (23 апреля 1847 г.), затрагивавшие большинство аспектов внутренней жизни калмыцкого общества [История Калмыкии 2009: 489–491; Бурчинова 1977: 27–32; Курапов 2017: 21; Курапов 2010: 262–268]. Эти акты имели статус законов и были включены в свод законов Российской империи [ПСЗРИ-I 1830, XL: 155–162; ПСЗРИ-II 1836: 18–40; ПСЗРИ-II 1848: 349–372].

Согласно «Правилам для управления калмыцким народом» 1825 г. [ПСЗРИ-I 1830, XL: 155–162], была учреждена Комиссия калмыцких дел (ККД) как орган управления в структуре губернского правления в Астрахани. В состав ККД входили, кроме других, два депутата, избравшихся от нойонов и духовенства, соответственно в комиссию был включен Лама. Комиссия калмыцких дел провела работу по сбору сведений о калмыцком духовенстве. Два представителя духовенства (каждые три года) должны были избираться также в Зарго [Бурчинова 1977: 27]. Как отмечает Г. Ш. Дорджиева, «„Правилами“ 1825 г. за калмыками было оставлено право на исповедание буддизма. В 1828 г. правительство вновь подтвердило ранее данное калмыцкому духовенству (в 1800, 1801, 1825 гг.) право на свободное отправление своих обрядов» [Дорджиева 2009: 233]. Но еще не был разработан порядок административного контроля над калмыцкой буддийской церковью [Оконова 2017: 86].

Принципы управления и контроля, правовой статус буддийского духовенства калмыков были определены в следующем законодательном акте — «Положении по управлению калмыцким народом» 1834 г. [ПСЗРИ-II 1836: 18–40], согласно которому ККД была реорганизована в Совет калмыцкого управления. Институт приставов заменялся теперь системой попечительства. Для организации контроля за деятельностью буддийского духовенства законодательным актом предусматривалось создание Ламайского духовного правления (создано в 1836 г.), во главе которого назначался Лама калмыцкого народа. На Ламайское духовное правление возлагались функции административного управления духовенством и контроля за буддийскими монастырями и численностью духовенства. Особое внимание уделялась штатному количеству хурулов и духовных лиц в них [ПСЗРИ-II 1836: 18–40].

С принятием «Положения по управлению калмыцким народом» 1847 г. [ПСЗРИ-II 1848: 349–372] царская администрация установила окончательный контроль над церковной организацией буддистов [Бакаева 1994: 39]. Структура управления, оформленная «Положением» 1847 г., сохранялась почти без изменений вплоть до 1917 г. Она отвечала основной имперской цели, направленной на адаптацию системы управления калмыками к общероссийским стандартам и интегрированию ее в губернское и общероссийское внутреннее административное устройство, одними из многочисленных мер и методов которой были христианизация и седентаризация калмыков [Горяев 2014: 93–100].

Общее управление калмыцкими делами возлагалось на Министерство государственных имуществ, конкретное управление осуществлялось управляющим Астраханской палатой государственных имуществ (АПГИ), который получал звание Главного попечителя калмыцкого народа и подчинялся руководителю Астраханской губернии.

Положение 1847 г. регламентировало деятельность буддийской церкви и было в целом направлено на ограничение ее деятельности и сокращение численности ее хурулов и духовенства. При этом оно предоставляло калмыкам свободу вероисповедания, обязанности духовного управления были разделены между АПГИ и Ламой калмыцкого народа, которого выбирали из кандидатур настоятелей (бакши) хурулов-монастырей, поддержанных владельцами улусов и местной губернской администрацией; утверждение Ламы калмыцкого народа производилось указом Сената с согласия Министерства государственных имуществ. Полномочиями упраздненного Ламайского духовного правления наделялся Лама калмыцкого народа [Бурчинова 1977: 31]. В «Положении» констатировалось: «Делами по духовной части заведывает Лама» [ПСЗРИ-II 1848: 357].

АПГИ отвечала за соблюдение общей численности хурулов и духовенства, т. е. контролировала их соответствие с разрешенным количеством, осуществляла надзор за законностью их деятельности и порядком, за правильностью отвода мест под пастбища для монастырского скота. Лама калмыцкого народа, который координировал свои действия с АПГИ, был ответственен за решение религиозных вероисповедных вопросов, таких как надзор за хурульным хозяйством и поведением буддийского духовенства, присуждение духовных званий, кадровых назначений, перемещений и поездок духовенства [ПСЗРИ-II 1848: 366–367]. При этом Лама был наделен и судебными полномочиями в решении семейных и брачных отношений [История Калмыкии 2009: 502]. Его полномочия распространялись на калмыков, расселенных на территории, получившей название «Калмыцкая степь», которая включала основные территории расселения калмыков и в административном отношении отнесенной к Астраханской губернии, но в 1860 г. один из улусов, территориально прилегавший к Ставропольской губернии, был отнесен к этой административно-территориальной единице. Локальные группы калмыков в области Войска Донского, в Терской области, а также в Оренбургской губернии (переселенных сюда из Ставрополя-на-Волге) калмыков были образованы в результате одновременной откочевки групп калмыков из основных улусов. В степи области Войска Донского калмыки откочевывали с XVII в. в результате разных событий, здесь они стали казаками, но сохранили буддийскую веру. Глава духовенства донских калмыков-казаков, находившихся в ведении Военного Министерства, был подотчетен руководству местной областной администрации и именовался Ламой донских калмыков или Бакши-ламой [Бакаева 1994: 39].

Группа терских калмыков была образована после откочевки 1771 г. в результате бегства калмыков одного улуса, которые обратились за помощью к астраханскому епископу и были переселены на Северный Кавказ, где были причислены к Моздокскому казачьему полку; продолжая тайно исповедовать буддизм, они со временем возвратились в лоно своей веры. Оренбургские калмыки являлись

потомками крещеных калмыков, которых переселили от сородичей-буддистов в Ставрополь-на-Волге; только в начале XX в. они добились права официально считаться буддистами.

«Положение» 1847 г., как и «Положение» 1834 г. и «Правила» 1825 г., законодательно закрепили принципы управления калмыцким народом, который был расселен в Калмыцкой степи — основной территории расселения калмыков в XIX в. Для управления вероисповедными делами законодательно для калмыков было введено единоначалие Ламы калмыцкого народа.

Каждый калмыцкий аймак имел свой хурул, в наиболее крупных аймаках было по несколько хурулов. В ответ на ограничительные меры царского правительства калмыцкое буддийское духовенство стало называть хурулами религиозные постройки внутри того или иного монастырского комплекса, объявлявшиеся самостоятельными хурулами. Так появились большие и малые хурулы, что способствовало увеличению общей численности и хурулов и служителей.

Надо отметить особенности использования некоторых слов и терминов в калмыцком буддизме, таких как, например, *хурул* вместо принятых в монгольском и бурятском буддизме терминов *хурээ*, *хийд* или *дацан* (у бурят) для обозначения буддийского монастыря (хотя в названиях хурулов встречался и термин *дацан* как «рацан»); *бакши*, которым назывались настоятели хурулов, вместо употребляемого термина *ширээтэ* у монголов и бурят; *лама* для обозначения высшего в иерархии духовенства; *хуварак*, *хувараки* — для названия буддийского монашества, которым в монгольском буддизме называются только монахи, имеющие низшие степени посвящений, а монахи именуются термином *лама*; *манджи* (манджик), которым обычно назывались послушники, хотя реже использовались и термины *банди* или *шаби* (ученик).

По «Правилам» от 4 марта 1838 г., правительство сократило штат духовенства до 2 650 чел., а хурулов — до 76 вместо реально имевшихся 5 270 священнослужителей и 105 хурулов. Но до принятия «Положения по управлению калмыцким народом» 1847 г. сокращение не было проведено [Дорджиева 2009: 234].

Продолжая политику по ограничению распространения буддизма, после принятия «Положения» 1847 г. правительство утвердило «Расписание хурулов и духовенства», которым предусматривалось сокращение количества хурулов до 67 (в каждом улусе по 3 больших и 5 малых), а численность монахов — до 1 656 служителей (в больших — по 36 чел., в малых — по 18 чел.) [Дорджиева 2009: 235; История буддизма 2010: 36], которые должны были иметь именные грамоты, подтверждавшие факт их зачисления в штат, все остальные духовные лица, не имевшие таких грамот, выводились из штата.

В 1855 г. числилось 76 хурулов и 1 855 служителей в них, т. е. фактически численность духовных лиц намного превышала разрешенное штатное расписание, в основном за счет института хурульных учеников и внештатных духовных лиц [Дорджиева 1995: 70]. Со временем калмыцкие монастыри-хурулы и часть высшего духовенства стали богачейшими собственниками земель и скота. Так, в 1874 г. хурулы одной Астраханской губернии владели 24 тыс. голов скота, в 1890 г. только в шести хурулах насчитывалось 15 114 голов крупного рогатого и мелкого скота, хотя фактически эти сведения обычно занижались — с целью уменьшения налогов [Дорджиева 1995: 70].

Этноконфессиональные особенности буддийской церкви у калмыков

Буддийская церковь у калмыков имела ряд этноконфессиональных особенностей, отличавших ее от других буддийских церквей монгольского мира, но она также играла огромную роль в их политическом, социальном и экономическом развитии [Китинов 2018: 19]. В XVII–XVIII вв. прямые связи с Тибетом определили значительное влияние тибетских традиций. После ликвидации Калмыцкого ханства в 1771 г. и сложения новой системы управления калмыцким народом в XIX в. вопросы вероисповедания калмыцкого народа регулировались законодательными актами, принятыми российской властью. В буддийской церкви калмыков, по «Положению по управлению калмыцким народом» 1847 г., было введено единоначалие Ламы калмыцкого народа. Его полномочия распространялись на калмыков, расселявшихся в Калмыцкой степи Астраханской губернии и в Большедербетовском улусе Ставропольской губернии. В организационном отношении духовенство хурулов калмыцких станиц области Войска Донского было подчинено Ламе донских калмыков, поскольку статус калмыков-казаков отличался от калмыков, проживавших на основной территории расселения этноса. Таким образом, в калмыцкой буддийской церкви было введено единоначалие Ламы калмыцкого народа. Сам титул свидетельствовал о том, что влияние Ламы распространяется на всех калмыков-буддистов. Вместе с тем независимыми от контроля Ламы калмыцкого народа являлись буддийские священнослужители донских калмыков, так как они расселялись в ином административном регионе, население которого составляло особое сословие.

В калмыцком буддизме традиция высших конфессиональных школ начинается с конца XIX в.¹ Известные школы *цаннита чойра* были открыты в 1907 и 1908 гг. при активном участии Агвана Доржиева, возглавлявшего в первые годы функционирования одну из высших конфессиональных школ в Калмыкии.

В XIX в. активно развиваются, наряду с кочевыми, стационарные монастыри. В Калмыкии складывается собственная архитектурная традиция, особенности которой охарактеризованы Д. Б. Пюрвеевым [Пюрвеев 1975: 56–85], возводятся уникальные храмы, отличающиеся и от монгольской, и от тибетской традиций. Особенно выделяется среди них уникальной архитектурой² Хошеутовский хурул (или Тюменевский), возведенный в 1814–1817 гг. в честь победы в Отечественной войне 1812 г. и благополучное возвращение воинов-калмыков из Заграничного похода российской армии. Храм построен в ставке Хошеутовского улуса, владельцем которого были князя Тюмени, по инициативе князя Серебджаба Тюменя — командира второго калмыцкого полка, принимавшего участие в этой войне и заграничном походе российской армии, прославившегося боевыми заслугами и дошедшего до Парижа. Согласно сведениям, приводимым Э. П. Бакаевой, он был построен братом С. Тюменя — Батур-Убаши, впечатленным от Казанского собора в Санкт-Петербурге, в котором в 1814 г. проходили торжества по случаю победы, «что он по возвращении осуществил

¹ История буддийского образования в Калмыцком ханстве недостаточно исследована: известно о существовании хурула с названием *Доджуд рацан*, что может косвенно свидетельствовать о наличии школ тантры.

² Хошеутовский хурул числится среди памятников истории и культуры России как «Калмыцкий хурул 1818 года» [Бакаева, Орлова и др. 2015: 96].

проект храма — „почти копию Казанского собора“. В том же году началось его строительство» [Бакаева 2015: 84], а уже в 1817 г. состоялось его освящение. В этом храме он соединил буддийские элементы и элементы архитектуры русского классицизма. Главный храм внутри был частично облицован мрамором, полы устланы паркетом. Для главного алтаря устроили особую нишу [Бакаева 2015: 84]. В соответствии с «Положением об управлении калмыцким народом» 1847 г. данный хурул считался «большим», потому в нем было разрешено увеличенное количество штатного духовенства.

У калмыков сохранились традиции родовых хурулов и системы взаимосвязи населения, составлявшего приход каждого храма, и его духовенства, с которым прихожан нередко связывали родственные отношения [Бакаева, Орлова и др. 2015: 95].

Особенностью Хошеутовского храма является то, что по форме он повторяет стилизованный родовой нойонов Тюменей знак древней тамги — *лук со стрелой*, поэтому Б.-У. Тюмень в своей ставке специально для строительства хурула организовал производство кирпичей, на каждом из которых была вытиснена тамга хошутских нойонов [Бакаева, Орлова и др. 2015: 96].

Одним из последних каменных храмов считается храм, построенный в Башанте Большедербетовского улуса в конце XIX в., по форме и конструктивным элементам, напоминающий русские церкви, кроме упрощенного портала, выполненного в традиционном буддистском стиле, вносящего национальный колорит [Пюрвеев 1987: 35]. Последним же храмом является построенный в 1914 г. на средства калмыцких прихожан при содействии Агвана Доржиева трехэтажный деревянный храм Будды медицины (Эмчин), во внешнем облике которого прослеживаются архитектурные элементы бурятских храмов [Пюрвеев 1987: 32].

Первым же стационарным хурулом в Калмыцкой степи был Багацохуровский хурул, деревянное здание которого было построено в 1798 г. в урочище Цаган-Аман, на левом берегу Волги, со временем превратившийся в большой храмовый комплекс [Пюрвеев 1987: 28]. Буддистские храмы Калмыкии в зависимости от используемых строительных материалов подразделялись на войлочные, деревянные, каменные и смешанные, а области их применения зависели от места их возведения и наличия материалов [Пюрвеев 1987: 26–27].

По данным канцелярии астраханского гражданского губернатора, в 1830 г. насчитывался 141 калмыцкий хурул, позднее в связи с сокращением численности духовенства уменьшалась и численность хурулов. Так, во второй половине 30-х гг. XIX в. отмечается наличие 105 хурулов. По штатам 1847 г. калмыцким улусам предписывалось иметь всего 67 хурулов, хотя фактически их было значительно больше¹ [Карагодин 1987: 11]. С 1859 по 1884 гг., несмотря на политику контроля и ограничения строительства храмов в Малодербетовском улусе, были построены 27 стационарных и молитвенных храмов, 133 дома для духовенства. Следует отметить разделение хурулов на большие и малые, когда почти каждый храм или религиозное сооружение внутри монастыря объявлялись отдельным хурулом, т. е. монастырем, что давало возможность

¹ Стоит отметить, что данные, приводимые в разных источниках, архивных документах, как о количестве хурулов и религиозных постройках, так и о количестве лам значительно разнятся между собой.

сохранить численность духовенства, несмотря на официальное принятие решения о сокращении штатов.

До принятия законов 1834 и 1847 гг. каждый хурул являлся самостоятельной структурой, всей административной, хозяйственной и богословской системой которых ведал багша [Орлова 2013: 14], формируются особенности национальной школы буддийской живописи и скульптуры, традиция изготовления буддийских изображений божеств в технике вышивания и аппликации [Батырева 2005: 33–35], чему способствовало ослабление контактов с буддистскими центрами Тибета и Монголии.

Активизация буддийской церкви, начавшаяся в самом конце XIX – начале XX в., была определена подъемом национального движения, восстановлением связей калмыцких буддистов с монгольскими и тибетскими, а также бурятскими буддистскими кругами, в которых огромную роль сыграл буддийский религиозный деятель, наставник, учитель и официальный представитель Далай-ламы XIII в России, бурят по национальности Агван Доржиев (1853–1938) [История Бурятии 2011: 338]. История буддистской церкви Калмыкии неразрывно связана с общей историей народа так же, как и история любого другого народа, бурятского в том числе.

К истории буддистской церкви у бурят во второй половине XIX в.

История бурят как неотъемлемая часть истории России с самого начала связана с кампанией по освоению Байкальской Сибири, входившей в геополитические интересы российского государства, которая проводилась с особой осторожностью и гибкостью. Политика Российской империи была направлена на приобщение бурятского населения к оседлости и занятию земледелием, на русификацию, которым способствовали распространение православия и попытки крещения западных бурят, пик которых пришелся на XIX в. В 1842 г. насчитывалось бурят мужского пола 93 673 ревизских душ. В Предбайкалье обитало 45 505 бурят, а в Забайкалье — 48 168 [ГА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 405. Л. 90–90об., 91]. «Всего же за 250 лет, прошедших со времени присоединения народов Сибири к России и до начала XX в., численность бурят возросла примерно в 10,6 раза» [Дамешек 2018, I: 118].

По данным переписи 1897 г., практически все бурятское население Забайкалья было буддистами, а в «Иркутской губернии насчитывалось 60 тыс. бурят-христиан, примерно 30 тыс. бурят исповедовали шаманизм и столько же — буддизм» [Дамешек 2018, II: 337].

В 1908 г. в Агинских степях, по данным Областного статистического комитета, буддистов было 38 784 чел., православных бурят — 296 чел., православных русских — 86 чел. В то же время в двух самых крупных дацанах Агинской степи насчитывалось 1 550 чел. [Труды Агинской экспедиции 1911: 11, 54].

Устав «Об управлении инородцев» 1822 г.

Юридическое положение бурят регулировалось рядом законодательных актов, основным из которых был Устав «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г., действовавший вплоть до конца XIX в. Анализ содержания устава свидетельствует о том, что в нем была сделана попытка урегулировать нацио-

нальные и конфессиональные отношения в рамках существовавшей системы, с учетом государственной политики, направленной на ассимиляцию коренного населения, упорядочение системы обложения местного населения повинностями и сборами, установление порядка взаимоотношения русской администрации с местным населением посредством учреждения трехступенчатой административной структуры (родовое управление, инородная управа, степная дума) законодательно определялись статус и права населения по сословиям. Тем самым система органов местного инородческого самоуправления становилась частью государственной системы управления России, в которой были созданы условия для учета особенностей управления коренным населением, направленные на усиление административно-полицейской опеки и налоговой эксплуатации, на установление верноподданнических и лояльных к правительству отношений, на инкорпорирование бурят и буддийской церкви в структуру российской государственности. За вероисповедные дела бурят отвечал Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ), включенный в структуру Министерства внутренних дел, а на местах — губернская администрация Восточной Сибири. В обязанности ДДДИИ, согласно его уставу от 1857 г., входило назначение руководителей неправославных конфессий, контроль над доходами неправославных общин, буддистских в том числе, разрешение на строительство новых и ремонт религиозных храмов и объектов, при этом приоритетной была цель охраны устоев православия как государственной религии империи [Арапов 2007].

Отношения между властями и буддийским духовенством строились с учетом национальных и политических интересов российского государства. Со второй половины XIX в. основным вектором имперской политики стала идея о создании «единой и неделимой» России, в связи с чем был предпринят ряд мер по укреплению государственного единства, направленных на закрепление стратегических позиций России на востоке страны, на усиление интеграции «окраинных земель в общероссийское экономическое и политико-административное пространство», на ограничение стремительного роста численности и влияния буддийского духовенства. Как справедливо отмечает П. В. Берснев, религиозная политика государства по отношению к бурятам диктовалась политическими причинами [Берснев 2004], которые были обусловлены несколькими факторами. Так, отсутствие четко обозначенной границы с цинской империей, пограничной стражи, традиционное кочевое скотоводство бурят, требовавшее постоянного перемещения на больших земельных пространствах, наконец, сложившиеся к этому времени буддистские традиции, понуждали правительство при выработке конфессиональной политики в этом специфическом регионе империи мыслить не только категориями религиозного, но внешнеполитического порядка [Берснев 2004]. Последний фактор напрямую был связан с экономическими интересами России в этой части Азии, связанными с сохранением существующего положения дел в сфере торговли России с Китаем. В условиях нарастающей активности Великобритании в регионе «ламынский вопрос» становился еще одной опорной базой для продвижения интересов России в Приамурье.

О «Положении о ламайском духовенстве Восточной Сибири» 1853 г.

Изданное в 1853 г. и одобренное Министерством внутренних дел и Сибирским комитетом сената «Положение о ламайском духовенстве Восточной

Сибири» [[Положение 1853](#)] в своих основных чертах ограничивало связь забайкальских лам с Тибетом и Монголией. Одной из причин этого были интересы политики России, так как Тибет и Монголия рассматривались правительством как возможные потенциальные противники усиления позиций России на Дальнем Востоке.

«Положение...» 1853 г., состоявшее из 61 параграфа, регламентировало порядок взаимоотношений русской администрации с буддистской церковью, устанавливало и определяло ее правовой статус. Оно не было включено в Собрание законов Российской империи и являлось по сути локальным нормативно-правовым актом [[Лукьянов 2008: 154](#)]. Целью данного «Положения» было, во-первых, изолировать бурят-буддистов и буддистскую церковь от буддистских центров и иерархов Монголии и Тибета, во-вторых, остановить стремительное распространение буддизма среди бурят, а также установить контроль над буддистской церковью и регламентировать хозяйственно-административную деятельность буддистских монастырей. Статьи этого «Положения» имели ограничительный характер: они определяли численность дацанов, их штат, порядок комплектования и принципы управления буддистской церковью. «Положение» предусматривало централизацию управления буддистской церковью путем сосредоточения власти в руках одного хамбо-ламы, утверждаемого имперской властью после длительных процедур согласований на разных этапах, причем от претендента на пост хамбо-ламы требовалось «непременное знание русского языка»; ранее он назначался с благословения монгольского богдо-гэгэна. Должности настоятелей дацанов утверждались генерал-губернатором, тем самым хамбо-лама и дацаны ставились в зависимость от Петербурга и губернского управления. Количество дацанов ограничивалось 34 дацанами с 34 настоятелями-ширетуями и официально разрешенным комплектным количеством в 285 лам, которые освобождались от всех повинностей, высшие ламы — от телесных наказаний, а все остальные ламы облагались налогом наравне с рядовыми крестьянами. При этом «комплектные» ламы лишались права свободного перемещения и прикреплялись к конкретным дацанам, в случае необходимости покинуть дацан они должны были испрашивать дозволения у вышестоящих, в случае самовольного ухода виновные обращались в светское состояние [[Положение 1853: § 42](#)]. Все ламы, помимо включенных в штат, обязаны были покинуть свои монастыри.

Прием в послушники был резко ограничен многими требованиями. Строго запрещались прием в ламы сверх утвержденного штатного количества лам и самовольное возведение в одно из разрешенных духовных званий, за что следовало следующее наказание: «а) для возведенного — обращение в предшествовавшее его звание и б) для возводившего — лишение духовного его сана и обращение в светское состояние» [[Положение 1853: § 30](#)]. Подобные наказания следовали за любое нарушение статей данного Положения. Контакты с заграничным духовенством по распоряжению генерал-губернатора карались ссылкой в отдаленные места Восточной Сибири. Тем не менее, несмотря на все ограничения, на практике они не имели значительного эффекта, ламы и монастыри продолжали успешно функционировать, приспособившись к новым требованиям.

Согласно «Положению...» 1853 г., наблюдение над дацанами со стороны светских властей было трехступенчатым, прежде всего они непосредственно

подчинялись главам степных дум, следующей ступенью было руководство генерал-губернатора Восточной Сибири, а высшее руководство осуществлялось Департаментом духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел [Положение 1853: § 61]. Настоятелям-ширетуям дацанов вменялось в обязанность ежегодно отчитываться о своей хозяйственной деятельности: о стоимости движимого и недвижимого имущества дацанов, о доходах и расходах. Эти сведения и послужные списки личного состава с подробнейшими данными о каждом представлялись хамбо-ламой Забайкальскому военному губернатору Восточной Сибири. Было запрещено строить новые дацаны свыше разрешенного количества и организовывать сбор средств на строительство без санкции МВД. За самовольно возведенные постройки виновные лица лишались духовного звания и переводились в светское состояние, а построенные здания должны были быть немедленно уничтожены [Положение 1853: § 35]. Согласно Положению как ламы, так и сами дацаны должны были содержаться за счет добровольных пожертвований и платы за исполнение треб, а денежные доходы дацана могли быть только от подношений мирян, от продажи религиозной литературы, хозяйственных поделок и предметов культа по таксе, ежегодно составляемой хамбо-ламой и утверждаемой военным губернатором Забайкальской области. При этом указывалось, как должны были распределяться денежные доходы между ламами в зависимости от занимаемых ими должностей.

Данное Положение послужило юридической основой для формирования единой церковной организации бурятского буддизма, независимой от зарубежных центров, сосредоточив полноту власти в руках единого главы буддистской церкви — пандита хамбо-ламы. 20 июля 1890 г., предупреждая усиление и концентрацию власти в лице одного хамбо-ламы, была принята утвержденная Министерством внутренних дел «Временная инструкция об управлении делами ламайского духовенства в Иркутской губернии». Ее появление вызвало недовольство лам и местного населения, так как население, ламы и дацаны тункинских и аларских бурят изымались из административного ведомства хамбо-ламы и Забайкальской администрации и подчинялись иркутскому генерал-губернатору и настоятелям Аларского и Кыренского дацанов. Тем не менее, несмотря на все ограничения, к концу XIX в. буддизм превращается в мощный религиозный и политический фактор, оказывавший влияние на все стороны жизни общества и на становление национального самосознания бурятского населения.

Буддийское образование

В середине XIX в. в бурятских дацанах появились собственные богословские школы (в Цугольском дацане в 1846 г.). Основными из них были буддийские философские школы, где изучалась буддийская логика и эпистемология. Первая школа (философский факультет) была открыта в Цугольском дацане в 1846 г. Цугольские ламы-философы были основателями школ цаннита (чойра) в хоринских и селенгинских дацанах: Гусиноозерском, Агинском (с 1861 г.), Анинском (с 1858 г.) дацанах, а обучение цанниту стало обязательным. Без этого образовательного ценза продвижение по должностной иерархии стало невозможным. Монастырские школы *джуд*, в которых изучалась теория и практика тантры, в бурятских дацанах появились позднее философских. В джуд-дацаны

принимали только после прохождения обучения в дацанах чойры [Ванчикова, Гомбоева 2010: 44–49].

В 1869 г. под руководством монгольского ламы Чой-марамбы в Цугольском дацане началось изучение индо-тибетской медицины. После Цугольской школы изучение медицины стало развиваться в других дацанах: Агинском, Ацагатском, Эгитуйском, Янгажинском, Тугнугалтайском и др. Обучение на этих факультетах требовало особой подготовленности и знаний, поэтому даже наиболее крупные медицинские школы насчитывали не более 50–60 учеников. В Агинском дацане насчитывалось 60 лекарей. Говоря о роли буддизма в жизни бурят, следует отметить, что до появления централизованной медицинской системы здравоохранения, вплоть до 1930-х гг., буддистские монастыри с медицинскими факультетами были практически единственными местами, в которых местное население имело возможность получать медицинскую помощь [Земля Ваджрапани 2008: 172–209].

В дацанских школах в 1924 г. насчитывалось около 4 тыс. хуvaraков. Этих школ и учащихся в них было намного больше, чем светских. Как в Тибете и Монголии, монастыри-дацаны Забайкалья были центрами образования не только для лам, но и для мирян, поскольку грамоте бурятские дети обучались в основном при монастырях или у степных (не штатных) лам.

Книгопечатание и художественные мастерские в дацанах

Появление сети буддистских монастырей с учебными факультетами, развитие храмовой литургии, проникновение буддийских обычаев в повседневный быт бурятского населения обусловили необходимость в снабжении духовенства и верующих религиозной литературой, скульптурными и живописными изображениями божеств и разнообразными культовыми предметами для храмов и домашних алтарей. Поэтому в монастырях стали развиваться книгопечатание, обработка металла и дерева, живопись и иконопись, шитье и вышивка. Первоначально книгопечатание появилось в начале XIX в. в Гусиноозерском и Цонгольском дацанах, до этого времени книги привозились из Монголии, Тибета или из Китая или же печатались с матриц-баров, завезенных из Монголии. Наивысшего качества ксилографическая печать получила развитие в Агинском и Цугольском дацанах. Книги, отпечатанные в этих двух монастырях, отличались особой четкостью и красотой печати.

В Бурятии также стала развиваться традиция переписывания монгольских и тибетских богослужебных книг, потому мы видим множество рукописных книг в фондах востоковедных библиотек и хранилищ. Постепенно, наряду с Пекином и Долоннором, Бурятия превратилась в один из центров книгопечатания. На начальном этапе бурятские ламы переиздавали книги, напечатанные в тибетских и монгольских монастырских печатнях, в Пекине, но вскоре стали писать и издавать и собственные произведения, составлять комментарии на труды известных тибетских и монгольских ученых, на канонические сочинения.

В последней трети XIX в. 29 из 34 дацанов имели свои печатни, в которых издавалось около 600 названий книг и брошюр на тибетском и монгольском языках. В Цугольском дацане издавалось 169 наименований книг, в Гусиноозерском — 97, в Джидинском — 52, в Эгитуйском — 44, в Чесанском — 30 и т. д. [Ламаизм в Бурятии 1960: 75]. Монастырскими печатнями к концу 20-х гг.

XX в. было издано около 2 000 названий книг на тибетском и монгольском языках [Ламаизм в Бурятии 1960: 75].

В социокультурном плане дацаны способствовали консолидации бурятского народа, становились центрами культурного диалога с соседними странами и народами. Ко второй половине XIX в. сложилась «устойчивая интеллектуальная сеть со всеми необходимыми средствами поддержки и социальной инфраструктуры: были талантливые, интеллектуальные и харизматичные Учители, множество их учеников, состязавшихся в диспутах, развивавшихся затем в издаваемых трудах, была развита инфраструктура, равно как социально поощряемая мирская среда» [Ванчикова, Гомбоева 2010: 47–48].

Заключение

Проведенный анализ правовых источников и материалов позволяет сделать вывод о том, что правительство при выработке конфессиональной политики руководствовалось вопросами не только религиозного, но и внешнеполитического порядка. Последний фактор напрямую соприкасался с экономическими интересами России в Азии, связанными с сохранением статуса-кво в сфере выгодной для России торговли с Китаем. Содержание рассмотренных документов свидетельствует о том, что их основной задачей было изолировать калмыков и бурят от буддистских центров и иерархов Монголии и Тибета, во-вторых, ограничить стремительное распространение буддизма среди них, в-третьих, установить контроль над церковью и регламентировать хозяйственно-административную деятельность буддийских монастырей. Несмотря на все ограничения, в рассматриваемый период истории буддизма в Российской империи у бурят и калмыков в социокультурном плане буддийские монастыри способствовали консолидации народа, становились центрами культурного диалога с соседними странами и народами. К концу XIX в. буддизм становится мощной религиозной и политической силой, оказывавшей влияние на жизнь бурят и калмыков и на становление их национального самосознания. В рассматриваемый период (со второй половины XIX по начало XX в.) среди бурят отмечается появление самостоятельной и независимой буддийской административной системы и структуры буддийской церкви и духовенства, во главе которых назначался пандита хамбо-лама, и обретение буддийской церковью и монашеством особого социально-правового статуса. В Калмыцкой степи также сложилась система управления буддийской церковью, во главе которой стоял Лама калмыцкого народа, влияние которого распространялось на подавляющую часть калмыков. Среди калмыков-казаков области Войска Донского ведущее место занимал Бакши-лама донских калмыков.

Указанный период, несмотря на введение ограничительных мер в организационном плане (ограничение числа храмов и штатов духовенства в них), в целом был благотворным для развития бурятского и калмыцкого буддизма. По масштабу и силе духовного влияния буддийской религии, философии и образования на культуру бурят его даже можно назвать эпохой бурятского Просвещения. Буддийские дацаны развивали собственные местные традиции литературы, искусства и храмового зодчества, активно строили монументальные буддийские храмы, причем не только в исторически буддийских регионах

России — Бурятии и Калмыкии, но — в начале XX в. — и там, где буддийские идеи появились позднее — в Петербурге.

Источники

- ГА РБ — Государственный архив Республики Бурятия.
- ПСЗРИ-I 1830, XL — Полное собрание законов Российской империи (Собрание 1-е: с 1649 по 12 декабря 1825 г.). Т. XL: 1825. СПб.: Тип. 2-го Отд-я Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 631, 136, [1] с.
- ПСЗРИ-I 1830, XXVI — Полное собрание законов Российской империи (Собрание 1-е: с 1649 по 12 декабря 1825 г.). Т. XXVI: 1800–1801. СПб.: Тип. 2-го Отд-я Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 875 с.
- ПСЗРИ-II 1836 — Полное собрание законов Российской империи (Собрание 2-е: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.). Т. X: 1835. СПб.: Тип. 2-го Отд-я Собств. Е. И. В. канцелярии, 1836. 918 с.
- ПСЗРИ-II 1848 — Полное собрание законов Российской империи (Собрание 2-е: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.). Т. XXII: 1847. СПб.: Тип. 2-го Отд-я Собств. Е. И. В. канцелярии, 1848. 950 с.
- Положение 1853 — Положение о ламайском духовенстве Восточной Сибири. 1853г. // Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. Ф. 29АБ. Д. № 757/1096. 14 л.
- Труды Агинской экспедиции 1911 — Труды Агинской экспедиции: материалы по исследованию Агинской степи Забайкальской области, произведенному в 1908 г. Читинским отделением Императорского Русского географического общества. Вып. 7. Чита: Паровая тип. Заб. т-ва печ. дела, 1911. [2], 366 с.: (1. Д. М. Головачев. Население; 2. В. В. Солдатов. Хозяйственный быт).

Sources

- State Archive of the Republic of Buryatia. (In Russ.)
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire [Collection One: From 1649 to 12 December 1825]. Vol. 40: 1825. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancery (Second Section), 1830. 631, 136, [1] p. (In Russ.)
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire [Collection One: From 1649 to 12 December 1825]. Vol. 26: 1800–1801. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancery (Second Section), 1830. 875 p. (In Russ.)
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire [Collection Two: From 12 December 1825 to 28 February 1881]. Vol. 10: 1835 [In 2 pts.]. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancery (Second Section), 1836. 918 p. (In Russ.)
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire [Collection Two: From 12 December 1825 to 28 February 1881]. Vol. 22: 1847. Pt. 1. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancery (Second Section), 1848. 950 p. (In Russ.)
- Golovachev D. M., Soldatov V. V. Transactions of the Aga Expedition: Materials Obtained by Chita Office of Imperial Russian Geographical Society during the 1908 Investigation of Aga Steppe (Transbaikalia Oblast). Vol. 7. D. Golovachev (ed.). Chita: Transbaikalia Printing Partnership, 1911. [2], 366 p. (In Russ.)
- Regulations on the Lamaist Clergy of Eastern Siberia. 1853. At: Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS), Center of Oriental Manuscripts and Xylographs. Coll. 29 AB. File 757/1096. 14 p. (In Russ.)
- Proceedings of the Aga expedition: materials on the study of the Aga steppe of the Trans-Baikal region, conducted in 1908 by the Chita branch of the Imperial Russian Geographical Society. Iss. 7 (1. Population / D. M. Golovachev; 2. Economic life / V. V. Soldatov). Chita: Steam printing house of the Trans-Baikal Printing Association, 1911. [2], 366 p.: table/

Литература

- Адрианов 1901 — *Адрианов С. А.* Министерство внутренних дел. 1802–1901: в 3 тт. Т. 1: Исторический очерк. СПб.: Тип. МВД, 1901. 335 с.
- Арапов 2007 — *Арапов Д. Ю.* Департамент духовных дел иностранных исповеданий [электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия: электронная версия, 2016 (БРЭ-онлайн, 2004–2017). URL: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/1948209 (дата обращения: 25.07.2022).
- Бакаева 1994 — *Бакаева Э. П.* Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм.кн. изд-во, 1994. 128 с.
- Бакаева 2015 — *Бакаева Э. П.* Об этнических группах калмыков-хошутов и буддийских хурулах в конце XIX в. // *Бакаева Э. П., Орлова К. В., Хишигт Н., Энхчимэг Ц.* Буддийская традиция в Калмыкии и Западной Монголии: сакральные объекты. М.: Наука, Вост. лит., 2015. С. 82–84.
- Бакаева 2019 — *Бакаева Э. П.* Этническая идентичность калмыков и конфессиональные связи с Тибетом (к прочтению малоизвестных источников) // *Oriental Studies*. 2019. Т. 12. № 5. С. 891–925. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-891-925
- Бакаева, Орлова и др. 2015 — *Бакаева Э. П., Орлова К. В., Хишигт Н., Энхчимэг Ц.* Буддийская традиция в Калмыкии и Западной Монголии: сакральные объекты. М.: Наука, Вост. лит., 2015. 236 с.
- Батырева 2005 — *Батырева С. Г.* Старокалмыцкое искусство XVIII – начала XX вв. Опыт историко-культурной реконструкции. М.: Наука, 2005. 141 с.
- Берснев 2004 — *Берснев П. В.* Буддизм и вероисповедная политика правительства Российской империи (по материалам Российского государственного исторического архива) [электронный ресурс] // Клуб путешественников «Курандерос». URL: http://curanderos.ru/buddhism_politica_russia.htm (дата обращения: 25.07.2022).
- Бурчинова 1977 — *Бурчинова Л. С.* Ламаистская церковь Калмыкии в системе российской государственности: разработка правового статуса калмыцкого духовенства в первой половине XIX в. // *Ламаизм в Калмыкии*. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 26–73.
- Ванчикова, Гомбоева 2010 — *Ванчикова Ц. П., Гомбоева М. И.* Философские школы буддийских монастырей Восточного Забайкалья как историко-культурная предпосылка эпохи бурятского Просвещения // *Гуманитарный вектор*. 2010. № 4 (24). С. 44–49.
- Горяев 2014 — *Горяев М. С.* Политика Российского правительства в Калмыкии во второй половине XIX – начале XX в. // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 93–100. DOI: 10.18500/1819-4907-2014-14-1-93-100
- Горяев, Команджаев 2012 — *Горяев М. С., Команджаев А. Н.* Организация управления калмыцким народом после упразднения калмыцкого ханства (1771–1825 гг.) // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика»*. 2012. № 7 (126). Вып. 22. С. 113–123.
- Дамешек 2018, I — *Дамешек Л. М.* Избранное в трех томах. Т. I: Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Иркутск: Оттиск, 456 с.
- Дамешек 2018, II — *Дамешек Л. М.* Избранное в трех томах. Т. II: Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск: Оттиск, 415 с.
- Дорджиева 1995 — *Дорджиева Г. Ш.* Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX в.). Элиста: Джангар, 1995. 128 с.
- Дорджиева 2009 — *Дорджиева Г. Ш.* Буддизм у калмыков // *История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт.* Элиста: Герел, 2009. Т. 3. С. 218–258.
- Земля Ваджрапани 2008 — *Земля Ваджрапани: Буддизм в Забайкалье*. Кол. монография / сост. Ц. П. Ванчикова. М.: ИПЦ «Дизайн, информация, картография», 2008. 600 с.
- История буддизма 2010 — *История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг.* / под общ. ред. Н. Г. Очировой (Н. В. Абаев, Э. П. Бакаева, У. П. Би-

- челдей, Ц. П. Ванчикова, С. Ю. Лепехов, Т. М. Садалова). М.: Фонд современной истории, 2010. 392 с.: ил.
- История Бурятии 2011 — История Бурятии: в 3 тт. / отв. ред. Б. В. Банзаров. Т. II: XVII – начало XX в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 624 с.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Элиста: ИД «Герел», 2009. Т. I. 848 с.
- Карагодин 1987 — *Карагодин А. И.* Калмыцкое духовенство в XVII – первой половине XIX вв. // Вопросы истории ламаизма в Калмыкии / редкол.: Н. Л. Жуковская (отв. ред.), А. Г. Митиров, Б. Б. Дякиева. Элиста: КНИИИФЭ, 1987. С. 5–23.
- Китинов 2018 — *Китинов Б. У.* К вопросу о роли религии в этнической истории ойратов // *Oriental Studies*. 2018. Т. 11. № 1. С. 13–21. DOI: 10.22162/2075-7794-2018-35-1-13-21
- Курапов 2010 — *Курапов А. А.* Законотворческая деятельность калмыцкого буддийского духовенства (XVII–XIX вв.) // Известия Уральского государственного университета (Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры). 2010. № 6 (85). Ч. 2. С. 262–268.
- Курапов 2017 — *Курапов А. А.* Главы буддийской церкви калмыков во взаимодействии с российским государством в XVII–XIX вв. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 19. № 3. 2017. С. 18–22.
- Курапов 2018 — *Курапов А. А.* Российское государство и буддийская церковь на юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII – начале XX вв. Астрахань: Сорокин Р. В., 2018. 464 с.
- Ламаизм в Бурятии 1960 — Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы / Галданова Г. Р., Герасимова К. М., Дашиев Д. Б. и др. Новосибирск: Наука, 1960. 235 с.
- Лукьянов 2008 — *Лукьянов С. А.* Государственно-правовое регулирование религиозной жизни забайкальских буддистов в Российской империи // Вестник Московского университета МВД России. № 8. 2008. С. 153–156.
- Оконова 2014 — *Оконова Л. В.* Этноконфессиональная структура населения Калмыцкой степи Астраханской губернии по материалам переписи 1897 г. (в свете количественного подхода) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. Т. 7. № 2. С. 22–29.
- Оконова 2017 — *Оконова Л. В.* Деятельность Ламайского духовного правления и Ламы по материалам отчетов Управления калмыцким народом // *Magna adsurgit: historia studiorum*, 2017. № 2. С. 83–97. DOI 10.22162/2541-9749-2017-4-2-83-97
- Орлова 2013 — *Орлова К. В.* Дунду хурул и Бааза багши // Бааза-багши и его духовное наследие. Элиста: НПП «Джангар», 2013. С. 13–18.
- Очерки истории 1967 — *Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период* / Н. В. Устюгов (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1967. 497 с.
- Пюрвеев 1975 — *Пюрвеев Д. Б.* Архитектура Калмыкии. М.: Стройиздат, 1975. 187 с.
- Пюрвеев 1987 — *Пюрвеев Д. Б.* Культовое зодчество калмыков в XVII–XIX вв. // Вопросы истории ламаизма в Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1987. С. 24–39.

References

- Adrianov S. A. Ministry of Internal Affairs: 1802–1901. In 3 vols. Vol. 1: A Historical Essay. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs, 1901. 335 p. (In Russ.)
- Arapov D. Yu. Spiritual Affairs Department for Foreign Faiths. On: Great Russian Encyclopedia. 2004–2017. Online edition of 2016. Available at: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/1948209 (accessed: 25 July 2022). (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Buddhism in Kalmykia: Essays in History and Ethnography. Elista: Kalmykia Book Publ., 1994. 128 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Ethnic identity of the Kalmyks and confessional ties with Tibet: A case study of some little-known sources. *Oriental Studies*. 2019. Vol. 12. No. 5. Pp. 891–925. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-891-925

- Bakaeva E. P. Revisiting late nineteenth-century groups of Kalmyk Khoshuts and [their] Buddhist temples. In: Bakaeva E. P., Orlova K. V., Khishigt N., Enkhchimeg Ts. *The Buddhist Tradition in Kalmykia and Western Mongolia: Sacred Objects*. Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 2015. Pp. 82–84. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Orlova K. V., Khishigt N., Enkhchimeg Ts. *The Buddhist Tradition in Kalmykia and Western Mongolia: Sacred Objects*. Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 2015. 236 p. (In Russ.)
- Banzarov B. V. (ed.) *History of Buryatia*. In 3 vols. Vol. 2: 17th – Early 20th Centuries. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2011. 624 p. (In Russ.)
- Batyreva S. G. *Old Kalmyk Art, 18th – Early 20th Centuries: Reconstructing History and Culture*. Moscow: Nauka, 2005. 141 p. (In Russ.)
- Bersnev P. V. Buddhism and official religious policies of Imperial Russia: Analyzing materials from the Russian State Historical Archive. On: Curanderos Travelers Club (website). Available at: http://curanderos.ru/buddhism_politica_russia.htm (accessed: 25 July 2022). (In Russ.)
- Burchinova L.S. Lamaist church of Kalmykia in Russia's administrative system: The early-to-mid nineteenth-century shaping of the Kalmyk clergy's legal status. In: *Lamaism in Kalmykia*. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1977. Pp. 26–73. (In Russ.)
- Dameshek L. M. *Selected Writings: In Three Volumes*. Vol. 1: Non-Russian Communities of Siberia in Imperial Governance Strategies, 18th – Early 20th Centuries. Irkutsk: Ottisk, 456 p. (In Russ.)
- Dameshek L. M. *Selected Writings: In Three Volumes*. Vol. 2: Siberia in the System of Imperial Regionalism, 1822–1917. Irkutsk: Ottisk, 415 p. (In Russ.)
- Dordzhieva G. Sh. Buddhism among Kalmyks. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) *History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days*. In 3 vols. Elista: Gerel, 2009. Vol. 3. Pp. 218–258. (In Russ.)
- Dordzhieva G. Sh. Buddhism and Christianity in Kalmykia: Analyzing Religious Policies Pursued by the Government of Imperial Russia, Mid-17th – Early 20th Centuries. Elista: Dzhangar, 1995. 128 p. (In Russ.)
- Galdanova G. R., Gerasimova K. M., Dashiev D. B. et al. *Lamaism in Buryatia, 18th – Early 20th Centuries: Structure and Social Role of the Cult System*. Novosibirsk: Nauka, 1960. 235 p. (In Russ.)
- Goryaev M. S. Russian government policy in Kalmykia in the second half XIX – early XX century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*. 2014. Vol. 14. No. 1. Pp. 93–100. (In Russ.) DOI: 10.18500/1819-4907-2014-14-1-93-100
- Goryaev M. S., Komandzhaev A. N. The management organization the Kalmyk people after abolition of Kalmyk Khanate (1771 – 1825). *Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*. 2012. № 7 (126). Vyp. 22. S. 113–123.
- Karagodin A. I. Kalmyk clergy: 17th to mid-19th centuries. In: Zhukovskaya N. L., Mitirov A. G., Dyakieva B. B. (eds.) *Lamaism in Kalmykia: Issues of History*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1987. Pp. 5–23. (In Russ.)
- Kitinov B. U. Ethnic history of the Oirats: The role of religion revisited. *Oriental Studies*. 2018. Vol. 11. No. 1. Pp. 13–21. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2018-35-1-13-21
- Kurapov A. A. Legislative activity of the Kalmyk Buddhist clergy (17th–19th centuries). *IZVESTIA. Ural Federal University Journal. Series 1: Issues in Education, Sciences and Culture*. 2010. No. 6 (85). Pt. 2. Pp. 262–268. (In Russ.)
- Kurapov A. A. Russian Government and Buddhist Church in South Russia: Stages in the Evolution of Sociopolitical Interaction, 17th – Early 20th Centuries. Astrakhan: R. Sorokin, 2018. 464 p. (In Russ.)
- Kurapov A. A. The leadership of the Kalmyk's Buddhist church in interaction with the Russian State in the XVII–XIX centuries. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2017. Vol. 19. No. 3. Pp. 18–22. (In Russ.)

- Lukyanov S. A. Buddhists of Transbaikalia in Imperial Russia: Legal agenda of religious life. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2008. No. 8. Pp. 153–156. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Elista: Gerel, 2009. Vol. 1. 848 p. (In Russ.)
- Ochirova N. G. (ed.) History of Buddhism in the Soviet Union and the Russian Federation: 1985–1999. Moscow: Fond Sovremennoy Istorii, 2010. 392 p. (In Russ.)
- Okonova L. V. Activities of Lamaist Spiritual Affairs Committee and Lama: Analyzing reports of Kalmyk People's Governance Department. *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2017. No. 2. Pp. 83–97. (In Russ.) DOI 10.22162/2541-9749-2017-4-2-83-97
- Okonova L. V. Ethnoconfessional structure of the population of the Kalmyk Steppe of Astrakhan Province according to the 1897 Census (The quantitative approach). *Oriental Studies*. 2014. Vol. 7. No. 2. Pp. 22–29. (In Russ.)
- Orlova K. V. Dundu Khurul and Ven. Baaza Bagshi. In: Baaza Bagshi and His Spiritual Legacy. Elista: Dzhangar, 2013. Pp. 13–18. (In Russ.)
- Pyrurveev D. B. Architecture of Kalmykia. Moscow: Stroyizdat, 1975. 187 p. (In Russ.)
- Pyrurveev D. B. Kalmyk church architecture: 17th–19th centuries. In: Zhukovskaya N. L., Mitirov A. G., Dyakieva B. B. (eds.) Lamaism in Kalmykia: Issues of History. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1987. Pp. 24–39. (In Russ.)
- Ustyugov N. V. et al. (eds.) Essays in the History of the Kalmyk ASSR: Pre-October Period. Moscow: Nauka, 1967. 497 p. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P. (comp.) The Land of Vajrapani: Buddhism in Transbaikalia. Joint monograph. Moscow: Dizayn, Informatsiya, Kartografiya, 2008. 600 p. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P., Gomboeva M. I. Buddhist philosophic schools of monasteries of Eastern Transbaikalia as historic and cultural precondition for the age of Buryat Enlightenment. *Humanitarian Vector*. 2010. No. 4 (24). Pp. 44–49. (In Russ.)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(571.54)

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-115-128

Республика Бурятия в панораме 100-летия: исторические вехи и достижения

*Борис Ванданович Базаров¹, Анна Максимовна Плеханова²,
Евгений Владимирович Нолев³*

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

академик РАН, доктор исторических наук, профессор, директор

 0000-0001-5326-1317. E-mail: bazarov60[at]mail.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-6573-4262. E-mail: plehanova.am[at]mail.ru

³ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-7756-7791. E-mail: nolev[at]inbox.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Базаров Б. В., Плеханова А. М., Нолев Е. В., 2023

Аннотация. *Цель* статьи — рассмотреть ключевые исторические события, произошедшие в процессе национально-государственного строительства Республики Бурятия на протяжении 100 лет. В статье проанализированы условия образования Бурят-Монгольской автономии и факторы реорганизаций политического устройства республики в контексте изменения политического курса государства. Отражен вклад республики в достижение Великой Победы. Значительное внимание уделено анализу проблем, достижений и перспектив развития республики на современном этапе. *Материалы и методы.* При подготовке статьи были использованы документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном архиве социально-политической истории и Государственном архиве Республики Бурятия. Применение принципов историзма и системности позволило реконструировать процесс национально-государственного строительства в Бурятии, выявить специфические особенности и проследить общие тенденции государственного развития в политической жизни республики. *Результаты.* 30 мая 1923 г. Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета постановил объединить в одну Автономную Социалистическую Советскую Республику автономные области бурят-монголов Сибири и Дальнего Востока с центром в г. Верхнеудинске. В истории страны впервые была

провозглашена государственность бурят-монголов, объединенная единой территорией, экономической целостностью, историческими связями всех проживавших здесь народов. Становление и стремительное развитие промышленной базы в республике, преобразования в сельском хозяйстве, образовании и здравоохранении позволили сформировать на территории Бурятии в годы Великой Отечественной войны крепкий плацдарм для оказания всемерной помощи фронту. Послевоенные годы, вплоть до 1960-х – начала 1970-х гг., стали периодом поступательного развития во всех сферах жизни. Заслуги республики на всесоюзном уровне были отмечены Орденом Ленина (1958 г.), Орденом Дружбы народов (1972 г.), Орденом Октябрьской революции (1973 г.). События конца 1980-х гг. и последовавший распад СССР стали для республики своего рода экзаменом на государственную состоятельность. Экономический коллапс привел к невиданному обострению социальной ситуации, что могло вылиться в жесточайший межэтнический конфликт. Однако накопленный опыт межэтнического взаимодействия, наличие сложившейся гибкой административно-управленческой системы, высокий образовательный и научный уровень проживающего в республике населения, единое языковое пространство позволили нейтрализовать негативные и укрепить конструктивные тенденции межэтнического диалога в рамках новой российской государственности. Несмотря на сложные процессы 1980–1990-х гг., Бурятия подтвердила верность принципам федерализма и единства российской государственности. Важным этапом стало принятие в 1994 г. Конституции Республики Бурятия. За прошедшие 100 лет республика сложилась как крупный в культурном, экономическом и других аспектах политико-правовой субъект Российской Федерации. Сегодня народы Бурятии, независимо от веры и национальности, развивают хозяйство, умножают культуру, творят единую судьбу республики и страны на основе дружбы, согласия и взаимопонимания.

Ключевые слова: Бурят-Монгольская Советская Социалистическая Республика, Республика Бурятия, национально-государственное строительство

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственных заданий «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)» (номер госрегистрации: 121031000243-5) и «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства» (номер госрегистрации: 121031000241-1).

Для цитирования: Базаров Б. В. Плеханова А. М., Нолев Е. В. Республика Бурятия в панораме 100-летия: исторические вехи и достижения // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 1. С. 115–128. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-115-128

Republic of Buryatia in the Panorama of the 100th Anniversary: Historical Milestones and Achievements

Boris V. Bazarov¹, Anna M. Plekhanova², Evgenii V. Nolev³

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Academician of the RAS, Dr. Sc. (History), Professor, Director
 0000-0001-5326-1317. E-mail: bazarov60[at]mail.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Associate Professor, Deputy Director, Leading Research Associate
 0000-0002-6573-4262. E-mail: plehanova.am[at]mail.ru

³ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS
(6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-7756-7791. E-mail: nolev[at]inbox.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Bazarov B. V., Plekhanova A. M., Nolev E. V., 2023

Abstract. *Goals.* The article aims to consider some key historical milestones and achievements in Buryatia's nation-state building for over 100 years. The paper analyzes the conditions for the emergence of Buryat-Mongolian autonomy, and the factors that prompted reorganizations of the Republic's political structure in the context of changes witnessed in the nationwide political agenda. Special attention is paid to the contribution of the Republic to the Great Victory, certain analytical emphases be laid on present-day challenges, achievements and development prospects. *Materials and methods.* The work examines unpublished documents stored at the State Archive of the Russian Federation, Russian State Archive of Sociopolitical History, and State Archive of Buryatia. The principles of historicism and consistency prove instrumental enough in reconstructing the process of nation-state building in Buryatia, identifying specific features, and tracing general trends of state development in the Republic's political life. *Results.* On 30 May 1923, the Presidium of the All-Russia Central Executive Committee decided to unite Siberian and Far Eastern autonomous domains (oblasts) of Buryat-Mongols into one autonomous socialist Soviet republic centered around the city of Verkhneudinsk. It is then and there that the statehood of Buryat-Mongols — consolidated by a single territory, economic integrity, and historical ties of all resident peoples — was proclaimed. The shaping and rapid development of industries in the Republic, transformations in agriculture, education and health care converted the territory of Buryatia into a strong supporting point that would render every possible assistance to the nation during the Great Patriotic War. The post-war years up to the 1960s and early 1970s became a period of progressive development in all spheres of life. At the all-Union level, merits of the Republic were distinguished with the Order of Lenin (1958), Order of Friendship of Peoples (1972), and Order of the October Revolution (1973). Events of the late 1980s and the subsequent collapse of the USSR served as a test of state viability to the Republic. The economic depression led to an unprecedented deterioration of the social situation which could actually result in a severest interethnic conflict. However, the accumulated experiences of cross-cultural interaction, flexible administrative and managerial systems, high educational and scientific levels of the population, and a unified language environment proved instrumental in neutralizing negative trends and strengthening constructive ones — as part of interethnic dialogue within the new statehood of Russia. Despite the complicated processes of the 1980s–1990s, Buryatia confirmed its loyalty to the principles of federalism and integrity of Russia. Another important milestone was the 1994 adoption of the Constitution of the Republic of Buryatia. Over the past hundred years, the Republic has developed as a major political/legal entity of the Russian Federation — in cultural, economic, and other aspects. Nowadays, the peoples of Buryatia — regardless of faith and ethnic identity — join efforts to develop public economy and culture, shape a common destiny of the Republic and the country on the basis of friendship, harmony, and mutual understanding.

Keywords: Buryat-Mongolian Soviet Socialist Republic, Republic of Buryatia, nation-state building

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, projects no. 121031000243-5 'Russia and Inner Asia, 17th–21st Centuries: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic and Cross-Cultural Interaction', and no. 121031000241-1 'Historical Space of the Mongolian World: Archaeological Cultures, Societies and States'.

For citation: Bazarov B. V., Plekhanova A. M., Nolev E. V. Republic of Buryatia in the Panorama of the 100th Anniversary: Historical Milestones and Achievements. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(1): 115–128. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-115-128

Введение

30 мая 2023 г. исполняется 100 лет с момента выхода Постановления Президиума ВЦИК, закрепившего историческое решение: «объединить в одну Автономную Социалистическую Советскую Республику автономные области бурят-монгол Сибири и Дальнего Востока с центром в г. Верхнеудинске...» [ГА РБ. Ф. Р.-2. Оп. 1. Д. 29. Л. 4]. Так было заложено основание принципиально новой в отечественной истории государственности народов Бурят-Монгольской АССР, объединенных общностью исторических судеб, единой территорией и экономической целостностью. Это был маяк для многих обществ и государств Азии, лучи которого вещали о возможности справедливых устройств, даже таких исторических окраин, каковым был мир сибирской периферии.

Многое в этих устройствах было триумфально, но вместе с тем и сложно. Многое решалось в пути и в разных конфигурациях. Это событие стало закономерным итогом длительного периода исторического развития, ознаменованного в начале XX в. усилением процесса внутреннего самоопределения огромного государства, революционной тектоникой Восточной Азии и монгольской ойкумены в частности.

Российская империя к началу XX в. находилась в стадии нарастающего системного кризиса, который в итоге привел ее к инерции распада. Система исчерпала возможности внутреннего саморазвития, окраины всего государства практически сразу заявили о собственных правах в условиях паралича власти. Мотивы этого процесса Российская империя сформировала объективно, вовлекая территорию Сибири и Дальнего Востока в активный экономический и индустриальный оборот в пореформенный период. Однако геополитическая активность в Восточной Азии, выразившаяся в промышленном, военном и территориальном продвижении Японии, а также последствия Синьхайской революции 1911 г. в Китае заставили чрезвычайно усилить векторы развития Восточной Сибири и Дальнего Востока. Поражение в русско-японской войне показало коммуникационную разбросанность тылового обеспечения, фактический провал в районе байкальского узла и инфраструктурный дефицит в забайкальском направлении. «Возникшее противоречие, выразившееся в необходимости проведения социально-экономической модернизации, с одной стороны, и в стремлении сохранить традиционный социально-экономический уклад — с другой, провоцировало конфликт, который не был разрешен в рамках имперской системы управления» [Базаров, Балдано, Варнавский 2017: 88].

Октябрьская революция и гражданская война сняли эту проблему по принципу отложенного конфликта. Но логика административных реформ, интенсивность аграрного и индустриального развития, а также переоценка ценностей политической власти чрезвычайно активизировали процессы внутренней самоидентификации всего местного населения, породили череду самостийных настроений, сформировали самостоятельные военные и гражданские инициативы ирредентной направленности с соответствующим политическим лозунгом. В формулах политической лексики 1920-х гг. «буржуазный национализм и панмонголизм» выразился в платформе атамана Г. М. Семенова и движении «единого монгольского государства» [Курас 2011: 256].

Монгольская народная революция 1921 г., произошедшая при фактической поддержке правительства В. И. Ленина, существенно скорректировала настро-

ения местных элит, тем более что вождь мирового пролетариата сам поставил вопрос о предоставлении автономии «бурятам и калмыкам в первую голову» [Ленин 1981: 342].

Бурят-Монгольская АССР

Советизация бурят-монгольских автономий после окончания гражданской войны, находившихся ранее в составе ДВР и РСФСР, определила исторический знаменатель объединения народов и территорий Бурят-Монголии, искусственно разделенных в силу геополитической целесообразности создания буферного государства на Востоке страны в военный период. 20 ноября 1922 г. Президиум Бурят-Монгольского обкома РКП(б) высказался за объединение двух автономных областей и инициировал подготовительную работу к объединению [ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 60. Л. 9–12]. В январе 1923 г. последовало решение комиссии Наркомнаца: «Признать целесообразным и необходимым объединение Бурят-Монгольских областей РСФСР и бывшей ДВР в одну административную единицу с одним центром...» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 254. Л. 5].

30 мая 1923 г. историческим решением ВЦИК разрозненные бурят-монгольские автономные области были объединены в Бурят-Монгольскую Автономную Социалистическую Советскую Республику (далее — БМАССР). Административно-территориальное устройство БМАССР было определено включением в ее состав большей части Прибайкальской, а также некоторых территорий Иркутской и Забайкальской губерний, в результате чего было образовано 8 аймаков и Верхнеудинский уезд [ГА РБ. Ф. Р.-2. Оп. 1. Д. 19. Л. 141(К)–142(К)]. «К 1923 г. территория Бурят-Монгольской республики занимала 338 140 квадратных верст, численность населения составляла 450 675 чел., в том числе 220 422 чел. бурятского населения. На территории БМАССР находилось 2 349 населенных пунктов, в том числе города Верхнеудинск, Троицкосавск и Баргузин» [Базаров, Балдано, Варнавский 2017: 90]. Через 5 лет республика состояла из 16 аймаков [Санжиев 2003: 33–34].

Правовой статус автономной республики был закреплен «Положением о государственном устройстве БМАССР» от 12 сентября 1923 г., временно заменившим Конституцию республики [ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 43. Л. 69]. БМАССР становилась федеративной частью СССР [Батуев 2010: 120], а аппарат государственной власти республики составляли местные Советы, СНК и ЦИК. «4–9 декабря 1923 г. состоялся I съезд Советов Бурят-Монгольской АССР, избравший ЦИК БМАССР, который возглавил М. И. Амагаев. Сессия ЦИК сформировала Правительство во главе с М. Н. Ербановым. В итоге была образована единая автономная республика с новым содержанием национальных и межэтнических отношений, гарантом которых выступала система социализма» [Базаров 2018: 4]. Одним из наглядных проявлений нового содержания межэтнических отношений стало закрепление равенства русского и бурят-монгольского языков. Весной 1927 г. на III съезде Советов БМАССР была единогласно принята Конституция республики [Третий съезд... 1927: 86, 87], которая не была утверждена ВЦИК и съездом Советов РСФСР.

Процесс социалистической модернизации БМАССР в конце 1920-х и в 1930-е гг. был отмечен приближением к прогрессивным достижениям совет-

ской республики. Знаменательным событием стало проведение в Ленинграде 1–7 апреля 1934 г. «Первой конференции Академии наук СССР по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР». Президент АН СССР, академик А. П. Карпинский определил назначение конференции в обсуждении результатов исследований и объединении усилий лучших ученых Академии наук и центральных научных учреждений, изучавших Бурятию, и местных исследователей с целью всестороннего развития потенциала «ранее отсталой страны» и включения ее в «ряд самых передовых районов Советского Союза» [*Проблемы* 1935: 7].

От академии наук в президиум конференции вошли академики А. П. Карпинский (президент АН СССР), В. П. Волгин (непременный секретарь АН СССР), В. Л. Комаров (вице-президент АН СССР), В. А. Обручев (председатель оргкомитета), В. М. Алексеев, А. А. Борисьяк, И. М. Губкин, Н. С. Державин, Г. М. Кржижановский, Н. Я. Марр, А. С. Орлов, А. Н. Самойлович, С. И. Солнцев. БМАССР в президиуме представляли председатель ЦИК и СНК БМАССР Д. Д. Доржиев, секретарь Бурят-Монгольского областного комитета ВКП(б) М. Н. Ербанов, председатель Госплана БМАССР В. К. Ананьин, заместитель директора Бурят-Монгольского государственного института культуры Б.-Д. Тогмитов, директор Бурят-Монгольского государственного музея П. С. Михно и другие. Состав президиума конференции был усилен видными учеными и государственными деятелями Москвы и Ленинграда. В рамках конференции на высоком научном уровне было организовано комплексное рассмотрение приоритетных направлений развития БМАССР: от минерально-сырьевой базы, сельского, лесного, пушного и водного хозяйства до здравоохранения и национально-культурного строительства [*Проблемы* 1935: 315–361].

27 января 1936 г. состоялся исторический прием делегации трудящихся БМАССР руководителями партии и правительства во главе с И. В. Сталиным. Темпы и результаты развития республики, ставшей «форпостом социализма на восточных границах Советского Союза», получили высокую оценку сессии ЦИК и пленума Обкома ВКП(б): «Бурят-Монгольская АССР ликвидировала свое отставание и вышла в ряды передовых республик Советского Союза, быстро развивает промышленность, социалистическое сельское хозяйство, неуклонно поднимает культурный уровень населения» [*Ербанов* 1936: 34]. М. Н. Ербановым было отмечено коренное преобразование «бурят-монгольского улуса и семейской деревни» [*Ербанов* 1936: 60, 73].

Во второй половине 1930-х гг. произошли важные изменения в области национально-государственного строительства. В 1936 г. БМАССР обрела субъектность в федеративном измерении, выйдя из состава Восточно-Сибирского края. 11 августа 1937 г. Чрезвычайный VII съезд Советов БМАССР утвердил Конституцию, провозглашавшую БМАССР социалистическим государством рабочих и крестьян, в котором власть концентрировалась у Советов депутатов трудящихся, составлявших политическую основу новой республики [*Конституция* 1939: 3].

В сентябре 1937 г. на территории Иркутской и Читинской областей были образованы Усть-Ордынский и Агинский бурятские национальные округа, в состав которых в нарушение статьи 15 Конституции БМАССР, закрепившей

территориальную целостность республики [Конституция 1939: 6], вошли 6 бурятских аймаков. В этот период республика испытала всю тяжесть преступлений репрессивной политики, обусловленной в том числе этнонациональной спецификой БМАССР, придававшей кампаниям всесоюзного масштаба националистическую окраску. По мнению А. А. Елаева, именно в этот период произошел отказ от идеи мировой революции на Востоке и, как следствие, переосмысление идеи о «форпосте социализма на восточных границах Советского Союза» [Елаев 2017: 39]. «Активное национально-государственное строительство было свернуто, утвердился курс на унификацию всех сторон общественной жизни многонационального государства. В стране вновь возобладали экономический централизм и политический унитаризм. Съезды Советов были упразднены, в качестве высшего органа власти был утвержден Верховный Совет БМАССР» [Базаров 2018: 4].

Вместе с тем в 1930-е гг. был сформирован прочный фундамент дальнейшего индустриального развития: «Если в 1923 г. в республике было 17 предприятий, то в 1937 г. в БМАССР насчитывалось 140 крупных и средних промышленных предприятий. Среди них особенно выделялись: стекольный (1932 г.), паровозовагоноремонтный (1937 г.) заводы и мясокомбинат (1938 г.), которые стали флагманами промышленности Бурят-Монголии» [Базаров 2013: 13].

Создание крупных коллективных хозяйств, коренным образом преобразивших сельскохозяйственное производство и образ жизни сельчан, граничило с массовым сокращением поголовья скота в условиях масштабной ликвидации крестьянских хозяйств. Актуальной повесткой культурного строительства стала ликвидация неграмотности и введение всеобщего начального образования, формирование национальной интеллигенции и подготовка кадров высшей квалификации, развитие профессионального искусства и литературы [Базаров 2018: 4].

В годы Великой Отечественной войны 120 тысяч уроженцев Бурятии ушли на фронт. Потери республики составили 40 тысяч погибших, 6,5 тысяч солдат стали инвалидами. «43 уроженца республики были удостоены высокого звания Героя Советского Союза, 12 воинов стали полными кавалерами Ордена Славы» [Бурятия... 2020: 3].

Производство заводов и фабрик Улан-Удэ было переведено на выпуск продукции для нужд фронта. Улан-Удэнский паровозоремонтный завод наряду с ремонтом вагонов и паровозов выпускал бронепоезда, изготавливал снаряды, мины и минометы. Авиационный завод первые три года войны производил комплектующие для бомбардировщиков Пе-2, в последующие два года выпустил 528 истребителей Ла-5 и Ла-7. На предприятиях Улан-Удэ развернулось социалистическое соревнование, ширилось стахановское движение. Родилось новое массовое движение фронтовых бригад. Всемерная поддержка фронту оказывалась сельчанами республики. С началом войны в Бурятии было развернуто четырнадцать эвакуационных госпиталей, где получали лечение раненые воины, поступающие сюда из медсанбатов и госпиталей со всех фронтов и направлений боевых действий Красной Армии. Уже к 1942 г. Улан-Удэ выполнял функции большого эвакуационного госпиталя и был единственным городом-эвакуационным госпиталем в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны [Балдано 2020: 47; Соболева 2020: 42].

Бурятская АССР

7 июля 1958 г. был издан указ Президиума Верховного Совета СССР «О переименовании Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики в Бурятскую Автономную Советскую Социалистическую Республику» [ГА РБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 1136. Л. 111]. Согласно Конституции Бурятской АССР, принятой 30 мая 1978 г., декларировалось расширение полномочий республики в условиях развитой социалистической демократии. Вместе с тем в современных исследованиях встречается утверждение, что «Конституция Бурятской АССР исходила из идеи централизации власти и управления в союзных и федеративных органах, оставляя в руках республики ограниченные права и полномочия» [Протасов 2018: 91].

1960–1970-е гг. стали временем больших свершений. «Были введены в эксплуатацию заводы „Электромашина“, „Теплоприбор“ и приборостроительное объединение. Еще в военные годы были заложены основы авиационной промышленности и судостроения, а в начале 1950-х гг. строительством Тимлюйского цементного завода было положено начало стройиндустрии республики. Вступили в строй новые предприятия пищевой и легкой промышленности. В 1974 г. началось строительство Байкало-Амурской магистрали. Существенные изменения произошли и в аграрном секторе, возросло сельскохозяйственное производство» [Базаров 2018: 4, 5].

В этот период заслуги республики были отмечены на всесоюзном уровне: в 1959 г. Орденом Ленина «за успехи, достигнутые в хозяйственном и культурном строительстве и в ознаменовании 300-летия добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства»; в 1972 г. — Орденом Дружбы народов; в 1973 г. — Орденом Октябрьской революции.

Вторая половина 1980-х гг. отмечена усилением тенденций и настроений «перестройки» во всех аспектах общественной жизни, охвативших социально-экономическую, политическую и духовную сферы. В сложившихся обстоятельствах острее стали звучать заявления о постоянном ограничении прав и полномочий национальных автономий, посредством укрепления тотальной централизации в рамках административно-командной системы [История Бурятии, 3 2011: 337].

Бурятская ССР

8 октября 1990 г. Верховный Совет Бурятской АССР, признав статус автономной республики сдерживающим развитие экономического, политического, социально-культурного потенциала Бурятии принял «Декларацию о государственном суверенитете Бурятской Советской Социалистической Республики». В то же время декларация была направлена на укрепление целостности РСФСР, развитие и расширение интернационализма. Принципиально значимыми концептуальными положениями, закрепленными в декларации стали: 1) полновластие многонационального народа Бурятской ССР являющегося «носителем суверенитета и единственным источником государственной власти в Республике» [Декларация... 1991: 256]; 2) государственная власть суверенного многонационального государства, находящегося в составе обновленной Российской Федерации, но при этом самостоятельного в решении любых государственных вопросов [Декларация... 1991: 257]; 3) территориальная неприкосновенность и

самостоятельное определение административно-территориального устройства республики [Декларация... 1991: 257]; 4) экономическая самостоятельность; 5) экологическая безопасность с учетом необходимости сохранения озера Байкал, представляющего мировую ценность [Декларация... 1991: 260]; 6) национально-культурное развитие народов Бурятии, включающее, в том числе, самостоятельность в решении вопросов образования, науки, и культуры [Декларация... 1991: 261]. «Однако провозглашение суверенитета произошло не в результате созревших политических и экономических условий в республике, а под влиянием политических событий, происходивших в стране в начале 1990-х гг.» [Базаров 2018: 5].

Республика Бурятия

1992–1994 гг. характеризуются особенно тяжелой ситуацией в социально-экономическом положении республики, психологической дезориентацией и ломкой судеб многих людей, лишившихся привычного образа жизни и работы. «В 1990-е гг. Бурятия по основным параметрам социально-экономического развития находилась в ряду замыкающих. Экономические преобразования сопровождались значительным спадом промышленного и аграрного производства. Экономика Бурятии потеряла более 85 тыс. человек ввиду миграции экономически активного населения, потери рабочих мест, роста безработицы и нарастания теневого сектора занятости» [Базаров 2018: 5].

Вместе с тем именно в эти годы происходит формирование новых принципов федеративных отношений и становление республики в качестве субъекта Российской Федерации. 27 июля 1992 г. Верховным Советом Бурятской ССР был принят Закон «Об изменении наименования Бурятской Советской Социалистической Республики в Республику Бурятия» [ГА РБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 3491. Л. 10].

В течение трех лет с момента переименования была утверждена государственная символика республики. Согласно Конституции Республики Бурятия, принятой 22 февраля 1994 г., «Бурятия стала президентской республикой. Законодательную власть осуществляет Народный Хурал, судебную — Конституционный, Верховный и Высший арбитражный суды. Конституция определила в качестве источника власти весь ее многонациональный народ» [Базаров 2018: 5].

Первым Президентом республики в 1994 г. был избран Л. В. Потапов. В 2007–2017 гг. республикой руководил В. В. Наговицын. В 2017 г., уверенно победив на выборах, главой Республики Бурятия стал А. С. Цыденов. Административно-территориальное устройство республики приобрело следующий вид: столица республики — г. Улан-Удэ, 21 муниципальный район, 3 района в г. Улан-Удэ, 2 городских округа и 4 города районного подчинения.

После системного кризиса 1990-х гг. в 2000-е гг. наблюдалось наращивание темпов экономического роста. В 2010 г. Бурятия заняла первое место среди регионов Сибирского федерального округа по темпам роста промышленного производства. В структуре промышленности выделялись электроэнергетика (Улан-Удэнская ТЭЦ-1, Гусиноозерская ГРЭС), производство авиационной техники (Улан-Удэнский авиационный завод), ремонт железнодорожного подвижного состава (Улан-Удэнский ЛВРЗ), добыча золота («Бурятзолото»), угля

(«Разрез Тугнуйский»), производство целлюлозы и картона (Селенгинский целлюлозно-картонный комбинат), металлоконструкций («Улан-Удэстальмост»), пиломатериала и пиловочника (Байкальская лесная компания), электронных и оптических приборов (Улан-Удэнское приборостроительное производственное объединение), переработка мяса («Бурятмясопром»). В легкой промышленности в этот период конкурентоспособным оставалось производство валяной обуви (объединение «Наран») [[Республика Бурятия, 2 2023: 193](#)].

Наряду с успехами в области экономики Бурятия сохранила за собой роль крупного научного, образовательного, культурного и спортивного центра Восточной Сибири. В последние годы она стала одним из туристических центров на востоке России. Тяжелую проверку на прочность пандемией COVID-19 выдержала система здравоохранения республики.

В 2000 г. Бурятия стала частью Сибирского федерального округа, а в 2018 г. была включена в состав Дальневосточного федерального округа, получив дополнительные возможности для развития. Поддержка федерального центра является необходимым условием решения комплексных задач регионального развития. Так, в ходе недавней рабочей поездки президента РФ В. В. Путина в Бурятию состоялось совещание по развитию дальневосточных городов. Глава государства обозначил приоритетные направления развития региона: преодоление проблемы загрязнения воздуха, обеспечение Бурятии магистральным газом, обновление городской инфраструктуры, ориентация профессионального образования на потребности экономики региона, развитие сферы культуры, досуга, спорта, туризма и сервиса. Были утверждены Стратегия и план комплексного развития Улан-Удэ и Северобайкальска до 2030 г. Президент поддержал инициативу работников авиационного завода по присвоению столице Бурятии почетного звания «Город трудовой доблести» [[Совещание... 2023](#)].

Славный исторический путь республики, ставший предметом пристального изучения ученых Бурятии, отражен в крупных обобщающих трудах. В 2011 г. вышло в свет трехтомное издание «История Бурятии» [[История Бурятии, 1 2011](#); [История Бурятии, 2 2011](#); [История Бурятии, 3 2011](#)]. В фундаментальной научной работе изложены основные вехи и события региональной истории от древности до современности.

К 100-летию Республики Бурятия подготовлено и опубликовано двухтомное юбилейное издание «Республика Бурятия. 100 лет. Хроника, события, комментарии» [[Республика Бурятия, 1 2023](#); [Республика Бурятия, 2 2023](#)]. Многочисленные фотографии и архивные документы сопровождаются текстами, в которых представлен богатый фактический материал, раскрывающий перед читателем важнейшие вехи истории республики, ее государственного строительства, основные этапы развития экономики, науки и образования, культуры, здравоохранения, спорта. Празднование векового юбилея республики, утвержденное указом президента Российской Федерации № 176 от 25 апреля 2018 г. «О праздновании 100-летия образования Республики Бурятия», обосновано как важный этап национально-государственной системы в рамках российского федерализма, выдержавшей испытание временем. Одним из центральных мероприятий грядущего юбилея и ключевым в ряду научных событий, приуроченных к 100-летию республики, станет международная научная конференция

«Трансграничье Востока России в модернизационных процессах XX–XXI вв.», которая состоится 30 мая 2023 г.

Сегодня республика имеет немало узких мест, связанных с ее социально-экономическим развитием. Но есть уверенность, что уровень и возможности научно-технического базиса высоко поднимут Бурятию в межрегиональном разделении труда. В борьбе за экономику необходимо понимать, что достижения духовной составляющей, сохранение и развитие исторических традиций и культурных ценностей — законное достояние многонационального народа Бурятии и один из главных приоритетов республики. В сложнейших исторических коллизиях в Бурятии сохранены межнациональный мир и дружба. Задача поколений — приумножить это богатство. Без него невозможны никакие государственные, общественные и экономические преобразования и развитие. Если этот ключ останется в наших руках, значит — будут победы. Сегодня в условиях переустройства мира как никогда актуально утверждение классиков, что патриотизм и дружба народов — единственная реальная движущая сила страны. Если она сохранена, то все остальное можно достичь.

Источники

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.

ГА РБ — Государственный архив Республики Бурятия.

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

Литература

Базаров 2013 — *Базаров Б. В.* От автономии к советской федерации: Республике Бурятия — 90 лет // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 2 (10). С. 10–18.

Базаров 2018 — *Базаров Б. В.* Бурятия в XX–XXI вв.: от национальной автономии к современной республике // Республика Бурятия — 95 лет: сб. науч. ст. / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2018. С. 3–6.

Базаров, Балдано, Варнавский 2017 — *Базаров Б. В., Балдано М. Н., Варнавский П. К.* Бурятская автономия: реализация и развитие (к 95-летию образования Республики Бурятия) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2017. Т. 22. С. 87–92.

Балдано 2020 — *Балдано М. Н.* Бурят-Монгольская АССР в условиях мобилизационной экономики (1941–1945 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2020. Т. 33. С. 46–54.

Батуев 2010 — *Батуев Ц. Б.* Создание органов государственной власти в Бурят-Монгольской АССР // Власть. 2010. № 3. С. 119–122.

Бурятия... 2020 — Бурятия в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: сб. документов, комментарии, перечень документов / авт.-сост.: Б. Ц. Жалсанова, Н. С. Барданов, Е. Д. Хамаева. Иркутск: Оттиск, 2020. 848 с.

Декларация... 1991 — Декларация о государственном суверенитете Бурятской Советской Социалистической Республики // К Союзу суверенных народов: сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета / сост. А. И. Доронченков; редсовет: Э. А. Баграмов (пред.) и др. М.: ИТИС ЦК КПСС, 1991. С. 255–261.

Елаев 2017 — *Елаев А. А.* Государственность Бурятии: прошлое, настоящее и перспективы модернизации // Россия и монгольский мир: вектор на сближение (Егуновские чтения – VII). Сборник статей международной научно-практической кон-

- ференции в рамках XII Международного всебурятского фестиваля «Алтаргана» (г. Улан-Удэ, 29–30 июня 2016 г.) / отв. ред. Н. С. Байкалов. Улан-Удэ: БГУ им. Д. Банзарова, 2017. С. 38–47.
- Ербанов 1936 — *Ербанов М. Н.* Бурят-монголы у великого Сталина. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское кн. изд-во, 1936. 76 с.
- История Бурятии, 1 2011 — История Бурятии: в 3 тт. / гл. ред. В. Б. Базаров. Т. 1: Древность и средневековье. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2011. 328 с.
- История Бурятии, 2 2011 — История Бурятии: в 3 тт. / гл. ред. В. Б. Базаров. Т. 2: XVII – начало XX вв. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2011. 624 с.
- История Бурятии, 3 2011 — История Бурятии: в 3 тт. / гл. ред. В. Б. Базаров. Т. 3: XX–XXI вв. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2011. 464 с.
- Конституция 1939 — Конституция (Основной Закон) Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское гос. изд-во, 1939. 31 с.
- Курас 2011 — *Курас Л. В.* Геополитические амбиции атамана Семенова: попытка создания федеративного «Велико-монгольского государства» // Гуманитарный вектор. 2011. № 4 (28). С. 255–262.
- Ленин 1981 — *Ленин В. И.* Проект постановления политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народами // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 41. М.: Изд-во полит. лит., 1981. С. 342–343.
- Проблемы 1935 — Проблемы Бурят-Монгольской АССР (Труды Первой конференции по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР) / гл. ред. В. А. Обручев, отв. ред. И. С. Шмулович. Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1935. 364 с.
- Протасов 2018 — *Протасов Е. Т.* Развитие органов власти Бурятской АССР в зеркале изменений конституционных норм 1977–1978 годов // Научное обеспечение развития АПК и сельских территорий Байкальского региона: материалы научно-практической конференции, посвященной Дню российской науки (г. Улан-Удэ, 5–9 февраля 2018 г.). Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2018. С. 87–94.
- Республика Бурятия, 1 2023 — Республика Бурятия в XX–XXI вв. Хроника, события, комментарии: юбилейное издание: в 2 тт. Т. 1. Улан-Удэ: ИД «ЭКОС», 2023. 256 с.
- Республика Бурятия, 2 2023 — Республика Бурятия в XX–XXI вв. Хроника, события, комментарии: юбилейное издание: в 2 тт. Т. 2. Улан-Удэ: ИД «ЭКОС», 2023. 256 с.
- Санжиев 2003 — *Санжиев Г. Л.* История образования и функционирования автономной республики // Республике Бурятия — 80 лет. Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2003. С. 31–37.
- Соболева 2020 — *Соболева А. Н.* Деятельность Российского общества Красного Креста в БМАССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26. № 4. С. 40–43.
- Совещание... 2023 — Совещание по развитию дальневосточных городов [электронный ресурс] // Официальный сайт «Президент России». 14 марта 2023 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70675> (дата обращения: 03.04.2023).
- Третий съезд... 1927 — Третий съезд Советов Бурят-Монгольской Автономной Социалистической Советской Республики (25 марта – 3 апреля 1927 г.). Верхнеудинск: Изд. Управления делами ЦИК и СНК Бурреспублики, 1927. 91 с.

Sources

- Russian State Archive of Sociopolitical History.
 State Archive of the Republic of Buryatia.
 State Archive of the Russian Federation.

References

- Baldano M. N. The Buryat-Mongolian ASSR in conditions of mobilization economy (1941–1945). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series 'History'*. 2020. Vol. 33. Pp. 46–54. (In Russ.)
- Batuev Ts. B. Buryat-Mongolian ASSR: The shaping of public authorities. *Vlast'*. 2010. No. 3. Pp. 119–122. (In Russ.)
- Bazarov B. V. (ed.) History of Buryatia. In 3 vols. Vol. 1: Ancient Times and the Middle Ages. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2011. 328 p. (In Russ.)
- Bazarov B. V. (ed.) History of Buryatia. In 3 vols. Vol. 2: 17th – Early 20th Centuries. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2011. 624 p. (In Russ.)
- Bazarov B. V. (ed.) History of Buryatia. In 3 vols. Vol. 3: 20th–21st Centuries. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2011. 464 p. (In Russ.)
- Bazarov B. V. Buryatia in 19–20th centuries: from national autonomy to modern republic. In: Bazarov B. V. (ed.) Republic of Buryatia – 95. Collected papers. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2018. Pp. 3–6. (In Russ.)
- Bazarov B. V. From autonomy to federation subject: The 90th anniversary of the Republic of Buryatia. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of SB RAS*. 2013. No. 2 (10). Pp. 10–18. (In Russ.)
- Bazarov B. V., Baldano M. N., Varnavskiy P. K. Buryat autonomy: Realization and development (To the 95th anniversary of the Republic of Buryatia). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series 'History'*. 2017. Vol. 22. Pp. 87–92. (In Russ.)
- Constitution (Supreme Law) of the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic. Ulan-Ude: Buryat-Mongolia State Publ. House, 1939. 31 p. (In Russ.)
- Declaration of State Sovereignty of the Buryat Soviet Socialist Republic. In: Doronchenkov A. I. (comp.) Towards the Union of Sovereign Peoples. Collected documents. E. Bagramov et al. (eds.). Moscow: Marx–Engels–Lenin Institute, 1991. Pp. 255–261. (In Russ.)
- Elaev A. A. Statehood of Buryat Republic: Past, present and prospects of modernization. In: Baikalov N. S. (ed.) Russia and the Mongolian World: Vector of Rapprochement (Egunov Readings — VII). Conference proceedings (Ulan-Ude, 29–30 June 2016). Ulan-Ude: Banzarov Buryat State University, 2017. Pp. 38–47. (In Russ.)
- Kuras L. V. Ataman Semenov's geopolitical ambitions: An attempt of creating a federative 'Great Mongolian state'. *Humanitarian Vector*. 2011. No. 4 (28). Pp. 255–262. (In Russ.)
- Lenin V. I. Draft Decree of the Politburo of the RCP(B) Central Committee on Objectives of the Party in Territories Inhabited by Oriental Peoples. In: Lenin. V. I. Complete Works. Vol. 41. Moscow: Politizdat, 1981. Pp. 342–343. (In Russ.)
- Meeting on development of cities in Russia's Far East. On: President of Russia (official website). Posted on 14 March 2023. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/70675> (accessed: 3 April 2023). (In Russ.)
- Obruchev V. A. et al. (eds.) Problems of the Buryat-Mongolian ASSR: Exploring Productive Forces of the Republic. Conference proceedings. Vol. 1. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1935. 364 p. (In Russ.)
- Protasov E. T. Development of authority bodies of the Buryat ASSR in the mirror of changes to the constitutional norms 1977–1978s. In: Scientific Support of Industrial Agriculture and Rural Territories across Baikalia. Conference proceedings (Ulan-Ude, 5–9 February 2018). Ulan-Ude: Filippov Buryat State Agricultural Academy, 2018. Pp. 87–94. (In Russ.)
- Republic of Buryatia in the 20th–21st Centuries: Chronicles, Events, Comments. Jubilee edition. Vol. 1. Ulan-Ude: ECOS, 2023. 256 p. (In Russ.)
- Republic of Buryatia in the 20th–21st Centuries: Chronicles, Events, Comments. Jubilee edition. Vol. 2. Ulan-Ude: ECOS, 2023. 256 p. (In Russ.)
- Sanzhiev G. L. Autonomous republic: A history of emergence and functioning. In: Celebrating the 80th Anniversary of the Republic of Buryatia. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2003. Pp. 31–37. (In Russ.)

- Soboleva A. N. Activities of the Russian Red Cross Society in Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic in the years of the axis aggression. *Vestnik of Kostroma State University*. 2020. Vol. 26. No. 4. Pp. 40–43. (In Russ.)
- Third Congress of Soviets of the Buryat-Mongolian Autonomous Socialist Soviet Republic: 25 March – 3 April 1927. Verkhneudinsk: Central Executive Committee of the BMASSR, 1927. 91 p. (In Russ.)
- Yerbanov M. N. Buryat-Mongols and the Great Stalin. Ulan-Ude: Buryat-Mongolia Book Publ., 1936. 76 p. (In Russ.)
- Zhalsanova B. Ts., Bardanov N. S., Khamaeva E. D. (comps.) Buryatia during the Great Patriotic War: 1941–1945. Collected documents. Irkutsk: Ottisk, 2020. 848 p. (In Russ.)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC 39

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-129-141

«Язык» леса в информационном пространстве кочевой культуры на примере тюрко-монгольских народов

*Марина Михайловна Содномпилова*¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-0741-0494. E-mail: [sodnompilova\[at\]yandex.ru](mailto:sodnompilova[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Содномпилова М. М., 2023

Аннотация. *Введение.* Лесные ландшафты сибирских территорий, где расселились тюрко-монголы, обосновали равные позиции таких исконных занятий кочевников, как скотоводство и охота. Неоднозначное восприятие леса определило и особое отношение к нему как информационному пространству. Лес вступает с человеком в коммуникативную связь, сообщая важную для него информацию посредством особого «языка». Исследование этого «языка» в разных традициях тюрко-монгольских народов Сибири, многообразия способов сообщения информации и ее интерпретации в традиционном мировоззрении является целью данной статьи. *Материалы и методы.* Источниками исследования стали историко-этнографические данные, опубликованные в работах исследователей — этнографов, историков, лингвистов, фольклорные материалы, а также материалы полевых исследований автора. В работе используются как общенаучные методы (анализ, аналогия и др.), так и частнонаучные (историко-сравнительный метод) исследования. *Результаты.* Окружающий человека мир выступает как сложное информационное пространство, пронизанное разнообразными каналами связи. Ретрансляторами информации выступали животные, птицы, деревья, атмосферные и природные явления. *Выводы.* Освоение человеком информационного пространства осуществлялось посредством всех органов чувств. В коммуникации с лесом представители тюрко-монгольских народов придавали важное значение визуальной, акустической, ольфакторной, сенсорной информации.

Ключевые слова: тюрко-монгольские народы, Сибирь, лес, информация, язык сообщений, сновидения

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственного задания «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.) (номер госрегистрации: 121031000243-5).

Для цитирования: Содномпилова М. М. «Язык» леса в информационном пространстве кочевой культуры на примере тюрко-монгольских народов // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 1. С. 129–141. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-129-141

The ‘Language’ of Forest in Information Space of Nomadic Culture: A Case Study of Turkic and Mongolic Peoples

Marina M. Sodnompilova¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0003-0741-0494. E-mail: sodnompilova[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Sodnompilova M. M., 2023

Abstract. *Introduction.* After Turko-Mongols inhabited forest landscapes of Siberia, positions of such primordial nomadic occupations as livestock breeding and hunting became somewhat equal. The ambiguous perceptions of forest also resulted in special attitudes towards the latter as an information space. So, in man-forest communication important messages would be articulated via a special ‘language’. *Goals.* The article attempts insights into this ‘language’ across different traditions of Siberia’s Turko-Mongols, examines diverse means of communicating and interpreting such information in traditional worldviews. *Materials and methods.* The study analyzes historical and ethnographic data published in works of researchers — ethnographers, historians, linguists, folklore materials. Particular attention is paid to the author’s field observations. The work employs both general research methods (analysis, analogy, etc.), and specifically those of historical science (e.g., historical-comparative one). *Results.* A surrounding world serves as a complicated information space abundant in various communication channels. Animals, birds, trees, atmospheric and natural phenomena tended to be perceived retransmission units. *Conclusions.* Man was to develop this information space through all senses. In communication with forest, representatives of the Turkic and Mongolic peoples attached great importance to visual, acoustic, olfactory, and sensory data.

Keywords: Turkic and Mongolic peoples, Siberia, forest, information, message language, dreams

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000243-5 ‘Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic, and Cross-Cultural Interaction, 17th–21st Centuries’.

For citation: Sodnompilova M. M. The ‘Language’ of Forest in Information Space of Nomadic Culture: A Case Study of Turkic and Mongolic Peoples. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(1): 129–141. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-129-141

Введение

На большей части пространства Сибири простираются леса, которые занимают важное место в духовном и практическом освоении пространства жизнеобеспечения части населения тюрко-монгольского мира, к которым принадлежат якуты, буряты, тувинцы, хакасы и другие тюркские народы Южной Сибири. Их основным занятием, несмотря на проживание в землях с преимущественным распространением лесных ландшафтов, оставалось скотоводство, отличительной чертой которого стала специализация на разведении определенных видов животных, приспособившихся к природным и климатическим условиям лесной зоны. В горно-таежных районах разводили вместо крупного рогатого скота яков, оленей. В сухих степных районах Забайкалья, Тувы разводили в неболь-

шом количестве и верблюдов. Наилучшим образом адаптировались к жизни в лесных зонах, даже в условиях низких температур, лошади. Свидетельством этого является бесценный опыт якутов, создававших на протяжении многих веков уникальную северную коневодческую культуру.

Лесные ландшафты сибирских территорий, где расселились тюрко-монголы, существенно отличались друг от друга по густоте и обширности, видовому составу деревьев и вторичной растительности. Если кочевники в Южной Сибири селились преимущественно в обширных межгорных долинах, где лес уступал место степной растительности, то в северных широтах традиционным местом поселения якутов стали алаасы — обширные поляны, иногда с озером, окруженные лесом.

Лес определил высокую степень значения и другого занятия «лесных» nomadov — охоты. Так, на сибирских просторах сформировался оригинальный хозяйственно-культурный тип, в котором равные позиции занимали и скотоводство, и охота. И хотя лес был обязательным компонентом «своей» земли, т. е. пространства жизнеобеспечения nomadov, в кочевой культуре к нему сложилось неоднозначное отношение. С одной стороны, лес — это сакральный, изобильный мир, духи-хозяева которого одаривают людей пищей, одеждой, строительным материалом, лечебными средствами, богатством. С другой стороны, кочевники противопоставляли себя лесу как миру «иному», враждебному, благополучно жить в котором (или рядом с ним) следовало, соблюдая строгие правила и ограничения. Даже в традиции якутов отношение к лесу было разным в зависимости от места проживания той или иной этнотерриториальной группы. Так, например, вилюйские якуты, воспринимали лес позитивно. «У центральных и северных якутов, у которых маркерами жизненного пространства выступают другие объекты ландшафта, лес рассматривается как периферия — переходная зона между „человеческим“ и „иными“ мирами — и имеет семиотический статус „опасной“ зоны» [Романова, Данилова 2015: 76].

Такое неоднозначное восприятие леса определило и особое отношение к нему как информационному пространству. Лес вступает с человеком в коммуникативную связь, сообщая важную для него информацию посредством особого «языка». Исследование этого «языка» в разных традициях тюрко-монгольских народов Сибири, многообразия способов сообщения информации и ее интерпретации в традиционном мировоззрении является целью данной статьи.

Источниками исследования стали историко-этнографические данные, опубликованные в работах исследователей — этнографов, историков, лингвистов, фольклорные материалы, а также материалы полевых исследований автора. В работе используются как общенаучные методы (анализ, аналогия и др.), так и частнонаучные (историко-сравнительный) методы исследования.

Виды информации

Сновидения

В традиционном мировоззрении иррациональное мышление занимало важнейшие позиции в процессе информационного постижения мира. Одним из инструментов иррационального мышления в архаических культурах являются сновидения, которым человек традиционной культуры уделял большое внима-

ние. В культуре многих сибирских народов выделялись особые категории людей, которые специализировались на толковании вещей снов. В якутской традиции люди, обладавшие особыми способностями видеть вещие сны — *ичан*, будто бы получали свои способности от духов нижнего мира. Во время сна их душа-ветер могла удаляться от тела до 30 верст, а дух абаасы во время этих путешествий объяснял душе все увиденное и предсказывал будущее [Попов 1949: 296].

А. Е. Захарова делит вещие сны на умозрительные, сны-предупреждения, сны-предвестники, сны-предзнаменования, аллегорические сны [Захарова 2004: 131].

Этнографические материалы показывают, что простые люди обращались к сновидцам в том случае, если смысл сновидения был им непонятен. К сложным сновидениям, истолковать которые могли только «специалисты», относятся аллегорические сновидения.

В традиционном обществе выделялась особая группа людей, для которых сообщения, посылаемые лесом, были жизненно важны. Эту группу составляли охотники. Они всегда чутко реагировали на знаки, которые посылал им лес. Чрезвычайно важное значение придавали охотники сновидениям, связанным с лесом и охотой. В этой связи вещие сны особенно ждали в начале охотничьего сезона. Тувинские охотники, когда наступал сезон охоты, говорили, что тайга, дух-хозяин тайги начинает приглашать на охоту, понуждает охотиться [Айыжы, Монгуш 2020: 1365].

Если же дух-хозяин тайги был недоволен охотником, не хотел видеть его в своих владениях, он также являлся к нему во сне — вел с ним разъяснительные беседы и даже запрещал ему охотиться. Так, одному буряту, «доброму охотнику приснился сон, что он дает зарок хозяину Хангая больше не ходить на зверя» [Кабан 2010: 101]. Он был вынужден отказаться от охоты [Кабан 2010: 101].

Некоторые сюжеты сновидений однозначно толковались как благоприятные или неблагоприятные. Так, например, у шорцев и кумандинцев сюжеты о ловле птиц или сборе кедровых орехов сулили, как считалось, несомненный успех. Напротив, видеть во сне земледельческие и скотоводческие продукты означало возможную неудачу в охоте [Сагалаев, Октябрьская 1990: 158]. Очень позитивным рассматривался сон, в котором охотнику являлась красивая молодая женщина и одаривала его любовью. Такой сюжет всеми понимался как интерес к охотнику со стороны лесного духа, либо дочери лесного божества, что, несомненно, должно было принести охотнику удачу.

Сюжеты многих сновидений были понятны только особым людям — сновидцам, шаманам. Известны предания, в которых люди, обладавшие иррациональным мышлением, видели во сне образы определенных мест, манивших их на поселение. Вещие сновидения, в которых кодировалось сообщение, исходящее из какой-либо местности, видели люди, обладавшие способностями распознавать такую информацию. В якутском предании, описывающем переселение представителей некоторых этнических групп бурят на север, говорится, что один такой человек — сновидец, обладавший даром предвидеть будущее посредством предчувствий и примет Орхон Болодой, ночуя на берегу реки, увидел вещий сон. Он увидел во сне, что с устья реки веет очень теплым воздухом. Это означало, что на реке расцветет в будущем богатая и зажиточная жизнь, здесь

размножатся люди и скот [Оногой Баай 2004: 342]. Любопытна в данном случае ориентация на сенсорную информацию человека во сне.

В состав сообщений от леса входят и сны, в которых присутствуют лесные «объекты» — деревья и его жители — животные, птицы, пресмыкающиеся. Деревья определенных пород, считавшиеся когда-то родовыми деревьями у бурят, в «тексте» сновидения интерпретируются как люди, члены родового сообщества, патронимии. Видеть во сне поваленную лиственницу — к смерти кого-либо из родственников, если это дерево было маленьким — к гибели ребенка [Галданова 1987: 31]. Аналогичным образом истолковывали подобные сны и тюрки Южной Сибири, в мировоззрении которых связь деревьев с сеоками все еще сохраняет актуальность.

Дикие животные, которые снились людям, понимались как духи шаманских предков. В зависимости от их поведения — они могли одарить человека, либо угрожать ему, сновидцы объясняли их агрессию как требование совершения обряда почитания, а доброжелательное отношение как благосклонность к потомку. Обычно они являлись в образе медведя, волка, оленя, птицы. Якуты считали, что видеть во сне белку, горностаю и колонку — к худому, поскольку в этом образе являлись к человеку шаманские духи абаасы [Попов 1949: 297].

Целый ряд сюжетов сновидений, в котором главным персонажем выступает змея, описан у ойратов Монголии. Преимущественно все они имеют позитивное значение [Эрдэнэболд 2012: 62, 63].

Визуальная, акустическая, ольфакторная, сенсорная информация

В освоении пространства в расчет принимается любая информация, которую человек получает благодаря всем органам чувств. Визуальная информация в коммуникации человека и леса является основной. В лесу внимание людей могло привлечь необычное положение деревьев, камней, водоемов, изменение цвета объектов, внезапное и несвойственное определенному времени года выпадение осадков, сильная гроза, ураганный ветер, возгорание огня.

Знаки неживой природы. Все охотники, находившиеся на промысле, особое значение придавали знакам, исходившим от огня на стоянке, приглядывались к языкам пламени и прислушивались к треску, которые он издавал. В отличие от огня домашнего очага, огонь на охотничьей стоянке выступал как посредник между людьми и божеством леса и своим «языком» выражал волю божества. По этим знакам судили, будет ли охота удачной, не ждет ли охотников беда. «Если в лесу на охотничьем таборе по какой-то причине вдруг загорался шалаш, обитатели его немедленно снимались с места, уходили с табора, считая, что это гневается хозяин тайги» [Галданова 1987: 30]. Грозы в лесу не опасались, веря, что громом и молниями небесные божества преследуют злых духов, прячущихся за деревьями и кустами. Но, если случилась буря и повалила много деревьев, «предсказывали, что много людей уйдет из жизни в ближайшем будущем» [Галданова 1987: 31].

Если сильный вихрь валил человека с ног, это рассматривалось как плохой знак — к его смерти [Попов 1949: 295].

Якуты обращали внимание на положение на местности таких сакральных объектов, как священные камни. Некоторые камни по верованиям якутов могли

менять свое положение в пространстве — лежать на боку, стоять вертикально. «Если камень на озере Ангала видели лежащим на боку, то это являлось признаком смерти кого-либо из родичей Ботулинского или Оногосчутского наследов» [Попов 1949: 281].

Отправляясь на охоту в лес, промысловики также следили за тем, как ведут себя их главные помощники — собака и лошадь. Если собака перед охотой валяется на спине, то это считается хорошей приметой — тем самым собака выпрашивает добычу у Хангая. Если конь перед дорогой в тайгу уже на ходу «наложит кучу» — он тем самым предсказывает богатую добычу [ПИМА 2002].

Встречи в пути. В поле визуальной информации огромное внимание уделяется встречам за пределами освоенного домашнего пространства с разными дикими животными. Интерпретация встречи с животным зависела во многом от того, каким был его символический образ в традиционном мировосприятии, а также от вектора движения животного. Особую значимость встречам с животными придавали охотники.

Встреча с волком у тюрко-монгольских народов, как правило, воспринималась позитивно. Волк относился к числу особо почитаемых животных в среде кочевников, обладающих чертами предковости. В среде ойратов сформировался образ волка как животного, которому сопутствует удача. Замечено, что волк обычно не встречается охотнику с ружьем, зато в другое время попадает на глаза довольно часто. Такой феномен называется «волчье везение». В этой связи алтайские охотники верят, что волк показывается только тем, кому, как и волку, в жизни сопутствует удача, и не попадает на глаза невезучему человеку [Эрдэнэболд 2012: 55].

Неоднозначное отношение в лесном регионе сложилось к лисе. Закаменские буряты считали, что если лиса перебежит дорогу перед конем, да еще слева направо — не будет удачи в охоте. Ойраты, проживающие в зоне Монгольского Алтая, Джунгарии, считали ее животным с «черным следом», т. е. приносящим несчастье. До настоящего времени сохраняется убеждение, что встреч с лисой как воплощением всего плохого следует избегать [Эрдэнэболд 2012: 62]. Охотники, встретившие лису в начале охоты, вынуждены были возвращаться обратно. Разделяли такие воззрения и урянхайцы: они верили, что «...если лисица перебежит дорогу идущему — будет худо. Если медленно — то ничего» [Потанин 1883: 132].

У тюркских народов Южной Сибири предстоящую охоту считали неудачной при встрече с другими лесными жителями, например змеей и зайцем. Ойраты Монголии, выезжая на охоту и встретив змею, считали эту встречу плохой приметой и затапывали ее конями [Эрдэнэболд 2012: 64]. Урянхайцы считали плохой приметой встречу в пути с зайцем [Потанин 1883: 132]. Теленгины считали плохой приметой встречу с зайцем в начале охоты и старались его убить. Разделяли это мнение и хакасы, у которых была записана следующая дорожная примета: «Если заяц перебежит дорогу, то случится несчастье» [Бурнаков 2021б: 44].

И все же при встречах с лесными жителями для монголов, бурят, тувинцев более важным было направление движения животного. Оценивали направление, учитывая особенности кроя традиционной одежды, у которой левая пола запахивалась на правую. Движение слева направо считалось плохим знаком и

предвещало убыль, поскольку в этом случае вектор движения был направлен из-за пазухи наружу. И наоборот, если животное двигалось как бы вовнутрь одежды, это символизировало удачу.

Охотники повсеместно соблюдают запрет на отстрел очень крупных лесных животных, имеющих необычную масть, большие рога с 24 отростками и другие необычные черты. «...Случайная встреча с большими зверями или птицами не дает права стрелять в них — грех. Нарушение наказывается смертью человека или скотины. Даже нечаянно попавший в петлю журавль или аист считается несчастьем, последствие — то же» [Табу 2004: 245]. Такие животные и птицы считались воплощением духа-хозяина леса, который пожелал встречи с охотником. Обычно такая встреча толковалась позитивно.

Встреча за пределами дома с птицами могла рассматриваться положительно, если речь шла о почитаемой птице. Северные якуты, почитавшие ястреба, считали большим счастьем сопровождение их в пути этой птицей — «если в пути ястреб летел с ними в одном направлении» [Захарова 2004: 168].

Лесные обитатели у жилья человека. Население, проживающее в лесном регионе, важное значение придавало окказиональному посещению усадьбы и дома лесными животными и птицами. Одомашненное пространство всегда противопоставлялось территориям иного порядка, которые характеризовались как пространства иного мира, к которым, безусловно, относился и лес. И когда лесные жители посещали человеческое жилье, эти визиты рассматривались в большинстве случаев как негативные. Особенно тревожились люди, если замечали у дома диких птиц — орла, коршуна, глухаря, дятла, кукушку, удода. Буряты, якуты, тувинцы, хакасы считали плохим предзнаменованием прилет к дому кукушки. Ее появление не могло быть случайным. «Когда весной кукушка кукует, сидя на заборе или на дереве... стоящим вблизи дома, то полагают, что ее побудила какая-то беда, дыхание какой-либо нечисти. После этого живут в тревоге, думая, что пришел конец благополучной жизни» [Кукушка 2004: 234].

Хакасы также воспринимали прилет кукушки к дому негативно: «Если кукушка залетает в деревню, располагается близко к дому и кукует, то это обязательно к несчастью, смерти» [Бурнаков 2008: 304].

Очень плохой приметой считалось следующее поведение лесных птиц: «Кукушка гонится за человеком, перелетая с места на место и забегая вперед садится на забор или коновязь; глухарь залетает во двор; дятел долбит жилую постройку; в доме поселяется кулик» [Попов 1949: 288–289]. Прилет к дому орла якуты воспринимали как попытку сообщить людям намерения или пожелания божеств или духов. Общался с птицей обычно шаман [Орел 2004: 223].

Буряты относили к зловещим птицам удода *уболжин*. Люди верили, что там, где он гнездится, всегда несчастье. Ц. Жамцарано записал рассуждения бурята Ранжала, обнаружившего гнездо удодов под буддийским субурганом: «Эта птица зловещая! Поверь, это факт. Например, в прошлом году у бурята N под полом гнездились уболжины, и что же? Умер муж! Да будет вам известно, продолжал Ранжал, — что перед нами оборотни, а не настоящие птицы. Дух обернулся удодами, и в этом нет сомнения» [Жамцарано 2001: 250]. Также дурным знаком считали буряты, если в жилых строениях на летнем поселении до приезда людей устраивала гнездо дикая утка, а в зимнике селился хорек [Потанин 1883: 133].

Жилье человека в лесной зоне нередко посещали и дикие животные. В прошлом во многих лесных районах Бурятии, по воспоминаниям сельчан, дикие копытные не опасались людей и довольно часто приходили к жилью человека. Косули, пасущиеся среди овец и крупного рогатого скота, изюбри и лоси, приходившие к стогам заготовленного сена, были обычным явлением сельской жизни [ПМА 2002; Сыртыпова 2007: 115].

Иногда животные забегали и на территорию усадьбы. Согласно верованиям бурят, диких животных, забежавших на территорию поселения, во двор, убивать было нельзя. Это могло вызвать гнев лесного божества Хангая. Лесные животные, в частности копытные, считались домашним скотом духа-хозяина леса. Косули считались его овцами, изюбри — коровами, лоси — лошадьми Хангая. Волк считался его собакой. Запрещалось убивать волка, забежавшего во двор и зарезавшего скотину, иначе, как полагали, придется понести еще большие убытки [Галданова 1987: 36]. Если во двор забегала косуля, буряты горно-таежного края Восточных Саян, проводили особый обряд. По сообщению информанта С. Е. Х. из села Шулуцы Окинского района Бурятии, обряд проводился следующим образом: «Бывали случаи, когда в скотный двор забегала косуля — овца Хангая. Тогда резали овцу, мясо варили, а кости сжигали на костре, это называлось — порадовать Хангая костром (*галар Хангай хундэлдэг*). Косулю отпускали на волю» [ПМ РЦНТ 2022].

Отдельный комплекс воззрений связан со змеями, в силу неоднозначного отношения к пресмыкающемуся. В традиционных воззрениях хакасов крайне неблагоприятным знаком и реальной угрозой для домочадцев считалась ситуация, когда змея вползала в человеческое жилище [Бурнаков 2021а: 146].

Схожие взгляды на обозначенную ситуацию со змеей, находящейся вблизи жилища людей, бытовали у некоторых этнических групп бурят. Так, Г. Н. Потанин по этому поводу писал: «Змею увидеть подле дома также считается у аларских бурят знаком беды» [Потанин 1883: 133]. Буряты, проживавшие на территории, которая находилась под покровительством божества змей¹, расценивали посещение усадьбы змеями как знак, исходящий от божества-покровителя змей, что наступило время для проведения обряда его почитания [ПМА 2005].

Ойраты, в традиции которых был особенно развит культ змеи, напротив, считали появление пресмыкающегося в доме, особенно в юрте новобрачных, хорошим знаком [Эрдэнэболд 2012: 60–64]. Встреча со змеями в их исконной среде обитания, особенно в те периоды, когда змеи собираются в большие группы, считается хорошим знаком.

Акустическая информация. Во многих случаях, особенно в условиях ограниченной видимости леса, более актуальной представляется акустическая информация. Таежный мир в концепции звукового ландшафта — нового актуального направления исследований, развивающегося в акустической экологии [Шейкин и др. 2018: 94], обладает наиболее сложной звуковой картиной, в которой человеку жизненно важно было уметь ориентироваться. Звуковая ориентация в условиях ограниченной видимости леса была чрезвычайно важна

¹ Одним из таких мест является пространство около села Байтог в Эхирит-Булагатском районе Иркутской области. Согласно преданию, в этой местности обитает божество змей Могой-хан, которому люди обращаются с разными просьбами, особенно по поводу исцеления от болезней [ПМА 2005].

не только для охотника и путешественника, но и для всех тех, кто по разным причинам оказывался в лесу. Главными ретрансляторами информации в лесу считались птицы. Стрекотание сороки, по мнению бурят, предвещало радостную встречу [Жамцарано 2001: 181]. Ряд птиц, считавшихся сугубо лесными, своими криками предвещали ненастье. Кукование кукушки, по мнению хакасов, может предвещать ненастье, снегопад [Кастрен 1999: 215]. «Если кукушка после кукования очень сильно захохочет, то будет ненастье» [Бурнаков 2008: 308].

Буряты полагали, что ненастье своим криком пророчит коршун [Хангалов 1960: 74]. По наблюдениям якутов, перед дождем усиленно перекликаются кроншнепы, которых еще называют «дождевыми куликами». Эту птицу считают младшим братом божества темной тайги [Кроншнеп 2004: 242].

Бурятские охотники верили, что и сам хозяин леса может выглядеть как охотник и охотиться в лесу. Охотники могут слышать ружейные выстрелы, которые отличаются от звука выстрелов человеческого ружья. «Они громче и звучат немного глуше. Если артель услышит такой выстрел духа тайги, то это плохо — не будет хорошей охоты» [Хангалов 1959: 34].

Иногда в лесу людям слышатся человеческие голоса. Нередко они зовут человека по имени. Согласно распространенному мнению, это голоса духов, в которых обратились погибшие в лесу люди. Отозваться на этот зов означало утратить собственную жизнь. Таким образом, пребывание в лесу определяет необходимость чуткого поведения, гармонирующего с акустической средой ландшафта.

В диалоге человека с лесом важная роль отводилась улигершинам — исполнителям эпосов и сказок, которых, по мнению кочевников, очень любили слушать духи леса. Такой человек очень часто становился полноправным членом охотничьей артели. Авторитет улигершина как посредника между людьми и лесом был настолько высок, что к помощи сказителей обращались в случае лесных пожаров. Такой случай был описан Ц. Жамцарано: «Когда говорил улигер, ночью падал снег или дождик, юрта покрывалась росой или инеем, на пепле оставался след духа улигера. Таково было общее поверие всех бурят, и сам рапсод подтвердил. Вера в волшебную силу улигера так велика, что в 1890-х годах буряты после долгой бесплодной борьбы с местным пожаром на хребтах устроили суглан (сход) и решили торжественно пригласить рапсода Бадму на место пожара и попросить передать поэму. Бадма согласился и всю ночь провел на хребте, окруженный самыми лучшими бурятами. Пропел свою поэму до конца, с соблюдением «припева», «приглашения», остановок и т. д. Для господина духа улигера были поставлены лучшие блюда, кушал он или нет, неизвестно, но известно достоверно, что к утру пал глубокий снег и пожар был потушен. Это объясняется тем, что пение поэм-улигеров доставляет громадное удовольствие духам гор и мест. Поэмы понятны духам. А тибетские книги и ламы злят только» [Жамцарано 2001: 245].

Ольфакторная информация. Важное значение в лесном регионе уделяется ольфакторной информации, особенно в осмыслении предстоящих событий. Согласно одному якутскому преданию, из земли племени бурят прибыл человек по имени Хара Тюмэн осматривать земли в поисках страны, где можно было бы поселиться. Он прибыл напрямиком на верховья Вилюя и, принохиваясь к

лесам и болотам Вилюя, назвал реку «„бесценный, пахнувший жиром, жирный Вилюй, Глухой (замкнутый) Вилюй“». Он поплыл вниз и через тройное устье Вилюя попал на Лену, там он, плывя вверх по ней, принохиваясь, остановился и подумал, что в такой прекрасной приречной долине кто-нибудь да должен жить, и нашел у госпожи бабушки Сарглаах Сахсары Оногой Баая» [Оногой Баай 2004: 376].

Заключение

Окружающий человека мир выступает как многомерное информационное пространство, пронизанное разнообразными каналами связи. Встраиваясь в это пространство, человек традиционного общества учился понимать сообщения, посылаемые ему лесом, степью, горами, небом, солнцем, звездами, опираясь на все органы чувств своего тела. В коммуникации с лесом представители тюрко-монгольских народов придавали важное значение визуальной, акустической, ольфакторной, сенсорной информации, а ретрансляторами информации выступали животные, птицы, деревья, атмосферные явления. В традиционном мировоззрении лесные жители характеризовались как представители иного мира, и их появление возле жилища человека воспринималось как неординарное событие. Эти визиты интерпретировались в большинстве случаев негативно. Полагали, что лесные животные и птицы могли явиться к жилищу человека по воле божеств или злых духов, желающих навредить людям. Их появление расценивали как предвестие беды для семьи и хозяйства. Неожиданные визиты из леса могли интерпретироваться и как требование со стороны лесных божеств оказать им внимание и почтить их. По-другому толковалось поведение лесных жителей и звуков, ими издаваемых, в самом лесу. Находящиеся в тайге люди обращали внимание на любые знаки-сообщения, которые посылал им лес, — образы, звуки, запахи, холод, тепло, которые помогали людям познавать жизнь леса, его обитателей, выбирать подходящие для безбедной и счастливой жизни места.

Полевые материалы автора

ПМА 2002 — инф. Ж. Ю. Д. (1953 г. р.), с. Цаган-Морин Закаменского района Республики Бурятия (запись 2002 г.).

ПМА 2005 — инф. А. Г. А. (1932 г. р.), с. Байтог Эхирит-Булагатского района Иркутской области (запись 2005 г.).

Полевые материалы Республиканского центра народного творчества Республики Бурятия

ПМ РЦНТ 2022 — инф. Х. С. Е. (1951 г. р.), с. Шулуцы Окинского района Республики Бурятия (запись 2022 г.)

Author's Field Data

Informant 1: Yu. D. Zh., b. 1953. Rec. in Tsagan-Morin (Zakamensky District, Republic of Buryatia, Russia), 2002. (In Bur. and Russ.)

Informant 2: G. A. A., b. 1932. Rec. in Baitog (Ekhirit-Bulagatsky District, Irkutsk Oblast, Russia), 2005. (In Bur. and Russ.)

Informant 3 (Courtesy of Buryatia Center for Folk Arts): S. E. Kh., b. 1951. Rec. in Shuluty (Okinsky District, Republic of Buryatia, Russia), 2022. (In Bur. and Russ.)

Литература

- Айыжы, Монгуш 2020 — *Айыжы Е. В., Монгуш А. М.* Охотничьи традиции тувинцев: этнографический аспект // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 5. С. 1359–1370. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1359-1370
- Бурнаков 2021a — *Бурнаков В. А.* Змея и ее хтоническая сущность в традиционных верованиях, языке и фольклоре хакасов // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2021. Т. 20. № 5. С. 142–153. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-5-142-153
- Бурнаков 2021б — *Бурнаков В. А.* Образ зайца в традиционных представлениях и фольклоре хакасов (конец XIX – середина XX в.) // *Этнография*. 2021. № 2 (12). С. 29–51. DOI: 10.31250/2618-8600-2021-2(12)-29-51
- Бурнаков 2008 — *Бурнаков В. А.* Образ кукушки в мифопоэтической и ритуальной традиции хакасов // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2008. Т. 14. С. 305–309.
- Галданова 1987 — *Галданова Г. Р.* Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 113 с.
- Жамцарано 2001 — *Жамцарано Ц.* Путевые дневники 1903–1907 гг. / отв. ред. Ц. П. Ванчикова; сост. В. Ц. Лыскокова, Ц. П. Ванчикова, И. В. Кульганек. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001. 380 с.
- Захарова 2004 — *Захарова А. Е.* Архаическая ритуально-обрядовая символика народа саха (по материалам олонхо). Новосибирск: Наука, 2004. 312 с.
- Кабан 2010 — *Кабан* — страшный зверь // *Степные были и небылицы* / ред. Мэргэн Хасбаатарын. Улан-Удэ: Буряад-Монгол ном, 2010. С. 101–103.
- Кастрен 1999 — *Кастрен М. А.* Путешествие в Сибирь (1845–1849): в 2 тт. Т. II. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 342 с.
- Кроншнеп 2004 — *Кроншнеп* // *Якутские мифы* / сост. Н. А. Алексеев. Новосибирск: Наука, 2004. С. 242.
- Кукушка 2004 — *Кукушка* // *Якутские мифы* / сост. Н. А. Алексеев. Новосибирск: Наука, 2004. С. 235.
- Оногой Баай 2004 — *Оногой Баай и Хара Тюмэн* // *Якутские мифы* / сост. Н. А. Алексеев. Новосибирск: Наука, 2004. С. 375–376.
- Орел 2004 — *Орел* // *Якутские мифы* / сост. Н. А. Алексеев. Новосибирск: Наука, 2004. С. 223.
- Попов 1949 — *Попов А. А.* Материалы по верованиям вилюйских якутов // *Сборник Музея антропологии и этнографии*. 1949. Т. IX. С. 257–323.
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Выпуск IV. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1883. 1029 с.
- Романова, Данилова 2015 — *Романова Е. Н., Данилова Н. К.* Концепт леса у периферийных групп северных тюрков // *Общество: философия, история, культура*. 2015. № 6. С. 75–77.
- Сыртыпова 2007 — *Сыртыпова С.-Х.* Святыни кочевников Трансбайкалья (Традиционные культовые объекты как памятники истории и культуры). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. университета, 2007. 272 с.
- Сагалаев, Октябрьская 1990 — *Сагалаев А. М., Октябрьская И. В.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: знак и ритуал / отв. ред. И. М. Гемуев. Новосибирск: Наука, СО, 1990. 208 с.
- Табу 2004 — *Табу на крупную дичь и зверей* // *Якутские мифы* / сост. Н. А. Алексеев. Новосибирск: Наука, 2004. С. 245.
- Хангалов 1959 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений: в 3 тт. Т. II. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1959. 443 с.

- Хангалов 1960 — Хангалов М. Н. Собрание сочинений: в 3 тт. Т. III. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1960. 421 с.
- Шейкин и др. 2018 — Шейкин Ю. И., Добжанская О. Э., Никифорова В. С., Игнатьева Т. И. Звучащие ландшафты Арктики: слышимое пространство природы и сакрального мира // Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования. М.: Канон+. С. 93–126.
- Эрдэнэболд 2012 — Эрдэнэболд Л. Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2012. 196 с.

Reference

- Aiyzhy E. V., Mongush A. M. Tuvan hunting traditions: An ethnographic perspective. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 5. Pp. 1359–1370. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1359-1370
- Boar — frightful beast. In: Mergen Kh. (ed.) True Stories and Legends of the Steppe. Ulan-Ude: Buryaad-Mongol Nom, 2010. Pp. 101–103. (In Russ.)
- Burnakov V. A. Images of the hare in the traditional beliefs and folklore of the Khakas (Late nineteenth – mid-twentieth centuries). *Etnografia*. 2021. No. 2 (12). Pp. 29–51. (In Russ.) DOI: 10.31250/2618-8600-2021-2(12)-29-51
- Burnakov V. A. The image of the cuckoo in Khakass mythopoetic and ritual traditions. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. 2008. Vol. 14. Pp. 305–309. (In Russ.)
- Burnakov V. A. The snake and its chthonic essence in traditional beliefs, language and folklore of the Khakass. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2021. Vol. 20. No. 5. Pp. 142–153. (In Russ.) DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-5-142-153
- Castrén M. A. Travels in Siberia: 1845–1849. Vol. 2. Tyumen: Yu. Mandrika, 1999. 342 p. (In Russ.)
- Cuckoo. In: Alekseev N. A. (comp.) Yakut Myths. Novosibirsk: Nauka, 2004. P. 235. (In Russ.)
- Curlew. In: Alekseev N. A. (comp.) Yakut Myths. Novosibirsk: Nauka, 2004. P. 242. (In Russ.)
- Eagle. In: Alekseev N. A. (comp.) Yakut Myths. Novosibirsk: Nauka, 2004. P. 223. (In Russ.)
- Erdenebold L. Traditional Beliefs of Oirat Mongols: Late 19th – Early 20th Century. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2012. 196 p. (In Russ.)
- Galdanova G. R. Pre-Lamaist Beliefs of Buryats. Novosibirsk: Nauka, 1987. 113 p. (In Russ.)
- Jamsarano Ts. Travel Diaries: 1903–1907. Ts. Vanchikova (ed.), V. Lyksokova et al. (comps.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2001. 380 p. (In Russ.)
- Khangelov M. N. Collected Writings. Vol. 2. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1959. 443 p. (In Russ.)
- Khangelov M. N. Collected Writings. Vol. 3. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1960. 421 p. (In Russ.)
- Onogoy Baay and Khara Tyumen. In: Alekseev N. A. (comp.) Yakut Myths. Novosibirsk: Nauka, 2004. Pp. 375–376. (In Russ.)
- Popov A. A. Materials on beliefs of the Vilyuy Yakuts. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. 1949. Vol. IX. Pp. 257–323. (In Russ.)
- Potantin G. N. Essays on Northwestern Mongolia. Vol. 4: Ethnographic Materials. Sr. Petersburg: V. Kirschbaum, 1883. 1029 p. (In Russ.)
- Romanova E. N., Danilova N. K. The concept of wood of peripheral communities of northern Turkic peoples. *Society: Philosophy, History, Culture*. 2015. No. 6. Pp. 75–77. (In Russ.)
- Sagalaev A. M., Oktyabrskaya I. V. Traditional Worldviews of South Siberian Turks: Sign and Ritual. I. Gemuev (ed.). Novosibirsk: Nauka, 1990. 208 p. (In Russ.)
- Sheykin Yu. I., Dobzhanskaya O. E., Nikiforova V. S., Ignatyeva T. I. Sounding landscapes of the Arctic: Audible space of nature and sacral world. In: Arctic Geocultures. Analytical

- Methodology and Applied Research. Moscow: Kanon+, 2018. Pp. 93–126. (In Russ.)
- Syrtyanova S.-Kh. Sanctuaries of Transbaikalian Nomads: Traditional Cult Objects as Monuments of History and Culture. Ulan-Ude: Banzarov Buryat State University, 2007. 272 p. (In Russ.)
- Taboo on big game and animals. In: Alekseev N. A. (comp.) Yakut Myths. Novosibirsk: Nauka, 2004. P. 245. (In Russ.)
- Zakharova A. E. Archaic Ritual and Ceremonial Symbols of the Sakha: Analyzing Olonkho Narratives. Novosibirsk: Nauka, 2004. 312 p. (In Russ.)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК / UDC 811.512.31+94(57)
DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-142-157

Историческая фонетика бурятского языка в русскоязычной документации XVII в. (к постановке проблемы). Часть 1

Владимир Владимирович Тишин^{1,2}, Баир Зориктоевич Нанзатов³

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

² Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Восточный институт, кафедра филологии Центральной Азии (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)
магистрант

 0000-0001-7344-0996. E-mail: [tihiy-511\[at\]mail.ru](mailto:tihiy-511[at]mail.ru)

³ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-8012-2515. E-mail: [nanzatov\[at\]yandex.ru](mailto:nanzatov[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Тишин В. В., Нанзатов Б. З., 2023

Аннотация. *Введение.* Основные фонетические характеристики бурятского языка, отличающие его от других языков монгольской группы и отраженные в его диалектах западного и восточного ареала, сформировались, по меньшей мере, во второй половине XVIII в. Начальный период формирования этих специфических характеристик остается недостаточно ясным. В статье предпринимается попытка показать возможность выделения ареальных фонетических особенностей бурятского языка среди локальных групп населения Прибайкалья уже в первой половине XVII в. на материале аутентичных источников. *Цель* исследования — анализ зафиксированной в русскоязычных документах XVII в. этнонимии и ономастики, относящейся к бурятскому населению, на предмет выявления специфических произносительных особенностей, отражающих диалектные различия, характерные для говоров бурятского языка. *Материалы и методы.* Первая часть статьи посвящена рассмотрению дискуссии касательно общей хронологии фонетических изменений, приведших к становлению бурятского языка и выделяющих его среди других языков монгольской группы. Рассмотрены ключевые работы, проанализированы методы и подходы исследователей. *Результаты.* Работа с исследовательской литературой приводит к заключению, что в научной среде отсутствует компромиссное видение нижней хронологической вехи, с которой можно было бы отсчитывать начало формирования отличительных фонетических черт бурятского языка. Одни исследователи считают, что ключевые процессы, способствовавшие кардинальной перестройке бурятского консонантизма, начались в XVII в. и произошли к

началу XVIII в., другие видят их начало позже — по меньшей мере, в конце XVII в., а завершение — в течение XVIII в. *Выводы.* Исследователями, изучавшими историю бурятской фонетики, преимущественно привлекались лингвистические материалы XVIII в., в ограниченной мере использовались данные других источников — русских заимствований в бурятский язык, монгольских заимствований в эвенкийском и якутском языке, хронологическая атрибуция которых все еще требует дальнейших исследований в контексте общей истории фонетики языков-реципиентов, в том числе в привязке к прояснению исторического контекста взаимодействия их исторических носителей с носителями монгольских языков. Отсутствие непосредственных письменных источников не позволяет ожидать прояснения этих вопросов. Поэтому историческая лингвистика сама по себе может выступать в качестве перспективного инструмента для исторических реконструкций.

Ключевые слова: бурятский язык, бурятские диалекты, историческая фонетика, монгольские языки, этнонимика, ономастика

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственных заданий «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства» (номер госрегистрации: 121031000241-1) и «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)» (номер госрегистрации: 121031000243-5).

Для цитирования: Тишин В. В., Нанзатов Б. З. Историческая фонетика бурятского языка в русскоязычной документации XVII в. (к постановке проблемы). Часть 1 // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 1. С. 142–157. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-142-157

Buryat Historical Phonetics in Seventeenth-Century Russian-Language Documents: Problem Statement Approached. Part One

Vladimir V. Tishin^{1,2}, *Bair Z. Nanzatov*³

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

² Banzarov Buryat State University, Institute of Oriental Studies, Department of Central Asia Philology (24A, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)

 0000-0001-7344-0996. E-mail: tihij-511[at]mail.ru

³ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-8012-2515. E-mail: nanzatov[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Tishin V. V., Nanzatov B. Z., 2023

Abstract. Introduction. It is in the mid-to-late 18th century at latest that the main phonetic characteristics of Buryat that distinguish the latter from other Mongolic languages — reflected in its western and eastern dialects — took shape. The initial period that had witnessed the formation of these specific elements still remains somewhat unclear. The paper analyzes

authentic sources and attempts to show a possibility that the areal phonetic features of Buryat emerged within local population groups of Baikalia as far back as the early-to-mid 17th century. *Goals*. The article analyzes ethnonyms (and other onyms) relating to the Buryat population and recorded in seventeenth-century Russian-language documents to identify spelling (pronunciation) specificities characteristic of Buryat dialects. *Materials and methods*. Part One of the study deals with discussions over some general chronology of phonetic changes that have resulted in the shaping of Buryat, and distinguish the latter from other Mongolic languages. The paper examines major related works, analyzes methods and approaches employed by the researchers. *Results*. Our insights into scholarly publications conclude there is no compromise view on the lower chronological limit that would serve as *terminus a quo* for Buryat phonetic features. According to some researchers, key processes that fundamentally rebuilt the Buryat consonant system had begun in the 17th century and proceeded to completion by the early 18th century, while others insist those had emerged only in the late 17th century to culminate throughout the 18th century. *Conclusions*. Scholars that have dealt with Buryat phonetics tended to focus on eighteenth-century linguistic materials and rarely turned to other sources, such as Russian loanwords in Buryat, Mongolian loanwords in Evenki and Yakut, chronological attributions of the latter be further explored in historical contexts of phonetic systems of recipient languages, with due account for actual circumstances of interaction with native speakers of Mongolic languages. The absence of original written sources shall definitely leave these questions unanswered. So, historical linguistics can independently serve as a promising tool for such historical reconstructions.

Keywords: Buryat language, Buryat dialects, historical phonetics, Mongolic languages, ethnonymy, onomastics

Acknowledgments. The reported study was funded by government assignment, projects no. 121031000241-1 ‘Historical Space of the Mongolian World: Archaeological Cultures, Societies and States’, and no. 121031000243-5 ‘Russia and Inner Asia, 17th–21st Centuries: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic and Cross-Cultural Interaction’.

For citation: Tishin V. V., Nanzatov B. Z. Buryat Historical Phonetics in Seventeenth-Century Russian-Language Documents: Problem Statement Approached. Part One. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(1): 142–157. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-142-157

Введение

Бурятский язык состоит из ряда локальных говоров, имеющих свои производительные особенности, различия в лексическом фонде и, менее значительно, в морфологии. Такая картина сформировалась исторически, еще больше в период после XVII в., когда различные монголоязычные коллективы, проживавшие на территории Прибайкалья, были интегрированы в административную систему Российского государства. Существуют разные классификации бурятских говоров (см., например, литературу вопроса: [Бураев 1988a]).

Согласно наиболее традиционной классификации, выделяют восточные говоры, к которым принадлежит хоринский, утвержденный в 1936 г. в качестве литературного языка, западные говоры (очень разнородная группа) и южные говоры. К последней принадлежат сартульский и цонгольский говоры, характерные для групп населения, исторически более тесно связанных с населением Монголии, потому обнаруживающих бóльшую близость к халха-монгольскому языку. В силу этого бурятские говоры восточного и западного ареалов иногда представляют как «традиционные бурятские говоры» — с точки зрения лингвистической идентификации: именно они содержат ряд

фонетических характеристик, выделяющих бурятский язык среди остальных монгольских языков [Будаев 1978: 15, 16–17; Будаев 1992: 26 (примеч. 1), 41–42, 44; и др.].

Общеизвестно, что эти основные отличительные характеристики бурятского языка в более или менее завершенном виде сформировались, по меньшей мере, во второй половине XVIII в.:

- письм.-монг. /si/ > бур. /šV/;
- письм.-монг. /-s/ > бур. /-d/ (в конце слов или основ);
- письм.-монг. /s/ > бур. /h/ (в инициальной или интервокальной позиции);
- письм.-монг. /č/ > бур. /s/ (в позиции не перед /i/);
- письм.-монг. /či/ > бур. /šV/;
- письм.-монг. /j/ > бур. вост., /z/, бур. зап. /j/ (в позиции не перед /i/);
- письм.-монг. /ji/ > бур. /zV/;
- письм.-монг. /q/, /k/ > бур. /χ/;
- письм.-монг. /gi/ > бур. /ji/.

Наиболее яркими отличительными чертами бурятского языка является именно наличие фарингального *h* (< *s) и отсутствие аффрикат /ts/, /dz/ и /č/, /dž/ в позиции перед /i/ (они присутствуют лишь в южных говорах).

Последовательность фонетических процессов, приведших к такой специфике языкового строя бурятского языка, вполне объясняется логикой изменений состава звуков [Рассадин 1982; Бураев 1987]. Сложной остается проблема хронологии этих изменений.

Решение проблемы затруднено объективным недостатком письменных источников. Фактически, буряты¹ начинают полноценно фигурировать в письменных источниках только с начала XVII в., когда в контакт с ними вступают пришедшие в Восточную Сибирь российские служилые люди и казаки. Русскоязычные документы содержат упоминания названий племенных коллективов, имен персоналий, топонимов, отдельных слов. С XVIII в., когда занятая бурятами территория абсолютно переходит под контроль Российского государства, источников становится больше, начиная с экспедиций Д. Г. Мессершмидта и Г. Ф. Миллера, целенаправленно собиравших материал о быте и языке населения Сибири.

Записи из архива Ф. П. Аделунга, относящиеся к концу третьей четверти XVIII в. и содержащие записи неких трех бурятских диалектов, окончательно подтверждают пеструю картину фонетического и лексического разнообразия ареальных говоров [Будаев 1992: 208–216]. С того времени бурятский язык не претерпел существенных фонетических изменений, продолжая значительно пополняться лексикой, в том числе из тибетского и русского языков, распространение и особенности адаптации которой имели ареальный характер. Это наглядно отражено и в так называемых бурятских летописях, известных с XIX в. [Цыдендамбаев 1972: 463–553].

¹ Мы не касаемся здесь вопроса о происхождении и истории этого названия, известного ранее в монгольских источниках. Напомним, что достоверно оно впервые зарегистрировано уже в «Тайной истории монголов» в отношении событий 1207 г. Встречаются его единичные упоминания и в классических памятниках монгольской историографии XVII в.

Если верхняя граница формирования фонетических особенностей бурятского языка более или менее ясна, то тот хронологический пункт, который мог быть принят за условную точку отсчета начала этих перемен совершенно не ясен.

Материалы и методы

Первая часть статьи посвящена дискуссии, касающейся хронологии фонетических изменений, приведших к формированию отличительных характеристик бурятского языка среди других языков монгольской группы. Рассмотрение основной лингвистической литературы, представленной научными монографиями, рецензиями и статьями, позволяет проследить направление научных дебатов, в ходе которых выкристаллизовывались ключевые вопросы исторической лингвистики и прояснились смежные проблемы, связанные с фондом источникового материала и методикой исследований.

Историческая фонетика бурятского языка: вопросы хронологии

К первой трети XX в. академическое монголоведение имело уже более чем вековую историю. После составления фундаментальных словарей и написания грамматик исследователи могли приступить к сравнительному изучению языков и выявлению общих фонетических закономерностей. В Советском Союзе практическая необходимость вызвала серию диалектологических экспедиций в 1928–1932 гг., значительно обогативших науку знаниями о локальных говорах бурятского языка (тогда официально именовавшегося «бурят-монгольским»).

Этапной работой для монголоведения стала книга Г. Д. Санжеева, представлявшая собой опыт написания сравнительно-исторической грамматики монгольских языков [Санжеев 1953]. Большим влиянием она пользовалась в Советском Союзе, но встретила осторожное отношение в среде зарубежных коллег [Poppe 1955: 6 (note 5); Doerfer 1955: 79–80]. Вышедшая немногим позже работа Н. Н. Поппе имела задачей (как видно уже из ее названия) не сравнительно-историческое исследование, но сравнительно-сопоставительное описание монгольских языков [Poppe 1955].

Г. Д. Санжеев писал: «Трудно сказать, каковы были в деталях особенности „протобурятских“ диалектов XIII–XIV вв. Во всяком случае, к началу XVII в. бурят-монгольские племена уже составляли отдельные от прочих центрально-азиатских монголов этнические группы под общим наименованием „бурят“. Судя по „отпискам“ русских казаков и воевод, в XVII в. бурятские диалекты еще знали согласные **с, ц, ч**, которым теперь соответствуют **h, с, ш**, иначе говоря, тогда между бурятскими и халхаскими диалектами в области фонетики не было еще тех существенных различий, которые имеются теперь. Надо, конечно, предполагать, что бурятские диалекты XVII в., как и теперь, существенно отличались от халхаских диалектов в отношении своего словарного состава» [Санжеев 1953: 9].

Г. Д. Санжеев, таким образом, одним из первых обратил внимание на русскоязычную документацию XVII в. как источник по истории бурятской фонетике и, к тому же, сделал на их основе ответственные выводы.

Другие исследователи после ознакомления с опубликованными русскоязычными документами XVII в. (в основном благодаря сборнику [СДИБ 1960])

вполне приняли соображение, что в этот период среди бурят еще не произошло этапных фонетических изменений \check{c} , c ($< \check{c}$), s в \check{s} , s , h соответственно [Doerfer 1963a: 506; Doerfer 1965–1966: 434; Kara 1972: 432 ff.; Clark 1979: 20, 25 (note 31); Будаев 1978: 215; Будаев 1992: 47].

Особое значение для истории бурятского языка имеет теория о трех так называемых переломах гласного /i/ (вместо двух у Б. Я. Владимирцова), в связи с которыми происходили существенные изменения в звуковом составе монгольских языков, в том числе связанные с эволюцией аффрикат [Санжеев 1953: 91–114].

Напомним, что суммарно, согласно мысли Г. Д. Санжеева, в истории бурятского языка должны были существовать такие фазы, которые удобно представить в виде таблицы (см. табл. 1).

Таблица 1. Развитие аффрикат в бурятском языке по Г. Д. Санжееву
[Table 1. Development of affricates in Buryat according to G. D. Sanzheev]

Хронологический период	Развитие шипящих аффрикат		Развитие свистящих аффрикат		Комментарий
VII–X вв.	*tʰi ~ *ti	čV	*dʰi ~ *di		одна аффриката
X–XII вв.	či	čV	ji	jV	две аффрикаты
XIII–XIV вв.	tši	tsV	dž	dzV (~ диал. #jV)	четыре аффрикаты
XIV–XV вв.	šV	sV	žV	zV	нет аффрикат

Теория Г. Д. Санжеева, выстраиваемая вокруг предположения о существовании трех переломов гласного /i/ логику развития аффрикат из палатализирующихся дентальных, а затем постепенно сменяемых спирантами, была воспринята в научных кругах неоднозначно. Одни исследователи оценили ее как «открытие» [Михайлов 1955: 95], другие отметили спорный характер интерпретации приводимых примеров и противоречия в построении хронологии этих процессов, обобщенно распространяемой на все монгольские языки [Porre 1954: 302–303; Лигети 1955: 139–140; Doerfer 1955] (ответ Г. Д. Санжеева: [Санжеев 1957: 376 (прим. 5), 381 (прим. 18)]).

Как отметил Герхард Дёрфер, такое схематическое обобщение противоречит тому же собственному утверждению Г. Д. Санжеева, основанному на сведениях русскоязычных источников, что в XVII в. в языке бурят еще не произошло этапных изменений $s > h$, $ts > s$, $\check{c} > \check{s}$ [Doerfer 1955: 79]. Отвечая оппоненту, Г. Д. Санжеев [Санжеев 1957: 381 (прим. 18)] ссылается на место в своей работе, где отмечено, что эти процессы, начало которых он датирует XIV–XV вв., могли быть растянуты во времени, продолжаясь до XVI–XVII вв. (см.: [Санжеев 1953: 96]).

Уже тогда обнаружилось два различных методических подхода к установлению хронологии закономерностей фонетических изменений в бурятском языке. Например, Лайош Лигети, осторожно относившийся к преждевременным генерализациям и призывавший к более внимательному изучению конкретных языков, по поводу бурятского писал: «Трудно также представить, чтобы бурятский

язык, равным образом распространенный на окраине Монгольской империи, мог получить свою языковую специфику лишь после XV в.» [Лигети 1955: 139].

Г. Д. Санжеев, исходящий из возможности применения обобщающей хронологической схемы для объяснения частных примеров [Санжеев 1957: 381], настаивал на сравнительно позднем характере отличительных фонетических изменений в бурятском, «не раньше периода появления в халхаских диалектах свистящих аффрикат *з* и *с* и что в еще юаньскую и минскую эпохи все эти диалекты фонетически существенным образом друг от друга не отличались», как и различия между бурятскими диалектами не были значительными [Санжеев 1957: 382].

Новую веху открывает работа польского монголиста Станислава Калужиньского о монгольских заимствованиях в якутском языке [Kałużyński 1961]. С. Калужиньский очерчивал время проникновения монголизмов в якутский язык с XII по начало XVII в., когда российское завоевание завершило возможность тесных контактов [Kałużyński 1961: 119].

Специально останавливается С. Калужиньский на возможности выявления роли бурятского языка в этих заимствованиях, которые преимущественно специфических для него признаков не демонстрируют:

(1) общемонгольский спирант *s* в конце слога или слова в бурятском языке отражается как *d*, но в якутском соответствует *s*;

(2) общемонгольский согласный *g* перед гласным *i* в бурятском переходит в *j*, но в якутском *g* остается без изменений;

(3) общемонгольский гласный *i* в позиции перед слогом, содержащим *i* или *e*, в бурятском языке изменяется в *e*, но в якутском сохраняется [Kałużyński 1961: 123–124].

Среди прочих наблюдений С. Калужиньский остановился на замечании, что в некоторых якутских словах монгольского происхождения в начале слова этимологическим общемонгольским аффрикатам *ǰ*- и *ǰ̣*- (и соответствующим спирантам в разных монгольских языках), давших в бурятском соответственно *z*- и *s*-, соответствует як. *s*-, что формально указывало на бурятский язык в качестве источника заимствований. Тем не менее исследователь признает, что эти наблюдения встречают трудности в хронологии [Kałużyński 1961: 123–126].

Г. Д. Санжеев в своей рецензии на работу С. Калужиньского остановился на этом вопросе. Отмеченные польским исследователем якутские монголизмы, которые встречаются только в бурятском языке, он в силу именно этой причины назвал «весьма загадочными», допустив, что они сами могли явиться заимствованием в бурятский из якутского. Однако в каком бы направлении эти заимствования не были осуществлены, соответствия в некоторых из них як. *s*- этимологическому общемонгольскому *s* (> бур. *h*) указывают на то, что это произошло до развития в бурятском *s* > *h* [Санжеев 1963: 143]. Г. Д. Санжеев упомянул, что хронология фонетических изменений в монгольских языках достаточно надежно установлена, потому утверждал, что датировать «установление периода проникновения монгольских элементов в якутский язык не представляет большой сложности» [Санжеев 1963: 144].

В рецензии Л. Лигети обращено внимание на проблемы, возникающие в связи с размытой хронологией монгольских заимствований в якутский язык

у С. Калужиньского, что не разъясняет деталей, в том числе, например, причины различного отражения письм.-монг. *č*- как як. *č*- и *s*- (< *š*-), письм.-монг. *ǰ*- как як. *ǰ*- и *s*-: обусловлены ли эти различия хронологически либо связаны с диалектными особенностями источников заимствований [Ligeti 1963: 326–327]. По поводу утверждения С. Калужиньского о влиянии языка бурятского типа Л. Лигети не только указывает на отсутствие каких-либо надежных данных о бурятах до XVII в., но и напоминает о проблеме датировки ключевого явления для бурятского языка: *s* > *h* [Ligeti 1963: 329].

Общему суждению С. Калужиньского по поводу природы якутских монголизмов категорично высказался Г. Дёрфер, подкрепляя свой довод опорой на исторический контекст: «Die Annahme, das Jakutische habe Lehngut aus verschiedenen mo. Dialekten, scheint also unnötig, da die verschiedenen Stadien der jakutischen Wörter einfach verschiedene Stadien von Entlehnungen aus dem Burjatischen widerspiegeln können» ‘Предположение о наличии в якутском языке заимствований из разных монгольских диалектов кажется излишним, поскольку разные стадии якутских слов могут отражать разные этапы заимствования из бурятского языка’¹ [Doerfer 1963a: 506–507].

Дьёрдь Кара дискутирует с такой однозначной позицией, высказанной в рецензии Г. Дёрфера, который в своих воззрениях на изменения в бурятской фонетике опирался на некоторые примеры из документов XVII в. и словарь П. С. Палласа. Д. Кара считает, что все монголизмы, даже если среди их источников был какой-то язык, близкий к бурятскому, должны были появиться в якутском языке до XVI в., после чего непосредственные контакты бурят с якутами в силу их отделения друг от друга на большие расстояния не могли быть тесными [Kara 1972: 432]. Д. Кара пытался интерпретировать хронологию монголизмов в якутском языке, исходя из данных словаря И. Э. Фишера (ок. 1730 г.) и записей И. Г. Гмелина (1738 г.), указывающих на уже свершившееся развитие **s* > *h* в бурятском в первой четверти XVIII в. Д. Кара считает, что опора в интерпретации якутских монголизмов на выдвигаемые Г. Д. Санжеевым характеристики «среднебурятского», предполагающие наличие *c*, *č*, *ʒ*, *ǰ* (т. е. [ts], [č], [dz], [dž], аналогично совр. халха-монгольскому), не может быть оправдана, потому что древние слоги *či*, *ǰi* в том состоянии бурятского языка остаются палатальными, при этом после развития общетюркского **ǰ*, **č* > як. *s* монгольские аффрикаты **ǰ*, **č* сохраняются в якутском неизменными [Kara 1972: 433].

Д. Кара, который привлек данные якутского словника Н. Витсена (1692 г.), утверждает, что отражение в як. *sy* < монг. *ši*- (< **či*-), как и *ǰi*-, может быть интерпретировано не как свидетельство бурятизмов, а, наоборот, отражать более древний слой заимствований из монгольских языков, не обязательно характеризовавшихся *ši*- < **či*-, и соответствовать периоду, когда тюркские *č*, *ǰ* и соответствующие звуки *č*, *ǰ* в монгольских заимствованиях одинаково закономерно совпали в *č* > *š* > *s*. Он при этом не отверг категорично мнение С. Калужиньского о возможном влиянии на фонетический облик заимствований языка бурятского типа [Kara 1972: 434].

Значение этих дискуссий состоит в том, что в результате них была выведена проблема взаимосвязи важных для истории бурятской фонетики исторических

¹ Перевод авторов статьи.

аспектов, сводящихся к детализации хронологии изменений звукового строя якутского языка, заключающейся:

(1) в выяснении нижнего рубежа отклонений якутского языка от общетюркского ствола, приводящего к проблеме объяснения исторического контекста этого процесса;

(2) в выяснении этапов контактов носителей якутского языка с монголоязычным населением, в том числе на определенной стадии с предками носителей бурятского языка.

Между тем Г. Дёрфер, одновременно с подвергшейся критике рецензией на книгу С. Калужинского, опубликовал еще две рецензии на другие издания, в которых, комментируя только что опубликованные Б. Ринченом материалы по шаманизму (1961), упомянул о зафиксированной в записи шаманской молитвы, содержащей бурятское имя *Fedot* (в форме родительного падежа *Fedōhī*, *Fidōhī*), восходящее к рус. *Feodósij*, что, по мнению исследователя, в совокупности с косвенными сведениями русскоязычных документов о звуковом облике языка бурят свидетельствует о завершении в нем процессов $-s > -h$, $-s > -t$ в довольно короткий срок: не ранее, чем в течение XVII в. [Doerfer 1963b: 430; Doerfer 1965–1966: 434].

Наблюдения С. Калужинского касательно признаков бурятского влияния у монголизмов в якутском языке, где начальному письм.-монг. *ǰ*-, *č*- соответствует якутский *s*-, развил В. И. Рассадин. Он обратил внимание на то, что этот *s*- в якутском не мог бы развиваться непосредственно из аффрикат, поэтому промежуточной ступенью мог быть звук, напоминающий бурятский */z/* (**/dz/* < письм.-монг. *ǰ*/) [Рассадин 1973: 167–169]. В дальнейшем эти наблюдения были усилены указанием на то, что в сочетаниях як. *s*- с */i/*, соответствующим монг. */i/*, промежуточной ступенью развития начального согласного мог быть также звук, напоминающий */č/* или иногда */š/*, как это отражено в монгольских заимствованиях в тюркских языках Южной Сибири [Рассадин 1980: 79–81, 82].

В настоящее время польский лингвист Марек Стаховский привлек недавно полностью опубликованные записи Г. Ф. Миллера о народах Сибири (1735 г.) и, основываясь в том числе на выявленных там монгольских заимствованиях в якутском языке, установил следующие опорные рубежи для хронологии фонетических процессов в якутском языке:

(1) развитие **-aga-* > *-ā-*: началось не ранее XVII в.;

(2) сокращение этимологической долготы в финальном слоге: началось не ранее XVII в.;

(3) стяжение интервокального */g/*, предшествующее дифтонгизации: произошло в период XVI–XVII вв.;

(4) дифтонгизация долгих гласных: с середины XVI в. до начала XIX в.;

(5) развитие губного притяжения и последовательной лабиализации: не позднее середины XVI до конца XVII вв.;

(6) назализация *g > ŋ*: не позднее середины XVI в. и, по меньшей мере, до середины XVII в.;

(7) *-č > -s*: вероятно, завершилось до конца XVI в.;

(8) *k > x*: с XVII по середину XVIII в.;

(9) прогрессивная ассимиляция *-nč-* > *-nń-*: не позже середины XVI в. и, по меньшей мере, до конца XVII в. [Stachowski 2005: 194–203].

Впрочем, примеры, демонстрирующие третий и четвертый пункты, представленные монголизмами, могут получить альтернативное объяснение [Stachowski 2005: 196].

Пока приходится признать, что выработка комплексных критериев для выявления бурятизмов в якутском языке остается затруднительной.

В небольшой статье Ларри Кларка были суммированы и подверглись обсуждению различные источники, из которых можно почерпнуть сведения об этапном развитии бурятской фонетики: записи исследователей XVIII в.; влияние норм письменного языка (зафиксированного у бурят к концу XVII в. Н. Витсенем); исторические сведения о взаимодействиях между собой и во вне коллективов, связанных с диалектными группами бурят; бурятские заимствования в якутском языке; бурятские заимствования в эвенкийском языке; развитие заимствованных книжных монгольских форм в бурятском языке; русские заимствования в бурятском языке [Clark 1979]. Он резюмировал, что основные изменения, по меньшей мере, в бурятских говорах западного ареала, зафиксированы уже к 20-м гг. XVIII в. (записи Д. Г. Мессершмидта, словарь И. Э. Фишера). Видение Л. Кларком последовательности этапов фонетических изменений в бурятском языке и их хронология представлены следующим образом:

(1) письм.-монг. /-s/ > бур. /-d/ (до XVII в.);

(2) письм.-монг. /si/ > */ši/ > бур. /ši/ (между 1660 и 1720 гг.);

(3) письм.-монг. /s/ > */θ/ > бур. /h/ (между 1660 и 1720 гг.);

(4а) письм.-монг. /č/, /j/ > бур. */ts/, /dz/;

(4б) бур. */ts/, /dz/ > бур. /s/, /z/ (между 1680 и 1720 гг., после бурятско-цонгольских контактов);

(5) письм.-монг. /či/, /ji/ > */čV/, /jV/ > бур. /š/, /ž/ (в конце периода 1680–1720 гг.) [Clark 1979: 20].

До того времени, как произошли эти важнейшие изменения, в языковом отношении население Байкальского региона мало отличалось от носителей других монгольских языков [Clark 1979: 21].

Л. Кларк, таким образом, подошел к проблемам истории бурятской фонетики на основе конкретного материала, пытаясь интерпретировать его непосредственно в историческом контексте.

В общем-то, само содержание выводов вполне соответствует видению Г. Д. Санжеева, которое на основе своего анализа исторических известий подтверждает Ц. Б. Будаев. С одной стороны, Ц. Б. Будаев писал, что «в XVII в. бурятский язык имел уже много особенностей, которые отличают его в настоящее время от халха-монгольского» [Будаев 1978: 215], при этом далее он сочувственно цитирует высказывание Г. Д. Санжеева о незначительном расхождении в XVII в. между бурятскими и халха-монгольскими диалектами, от себя добавляя, что «в следующем столетии эти различия резко обозначились» [Будаев 1978: 215]. Позже Ц. Б. Будаев формулировал свое видение таким образом: «До конца XVII в. различия в монгольских диалектах носили слабо выраженный характер» [Будаев 1992: 30], в дальнейшем вновь выражая свое согласие с тем же ключевым утверждением Г. Д. Санжеева [Будаев 1992: 47]. Так или иначе он согласен, что основные процессы, приведшие к формированию бурятского языка, протекали уже в период вхождения бурят в состав Российского государства [Будаев 1978: 215, 218; Будаев 1992: 40].

Иной подход представлен в работах других советских исследователей — В. И. Рассадина и Д. И. Бураева, авторов опорных работ по истории бурятской фонетики [Рассадин 1982; Бураев 1987]. В этих работах на основе привлечения значительного языкового материала, в том числе по отдельным говорам, убедительно обоснована сама логика и последовательность изменений звукового состава бурятского языка (несколько отличающаяся, в частности, от предложенной Л. Кларком, о котором выше). Оба исследователя остаются исключительно в рамках лингвистики, широко привлекая в сравнительном аспекте факты из истории других монгольских языков или даже вовсе алтайских. Между тем они не делают никаких предположений касательно хронологии этих изменений, а в объяснениях природы этих изменений ограничиваются рассуждениями с указаниями на ареальные контакты предков носителей бурятского языка с их окружением — тунгусо-маньчжурским или тюркским, в чьей среде обнаруживается ряд сходных фонетических явлений. Не останавливаясь на пересказе содержания этих работ, приведем такие примеры.

Отличительной чертой ранней стадии бурятского языка В. И. Рассадин считал первостепенное развитие по типу современных ойратского и халха-монгольского свистящих аффрикат /ts/ (< *t͡ɕ/), /dz/ (< *d͡ʒ/), уже затем развившихся соответственно в /s/ и /ž/, /z/, /j/, что произошло уже после изменения /s/ > /h/ [Рассадин 1982: 133, 166]. Этот переход /s/ > /h/, по мнению В. И. Рассадина, особенно в западных говорах, «произошел очень давно» [Рассадин 1982: 79], «произошел и завершился давно» [Рассадин 1982: 160]. Далее, основываясь на материалах XVIII в., он показывает, что этот процесс происходил неравномерно среди разных групп населения, что объясняется фиксацией в записях полевых материалов носителей разных говоров, прежде всего, южных, пришедших из Монголии и принесших свои произносительные особенности.

В. И. Рассадин сам процесс развития /s/ > /h/ склонен (вслед за И. Д. Бураевым) связывать с тунгусским влиянием [Рассадин 1982: 5], однако, признавая, что «хакающая» группа эвенков (северная группа диалектов) расположена слишком далеко на севере, в то время как непосредственно соседствовавшая с бурятами к западу от Байкала южная группа диалектов является по большей части «шекающей» [Рассадин 1982: 171].

Отмеченная В. И. Рассадиным важнейшая тенденция, которая в том или ином виде отразилась в бурятском языке, характеристикой которой является ослабление напряженности артикулирующих органов, с которыми связаны многие процессы звуковых изменений, определяется им как общемонгольская черта. При этом ее особое проявление у бурят (*/j/ > /ž/; /č/ > /š/; /dz/ > /s/; /ts/ > s; s > /h/, /d/; /q/, /k/ > /χ/, также зап. /g/ > /j/; */j/ > /j/; -VhV- > -VV-) объясняется возможным влиянием населения соседних тюркских народов Саяно-Алтая и Минусинской котловины [Рассадин 1982: 169].

И. Д. Бураев также отмечает, что многие особенности бурятского звукового строя связаны с взаимодействием с эвенкийским языком [Бураев 1987: 11, 165; Бураев 1988б: 124]¹. Влиянием эвенкийского языка объясняются как

¹ Такая же точка зрения отражена в соответствующем разделе И. Д. Бураева и Л. Д. Шагдарова коллективной работы «Буряты», изданной в рамках серии «Народы и культуры» Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая [Бураев, Шагдаров 2004: 227, 288 и др.].

типологические некоторые характеристики якутского языка, выражающиеся в различных явлениях, характеризующих новации в «интонационно-ритмической специфике», и отразившиеся в замедленности темпа речи [Бураев 1987: 165; Бураев 1988б: 125].

И. Д. Бураев считает, что как носители якутского языка, так и носители бурятского языка обязаны появлением фарингального h ($< s$), что в обоих случаях является довольно поздним явлением¹, эвенкийскому населению — такая характеристика отмечена у северо-байкальских эвенков [Бураев 1987: 71–72; Бураев 1988а: 126, 166]. С другой стороны, появление «окающих диалектов», междиалектных соответствий (он называет их «чередованиями») /j/ и /ž/, гласных смешанного ряда /æ/ и /œ/ исследователь объясняет как следствие контактов по обе стороны Байкала с тюркским населением, вероятно, остатками ушедших на север якутов [Бураев 1987: 59; Бураев 1988б: 127].

Лингвистика оказывается в сложном положении. Возможность описать и формально обосновать логику фонетических изменений в бурятском языке не может найти убедительного обоснования историческим материалом. Опорными для всех построений являются результаты изысканий А. П. Окладникова, написавшего крупнейший труд по истории западных бурят [Окладников 1937]² и развившего свои выводы в ряде последующих работ (в особенности: [Окладников 1958]).

Вслед за А. П. Окладниковым, интерпретировавшим изученные им археологические памятники Прибайкалья в привязке к известным по письменным источникам историческим сообществам, все последующие авторы неизбежно хотят связать историю как бурят, так и якутов с курыканами, которых впервые упоминают китайские источники в VII в. (и о которых в целом очень мало известно). Выводы А. П. Окладникова отражены и в работах некоторых советских лингвистов, которые пишут о появлении монголоязычных предков бурят в Прибайкалье в XI–XII вв. и с этого рубежа пытаются отсчитывать какие-либо фонетические процессы [Рассадин 1982: 158; Бураев 1987: 9–10; Бураев, Шагдаров 2004: 227]. К сожалению, в силу влияний своего времени эти исследователи фактически сводили в одно целое проблемы этногенеза и глоттогенеза³.

¹ В монографии И. Д. Бураева сказано «X, XI вв. и позже» [Бураев 1987: 71].

² Переиздание этой работы в наше время (мы имеем в виду улан-удэнское издание 2014 г.) свидетельствует не только о сохранении ее научной значимости, но и об отсутствии исследования, способного полноценно заменить ее сегодня.

³ В работе Ц. Б. Цыдендамбаева ярко просматривается недифференцированное понимание лингвистического и этнографического содержания категории «протобуряты», а с ней иных — таких, как «протобурятские племена», «протобурятские роды», «диалекты протобурятских племен» [Цыдендамбаев 1972: 225, 226, 280, 281, 284, 285, 289, 291, 293, 484, 642]. Вслед за ним неразборчиво говорит о «протобурятских диалектах», «протобурятских племенах», «протобурятах» Ц. Б. Будаев [Будаев 1978: 15, 88, 212; Будаев 1992: 10, 26, 28, 38, 118], в одном месте, говоря о «протобурятах», он ссылается на мысли Л. Лигети о раннем выделении особенностей разных монгольских языков [Будаев 1992: 27] (сам Л. Лигети такого слова не употребляет: [Лигети 1955]). В. И. Рассадин неоднократно без кавычек употребляет наименование «протобуряты», «протобурятские племена» [Рассадин 1982: 149, 157–158, 169 и др.]. И. Д. Бураев, когда говорит об ареальном взаимодействии носителей эвенкийских и монгольских языков, пишет о сосуществовании «этносов» [Бураев 1987: 162; Бураев 1988б: 124; Бураев, Шагдаров 2004: 229].

Заключение

Изучение истории языка имеет несомненную важность для понимания истории народа, говорящего на нем; при этом история языка не тождественна истории народа, которая фактически является историей складывания общей идентичности.

Формированию карты бурятских говоров даже в том состоянии, в котором она предстает ко второй половине XVIII в., — уже в составе определенных административных ведомств Российского государства, — в немалой степени способствовали перемещения отдельных коллективов, наподобие тех, которые известны уже в XVII в., когда целые группы населения под давлением российских землепроходцев меняли территории своего поселения как в пределах Прибайкалья, так и, например, уходили в Монголию, впоследствии частично возвращаясь [Будаев 1992: 41].

А. П. Окладников в свое время отмечал важность изучения географии расселения в Прибайкалье различных исторических коллективов для того, чтобы понять историю формирования бурятского народа [Окладников 1937: 271–272]. Письменные источники не позволяют зафиксировать и проследить исторические переселения различных масштабов, имевшие место в ареале Прибайкалья и сопредельных территорий. В связи с этим сама лингвистика может выступать как перспективный инструмент для реконструкции того, что можно было бы условно назвать «историей протобурят» или «протоисторией бурят».

Рассмотрению непосредственно источниковых материалов будет посвящена вторая часть статьи.

Сокращения

бур. вост. — бурятский язык, восточные говоры
 бур. зап. — бурятский язык, западные говоры
 бур. — бурятский язык литературный (хоринский говор)
 письм.-монг. — письменно-монгольский язык
 рус. — русский язык
 як. — якутский язык

Литература

- Будаев 1978 — Будаев Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск: Наука, 1978. 302 с.
- Будаев 1992 — Будаев Ц. Б. Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования). Новосибирск: Наука, 1992. 217 с.
- Бураев 1987 — Бураев И. Д. Становление звукового строя бурятского языка. Новосибирск: Наука, 1987. 185 с.
- Бураев 1988а — Бураев И. Д. Основные этапы исследования бурятских диалектов и их классификация // Развитие и взаимодействие диалектов Прибайкалья / редкол.: Л. Д. Шагдаров (отв. ред.), В. И. Рассадин, Э. Д. Эрдынеева. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1988. С. 3–26.
- Бураев 1988б — Бураев И. Д. Результаты контактирования языков алтайской общности в циркумбайкальском регионе // Вопросы языкознания. 1988. № 4. С. 123–128.
- Бураев, Шагдаров 2004 — Бураев И. Д., Шагдаров Л. Д. [Глава 7] Бурятский язык и его диалекты // Буряты / отв. ред.: Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2004. С. 227–250.

- Лигети 1955 — *Лигети Л.* [Рец. на] Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М.: АН СССР, 1953. 240 стр. (Ин-т востоковедения АН СССР) // Вопросы языкознания. 1955. № 5. С. 133–140.
- Михайлов 1955 — *Михайлов Г. И.* [Рец. на] Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Том I. Издательство Академии Наук СССР, М., 1953 г. стр. 240. // Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. 1955. Вып. 12. Языкознание. С. 95–106.
- Окладников 1937 — *Окладников А. П.* Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л.: ОГИЗ, 1937. 427 с.
- Окладников 1958 — *Окладников А. П.* Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье // Филология и история монгольских народов: сб. ст. памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова / ред. кол.: Г. Д. Санжеев (отв. ред.) и др. М.: Вост. лит., 1958. С. 200–213.
- Рассадин 1973 — *Рассадин В. И.* Бурятизмы в якутском языке // О. Н. Бётлингк и его труд «О языке якутов»: мат-лы конф., посвящ. 120-летию выхода в свет труда О. Н. Бётлингка «О языке якутов» / отв. ред.: Е. И. Коркина, Н. Е. Петров. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1973. С. 167–179.
- Рассадин 1980 — *Рассадин В. И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 115 с.
- Рассадин 1982 — *Рассадин В. И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 199 с.
- Санжеев 1953 — *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М.: АН СССР, 1953. 240 с.
- Санжеев 1957 — *Санжеев Г. Д.* Некоторые вопросы сравнительно-исторической монголистики // *Rocznik orientalistyczny*. 1957. Т. XXI. С. 373–384.
- Санжеев 1963 — *Санжеев Г. Д.* [Рец. на] *St. Kałużyński*. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo naukowe, 1961. 171 с. // Вопросы языкознания. 1963. № 2. С. 141–144.
- СДИБ 1960 — Сборник документов по истории Бурятии XVII в. Вып. 1 (1609–1700) / сост. Г. Н. Румянцев, С. Г. Окунь. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. 493 с.
- Цыдендамбаев 1972 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 664 с.
- Clark 1979 — *Clark L. V.* A Problem in Buryat Historical Linguistics // *Studies on Mongolia: Proceedings of the First North American Conference on Mongolian Studies* / ed. by H. G. Schwarz. Bellingham: Center for East Asian Studies, Western Washington University, 1979. Pp. 14–25. (Studies on East Asia. Vol. 13).
- Doerfer 1955 — *Doerfer G.* [Rev.] G. D. Sanžeev, *Sravnitel'naja grammatika mongol'skich jazykov*, Tom I (Akademija Nauk SSSR, Institut Vostokovedenija). Moskva, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1953 // *Central Asiatic Journal*. 1955. Vol. I. No. 1. Pp. 79–80.
- Doerfer 1965–1966 — *Doerfer G.* [Rez.] *Handbuch der Orientalistik*. Hrsg. von B. Spuler unter Mitarbeit von H. Franke, J. Gonda, H. Hammitzsch, H. Kees, J. E. Van Lohuizen-De Leeuw und F. Vos. Erste Abteilung: Der Nahe und der Mittlere Osten. Hrsg. von B. Spuler. Fünfter Band: Altaistik. Zweiter Abschnitt: Mongolistik. Leiden-Köln: Brill, 1964. vii, 296 S. // *Oriens*. 1965–1966. Vol. 18–19. S. 431–436.
- Doerfer 1963a — *Doerfer G.* [Rez.] *Kałużyński, Stanislaw*: Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe 1961. 170 S. gr. 8°= Zakład Orientalistyki Polskiej Akademii Nauk, Prace Orientalistyczne, tom X. zł 72 // *Orientalistische Literaturzeitung*. 1963. Bd. 58. Nr. 9/10. S. 504–507.
- Doerfer 1963b — *Doerfer G.* [Rez.] *Les matériaux pour l'étude du chamanisme mongol*. II. Textes chamanistes bouriates recueillis par Rinchen (Asiatische Forschungen. Monographienreihe zur Geschichte, Kultur und Sprache der Völker Ost- und Zentralasiens,

- herausgegeben von Walther Heissig unter Mitwirkung von Herbert Franke, Nikolaus Poppe, Omeljan Pritsak, Band 8). Wiesbaden: Harrassowitz, 1961. VIII, 156 S. 8° // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1963. Bd. 113. Hf. 2. S. 429–430.
- Kara 1972 — *Kara Gy*. Le Glossaire Yakoute de Witsen // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1972. T. XXV. Fasc. 1–3. LVDOVICO LIGETI SEPTVAGENARIO HOC VOLVMEN DAMVS DICAMVS DEDICAMVS. Pp. 431–439.
- Kałużyński 1961 — *Kałużyński S.* Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961. 170 S. (Prace Orientalistyczne. X)
- Ligeti 1963 — *Ligeti L.* [Rev.] Kałużyński, Stanisław. *Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache*. 170 pages (Zakład Orientalistyki Polskiej Akademii Nauk. Warszawa, 1961) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1963. T. XVI. Fasc. 3. P. 325–329.
- Poppe 1954 — *Poppe N. N.* [Rev.] Профессор доктор филологических наук Г. Д. Санжеев, Монгольские языки и диалекты, Введение, Ученые записки Института Востоковедения, Том IV, Лингвистический Сборник, Москва, 1952 [Professor G. D. Sanžeev, Ph. D., “The Mongolian Languages and Dialects, Introduction,” Learned Memoires of the Institute of Oriental Studies, Vol. IV, A Linguistic Collection, Moscow, 1952, pp. 30–125 // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1954. Vol. XVII. Iss. 1–2. Pp. 295–304.
- Poppe 1955 — *Poppe N.* Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1955. 300 p. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, No. 110).
- Stachowski 2005 — *Stachowski M.* Chronology of Some Yakut Phonetic Changes in the Context of 18th century Mongolian Loanwords into Yakut // Rocznik Orientalistyczny. 2005. T. 58. No 1. Opera altaistica Professori Stanisłao Kałużyński octogenario dicata / [The Honorary Committee: S. Godziński, J. Tulisow, A. Bareja-Starzyńska, J. Rogala; ed. by A. Bareja-Starzyńska, J. Tulisow, with assist. of J. Rogala]. Pp. 194–203.

References

- Budaev Ts. B. Buryat Dialectal Lexemes: A Comparative Historical Perspective. Novosibirsk: Nauka, 1978. 302 p. (In Russ.)
- Budaev Ts. B. Buryat Dialects: A Diachronic Study. Novosibirsk: Nauka, 1992. 217 p. (In Russ.)
- Buraev I. D. Altaic languages in Baikal: Results of language contacts. *Voprosy Jazykoznanija*. 1988. No. 4. Pp. 123–128.
- Buraev I. D. Exploring Buryat dialects and their classification: Key stages. In: Shagdarov L. D., Rassadin V. I., Erdyneeva E. D. (eds.) *Dialects of Cisbaikalia: Development and Interaction*. Ulan-Ude: USSR Academy of Sciences (Sib. Branch, Buryat Institute), 1988. Pp. 3–26. (In Russ.)
- Buraev I. D. The Shaping of Buryat Phonetics. Novosibirsk: Nauka, 1987. 185 p. (In Russ.)
- Buraev I. D., Shagdarov L. D. [Chapter 7] Buryat language and its dialects. In: Abaeva L. L., Zhukovskaya N. L. (eds.) *Buryats*. Moscow: Nauka, 2004. Pp. 227–250. (In Russ.)
- Clark L. V. A problem in Buryat historical linguistics. In: Schwarz H. G. (ed.) *Studies on Mongolia: Proceedings of the First North American Conference on Mongolian Studies*. Bellingham: Center for East Asian Studies, Western Washington University, 1979. Pp. 14–25. (In Eng.)
- Doerfer G. [Rev.] G. D. Sanžeev, *Sravnitel'naja grammatika mongol'skich jazykov*, Tom I (Akademija Nauk SSSR, Institut Vostokovedenija). Moskva, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1953. *Central Asiatic Journal*. 1955. Vol. I. No. 1. Pp. 79–80. (In Germ.)
- Doerfer G. [Rev.] *Handbuch der Orientalistik*. Hrsg. von B. Spuler unter Mitarbeit von H. Franke, J. Gonda, H. Hammitzsch, H. Kees, J. E. Van Lohuizen-De Leeuw und F. Vos. Erste Abteilung: Der Nahe und der Mittlere Osten. Hrsg. von B. Spuler. Fünfter Band: Altaistik. Zweiter Abschnitt: Mongolistik. Leiden-Köln: Brill, 1964. VII, 296 S. *Oriens*. 1965–1966. Vol. 18–19. Pp. 431–436. (In Germ.)
- Doerfer G. [Rev.] Kałużyński, Stanisław: *Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe 1961. 170 S. *Orientalistische Literaturzeitung*. 1963. Vol. 58. No. 9/10. Pp. 504–507. (In Germ.)

- Doerfer G. [Rev.] Les matériaux pour l'étude du chamanisme mongol. II. Textes chamanistes bouriates recueillis par Rinchen (Asiatische Forschungen. Monographienreihe zur Geschichte, Kultur und Sprache der Völker Ost- und Zentralasiens, herausgegeben von Walther Heissig unter Mitwirkung von Herbert Franke, Nikolaus Poppe, Omeljan Pritsak, Band 8). Wiesbaden: Harrassowitz, 1961. VIII, 156 S. 80. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1963. Vol. 113. Pt. 2. Pp. 429–430. (In Germ.)
- Kałużyński S. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961. 170 p. (In Germ.)
- Kara Gy. Le Glossaire Yakoute de Witsen. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1972. Vol. XXV. No. 1–3. Pp. 431–439. (In Fr.)
- Ligeti L. [Rev.] Kałużyński, Stanislaw. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. 170 s. (Zakład Orientalistyki Polskiej Akademii Nauk. Warszawa, 1961). *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1963. Vol. XVI. No. 3. Pp. 325–329. (In Fr.)
- Ligeti L. [Rev.] Sanzheev G. D. Comparative Grammar of Mongolic Languages. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1953. Vol. 1. 240 p. *Voprosy Jazykoznanija*. 1955. No. 5. Pp. 133–140. (In Russ.)
- Mikhaylov G. I. [Rev.] Sanzheev G. D. Comparative Grammar of Mongolic Languages. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1953. Vol. 1. 240 p. *Kratkie soobshcheniya Instituta vostokovedeniya AN SSSR*. 1955. Vol. 12: Linguistics. Pp. 95–106. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. The arrival of Mongols in Cisbaikalia: Archaeological evidence. In: Sanzheev G. D. et al. (eds.) *Philology and History of Mongols. In memoriam Acad. Boris Y. Vladimirtsov*. Moscow: Oriental Literature Press, 1958. Pp. 200–213. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. Western Buryat Mongols, 17th–18th Centuries: Historical Essays. Leningrad: OGIZ, 1937. 427 p. (In Russ.)
- Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1955. 300 p. (In Eng.)
- Poppe N. N. [Rev.] Professor G. D. Sanzheev, Ph. D., “The Mongolian Languages and Dialects, Introduction,” *Learned Memoires of the Institute of Oriental Studies*, Vol. IV, A Linguistic Collection, Moscow, 1952, pp. 30–125. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1954. Vol. XVII. No. 1–2. Pp. 295–304. (In Eng.)
- Rassadin V. I. Buryatisms in the Yakut language. In: Korkina E. I., Petrov N. E. (eds.) O. N. Böhtlingk and His Work Titled ‘About the Yakut Language’. Jubilee conference proceedings. Yakutsk: USSR Academy of Sciences (Sib. Branch, Yakutsk Institute), 1973. Pp. 167–179. (In Russ.)
- Rassadin V. I. Essays in Buryat Historical Phonetics. Moscow: Nauka, 1982. 199 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I. Mongolian and Buryat Loanwords in Turkic Languages of Siberia. Moscow: Nauka, 1980. 115 p. (In Russ.)
- Rumyantsev G. N., Okun S. G. (comps.) Seventeenth-Century Buryatia: Collected Historical Documents. Vol. 1: 1609–1700. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1960. 493 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. [Rev.] St. Kałużyński. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo naukowe, 1961. 171 p. *Voprosy Jazykoznanija*. 1963. No. 2. Pp. 141–144. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. Comparative Grammar of Mongolic Languages. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1953. Vol. 1. 240 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. Some issues of comparative historical Mongolian studies. *Rocznik Orientalistyczny*. 1957. Vol. XXI. Pp. 373–384. (In Russ.)
- Stachowski M. Chronology of some Yakut phonetic changes in the context of 18th century Mongolian loanwords into Yakut. *Rocznik Orientalistyczny*. 2005. Vol. 58. No 1. Pp. 194–203. (In Eng.)
- Tsyendambaev Ts. B. Buryat Historical Chronicles and Genealogies: A Historical and Linguistic Study. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1972. 664 p. (In Russ.)

Научное издание

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

2023. Т. 15. № 1

Главный редактор — Куканова В. В.

Дата выхода: 23.06.2023. Формат 70x108/16.

Усл. печ. л. 13,82 Тираж 100 экз. Заказ 04-23.

Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06
E-mail: mongoloved@kigiran.com

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8